

**АЛЕКСАНДР
КОРЖАКОВ**

«Чем старше становится человек,
тем меньше он признает
недосказанности...»

БЕСЫ 2.0

А ЦАРИ-ТО НЕНАСТОЯЩИЕ!

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Новая книга воспоминаний Александра Коржакова, генерал-лейтенанта в запасе, бывшего начальника Службы безопасности Президента Российской Федерации, раскрывает неизвестные ранее подробности жизни Бориса Ельцина и его окружения. В своем предыдущем бестселлере «Борис Ельцин. От рассвета до заката» Коржаков рассказал далеко не все. Но сейчас, считает автор, «время пришло». Новые мемуары содержат ряд сенсационных признаний главного телохранителя президента, а также описания ярчайших эпизодов жизни ельцинского Кремля, в миниатюре отражающих все то, что происходило со страной в «лихие» 90-е. Откровенные и правдивые воспоминания Коржакова показывают, что пресловутые миллионные взятки и кумовство были лишь повседневной рутинной, вершиной айсберга деятельности кремлевских небожителей, обезумевших от вседозволенности и безнаказанности...

- Александр Коржаков
 - Невыдуманный памфлет
 - Царская охота
 - О спецжизни на спецдачах
 - Есть у коррупции начало, нет у коррупции конца
 - «Имел умысел на свержение государя»
 - Элитка
 - Наши жены деньгами заряжены
 - Бриллианты — лучшие друзья дедушек
 - Повесть о настоящих людях
 - Рядовые демократического запаса
 - «Ельцин меня личным другом назначил»
 - Дни опричников
 - В какой позиции имеют оппозицию
 - Кто на самом деле «отвечает за базар»
 - Не трожь — он и пахнуть не будет
 - Танцуют все!.
 - «Не виноватый я, она сама пришла!»
 - Вопрос — ответ

Александр Коржаков

Бесы 2.0. А цари-то ненастоящие!

*«Чем старше становится
человек, тем меньше он признает
недосказанности...*

Думаю, сейчас время пришло».

Невыдуманный памфлет

*Не тогда надо стыдиться
мерзостей, когда о них пишут, а
когда их делают.*

А. И. Солженицын

«Центр подлецов» — такое название я придумал для этой книги, когда ее еще не было, когда она была только в замыслах. А они возникли после сообщений об открытии в Екатеринбурге Ельцин Центра стоимостью в пару современных клиник. Хотя и «Центр негодяев», как название, тоже годится. Впрочем, подлый и негодный — что в лоб, что по лбу, невелика разница. Так у нас в России испокон века зовут тех, кто открыто или исподтишка плюет на стыд и совесть. Это они принимают «законы подлецов», они бросают старых и обездоленных на произвол судьбы, они набивают свои карманы, пируя во время чумы.

Ладно бы, если б только сами в дерьме извалялись. Но так выходит, что люди, оказавшиеся в России у руля в начале 90-х годов, поставили печать на целую эпоху и страну. Вот уже три почти десятка лет, и из-за них, в том числе, мы не живем, а только собираемся жить, и регулярно вынуждены испытывать стыд перед всем миром.

Жанр этой книги я бы определил как памфлет. Я не литературовед, конечно, а отставной генерал-лейтенант. Но ничто человеческое нам не чуждо, да и свободного времени на пенсии много. Поэтому я поинтересовался мнением специалистов. Некоторые из них называют памфлетом небольшое по объему художественное произведение, чаще — полемической направленности и с определенным социально-политическим «адресом». Что касается полемики, согласен: со всем нижеизложенным можно спорить, не принимать — на здоровье, как говорится. Это — мои хроники очевидца и только мое видение и творческое осмысление прожитого. Что же касается политических «адресатов» — не хотел бы сужать аудиторию. Эта книга — для всех, кто интересуется нашей новейшей историей.

Мне больше понравилось определение памфлета в дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Ввиду того, что памфлет рассчитан не на избранных читателей, а на массу, изложение в нем общедоступно, горячо и сжато. Не предполагая в читателе никаких предварительных размышлений и сведений о данном вопросе, памфлетист обращается только к

простому здравому смыслу».

Кстати, «Бесы» Ф. М. Достоевского получили жанровое определение «роман-памфлет». Название произведения великому писателю навеяла притча о бесах, вселившихся в свиней. Не хочу проводить прямых параллелей, но этот библейский сюжет и для России конца XX — начала XXI века более чем актуален: деяния многих героев этой книги, о которых я расскажу, иначе объяснить трудно. Вот только классик писал о разрушителях основ, которые поднимались мутной волной с низов, а у нас сегодня основы трещат от тех, кто вверху.

«Для того чтобы иметь много денег, не надо иметь много ума, а надо не иметь совести», — сказал когда-то французский политик и дипломат Талейран, наблюдая за нравами современной ему империи. Но оказалось, что это диагноз на все времена. Однако хуже всего, когда у тех, кого случайность вознесла на властный олимп, и ум есть, и совести нет. Это свойственно всем плутократиям — обществам, где на ключевых должностях представители не народа, а влиятельного класса сверхбогатых людей, для которых страна — не более чем дойная корова.

Сегодня наблюдаю всю эту публику по телевизору и думаю: двадцать лет прошло с того времени, как я круглосуточно был рядом с теми, кто принимал в стране решения, а плуты никуда не делись. Те же лица, только в профиль. Конечно, появились и новые, но их словно в инкубаторе штампуют: та же манера говорить правильные слова, за которыми — пустота, потому что за кулисами вся их энергия уходит на воспроизводство своего богатства и ни на что больше.

После 90-х не была сделана работа над ошибками, и ключевые посты в стране позволили занять тем, кто убежден: все в этом мире продается и покупается. Они любят слово «рулить», считая свое положение справедливой и откуда-то свыше данной привилегией. Вот только рулёжка эта почему-то все время выводит на курс, где есть возможности приумножить лично нажитое. Главное — своя «цена вопроса», а во что это встанет России — значения не имеет.

Да, время вносит новые штрихи в картину нашего бесконечного хождения по граблям. Когда-то эта публика сплошь состояла в КПСС, потом рвала сорочку от Ricci на груди за демократию, а теперь все вдруг стали патриотами и государственниками: «Была бы страна родная, и нету других забот». Хотя, в отличие от родной страны, живут в роскоши, какая и не снилась во времена Ельцина.

Впрочем, ряд «непокобелемых» демократов остался в

политике. В свое время ради сиюминутной предвыборной выгоды легко сдавали Ельцина, а теперь они все с ним бревно несли. Эти ветераны демократического движения сделали для его дискредитации все, что только можно. Им так не кажется, но это их проблемы.

Многие из 4 процентов россиян, сегодня являющихся сверхобеспеченными, начинали свою карьеру как раз в 90-е, которые стали лихими для остальных 96 процентов. И именно они в большой степени должны нести ответственность за то, что непрофессиональное и непрозрачное управление базовыми государственными компаниями превзошло самые худшие ожидания. Сегодня энергетический гигант «Газпром» — системообразующая компания страны и некогда один из крупнейших игроков на мировых рынках нефти и газа, стоит в 10 раз дешевле других нефтегазовых компаний мира, с гораздо более скромными запасами и возможностями.

Другой пример. Основная нефтяная компания страны, «Роснефть», перешла из стадии роста добычи в стадию падения. Ее расходы удвоились. Долг «Роснефти» вырос почти в 5 раз (до 3 триллионов рублей). При этом огромные долги накоплены не для того, чтобы проинвестировать свое производство, а для того, чтобы купить активы «ЮКОСа» и «ТНК-ВР».

Совершенно правильно заметил экономист Яков Миркин: «Россия — небольшая огосударствленная (до 60–65 %) сырьевая экономика латиноамериканского типа. В 2013 году — 2,9 % глобального ВВП; в 2016 году — всего 1,7 % (США — 24 %). Финансы еще мельче: в 2013 году — около 1 % глобальных финансовых активов; в 2016-м — 0,4–0,5 % (США — больше 30 %). Критически зависим от импорта технологий, оборудования и инструмента, хотя и пытаемся стряхнуть его. В январе 2017 года мы произвели на всю страну только 220 металлорежущих станков. По Росстату, мы выпускаем 1 пиджак на 70 мужчин и 1 пальто на 65 женщин в год. Наша основа — сырье, продовольствие, вооружение. Это царство олигополий, контрольных пакетов, сверхконцентрации ресурсов в Москве. И мы уникальны в офшоризации и вывозе капитала».

Какие топ-менеджеры — такая и экономика. Эти люди по сути своей остались прежними, только масштабы их деятельности кардинально изменились. От торговли цветами в Питере — к современным технологиям...

Г-н Чубайс раньше руководил выносом коробок из-под бумаги для ксеркса, набитых деньгами, сворованными из избирательного штаба Ельцина, потом «реформировал» электроэнергетику с закономерным результатом (энергия

вздорожала), а теперь командует госкорпорацией Роснано с многомиллиардным бюджетом и многомиллиардными же убытками. Один завод литий-ионных аккумуляторов в Новосибирске чего стоил — в прямом смысле. Вложения составили 15 миллиардов рублей. Итог: в 2016 году чубайсовский чудо-завод был признан банкротом с долгами более 8,5 миллиарда. Кто-то неплохо пополнил свой зарубежный счет, а заплатили за все это мы с вами. И таких проектов у Чубайса было не один и не два. И при всей своей неэффективности Роснано продолжает ежегодно получать щедрое дополнительное госфинансирование.

Когда-то в рамках конверсии эти «эффективные менеджеры» переводили оборонные заводы на выпуск кастрюль и фаллоимитаторов, а теперь годами создают какое-нибудь чудо технологии, которое в итоге оказывается китайским, только хуже и дороже оригинала. Или строят такие железные дороги, что полет на Марс был бы гораздо дешевле.

В 1993 году некие чудаки предлагали президенту использовать придуманный ими «гиперболоид», чтобы разгонять митинги, воздействуя на психику человека. Сегодня «неправильные» митинги всеми правдами и неправдами просто не допускают вместо того, чтобы устранять причины недовольства людей. А на «правильные» акции или сгоняют бюджетников, или покупают участников за несколько сотен рублей, чтобы создать видимость массовости. Сотрудникам службы безопасности президента, которую я возглавлял, в те годы никто не ставил задачи подпускать или не подпускать к первому лицу людей в зависимости от их политических взглядов. Мы отслеживали только тех, кто потенциально мог физически угрожать охраняемому лицу, явных неадекватов и т. п. И ни в каких «прямых линиях» главы государства с дрессированным народом и отрепетированными вопросами лично мне участвовать, слава богу, не доводилось.

У входа в Ельцин Центр, который обошелся в 7 миллиардов рублей, стоит президентский «ЗиЛ». В меню кафе — блюда, которыми Наина кормила мужа. В экспозиции — и ядерный чемоданчик, и копия знаменитого письма Ельцина Горбачеву, и личные вещи ЕБН, и его кремлевский кабинет — говорят, не бутафория. В телерепортаже об открытии россиянам показали преисполненных торжественности Наину Ельцину и Татьяну Юмашеву. Вот только мне показалось странным, что среди множества гостей — одноклассников, одноклассников, одноклассников и прочих — не оказалось родного младшего брата первого президента, Николая. Не пригласили и брата

двоюродного — Станислава Глебова. Может, потому, что он в интервью газете «Собеседник» как-то сказал о брате Борисе, что тот «страну угробил, пропил Россию»?..

Почему-то мне пришла мысль: если бы до этого дня дожил Виктор Степанович Черномырдин — его бы тоже не позвали. Я когда-то пожалел, что узнал его близко слишком поздно... Пожалел, что работал с Ельциным, а не с ним, и что не Черномырдин руководил Россией — все у нас могло бы сложиться иначе. Я понял этого человека только после того, как он стал депутатом Госдумы. Мы встречались несколько раз в месяц. Выпивали, конечно, хотя ему уже давно сделали операцию шунтирования и алкоголь был противопоказан. Беседовали подолгу и очень искренне. И только теперь, по прошествии времени, мне стало понятно, что мы очень многое потеряли вместе с его уходом с высших постов, а потом и из жизни. И даже не потому, что Черномырдин — единственный, кто вслух сказал обо мне: «С Сашей мы поступили очень нехорошо». В конце концов, моя личная судьба — это частное дело. А потому, что Виктор Степанович раскрылся передо мной как истинный, а не «театрализованный» патриот. Черномырдин переживал за Россию, а не за свой офшорный счет.

И еще Черномырдин был честным человеком. Это и тогда было не самым характерным качеством наших руководителей, а уж потом — и подавно. Страна погрязла в трех вещах: вранье, холопстве и зависти. Эта гремучая смесь разъедает общество, убивая все человеческое, здоровое и нравственное.

Лицемерие — во всем, оно унижает и тех, кто врет, и тех, кому врут. Проклинают Америку и вкладывают астрономические бюджетные средства в ценные бумаги Америки. Говорят, что благосостояние россиян — главное, декларируют социальное государство с приоритетом человека, а параллельно одним росчерком пера урезают расходы на социалку — на медицину, образование, обрекая стариков на нищету, а детей — на школьные обеды по 7 рублей в день. В сотый раз утром объявляют борьбу с коррупцией, а вечером в бане с узким кругом обсуждают схемы распила бюджетных средств и вывода их за границу.

Холуизм — стиль взаимоотношений всех со всеми во власти. Так, в общем-то, у нас было всегда, но нынче — просто до неприличия. И это не холопство, а именно холуизм. Холоп — персонаж подневольный, а холуй — раб инициативный. Вспомнилось, как в молодости мы писали рефераты по марксистско-ленинским наукам. Все студенты знали, что в первых строках обязательно должно быть «как указывал Владимир Ильич Ленин...», ну а дальше ты можешь написать любую чушь, все

равно «прокатит». Так и сейчас. При этом, стремясь угодить большому начальству, чтобы усидеть в теплом и прибыльном кресле, холуи действуют на опережение. «Сам», может быть, еще и подумать не успел, а инициатива снизу уже подоспела. И все это сопровождается говорильней об Отечестве.

Кстати, об Отечестве. Меня четырежды туляки избирали депутатом Государственной думы по одномандатному избирательному округу. Во фракции «Отечество» на тот момент, по моему убеждению, был собран весь цвет нижней палаты парламента. Я долго был независимым депутатом, а затем Евгений Максимович Примаков убедил меня вступить в эту фракцию. Работа в ней доставляла удовольствие, с коллегами было полное взаимопонимание. А затем вдруг нас поставили перед фактом: «Отечество» на съезде объединяется с «Единством». Это был неприятный сюрприз.

На заседании фракции, где нам об этом сообщили, мы сидели рядом со Станиславом Говорухиным. Он пишет что-то на бумажке и пододвигает ее мне. Написано: «Единство + Отечество = Единство». Не угадал: получилась «Единая Россия». Прошло какое-то время, и уважаемый мною режиссер стал ее горячим сторонником, причем настолько горячим, что лучше держаться в стороне, чтобы не ошпариться.

Все получилось так, чего мы в «Отечестве» и опасались. Оно растворилось в этом кремлевском партийном проекте. А ложкой нашего меда бочку дерьма во что-то приличное не превратишь. Когда не в слугах у избирателя, а в холуях у исполнительной власти целая партия, парламент на самом деле становится не местом для дискуссий, а местом для хорового «одобрямса».

Я же в эту партию никогда не вступал, хотя и был во фракции в 5-м (для меня — последнем) созыве. Накануне моих четвертых выборов в Госдуму меня пригласили встретиться с ними тогдашний тульский губернатор Вячеслав Дудка (ныне уже не «единоросс», потому что сидит в тюрьме за коррупцию) и руководитель областного партийного предвыборного штаба. Говорят: мы изучили ваш потенциал и хотим пригласить в наш партийный кандидатский список. Между строк читалось: хоть мы и не хотим этого, но без вашего рейтинга у нас с прохождением списка в Туле могут возникнуть проблемы... А вслух они сказали: цена вопроса (для меня, естественно) — миллион долларов.

Поскольку у меня таких денег не водилось, а без меня список выглядел бы, мягко говоря, странно — все же я до этого без всяких хитрых технологий трижды побеждал в округе за явным преимуществом, — стоимость входного билета в список мои собеседники снизили. С миллиона долларов до 50 тысяч

экземпляров моей книги «Борис Ельцин. От рассвета до заката. Послесловие». Дескать, будем раздавать в области книги с соответствующими листовками-приложениями. Чтобы в каждом доме была, в каждой квартире. Привез две фуры книг в Тулу, думал, и впрямь люди читать будут. Однако потом я увидел свою книгу не в домах у туляков, а в местном «белом доме», где ею бестолково были забиты целые шкафы, а также на рынке и на книжных развалах. Но это уже другая история.

Хотя люди книгу читали и без «единороссов». Ее тираж был огромен, она разошлась по городам и весям, книготорговцы-оптовики в очереди стояли. Право на издание купили 14 стран мира, от которых я получил аж 9000 долларов. И до сих пор получаю и запросы на ту книгу, и вопросы от читателей. В основном такого плана: «Александр Васильевич, вы эпизод такой-то прервали на самом интересном месте. А как потом развивалась та ситуация? По телевизору же этого не покажут».

По нашему телевизору сейчас много чего не покажут. У телевидения в наши дни другая функция: отуплять всех смотрящих и отвращать всех думающих.

Потом-то я понял, что зря согласился идти в 5-ю Думу по спискам «Единой России». Если бы были, как положено по политической логике, одномандатные округа, я пошел бы на выборы с радостью, и получилось бы с меньшими затратами. А так — сидеть в зале и нажимать кнопки, будучи не в силах воспрепятствовать принятию антинародных законов, — испытание еще то. Из-за этого я отказался пойти в Думу 6-го созыва, поэтому очень рад, что нет моего голоса в отвратительных законах наподобие «закона подлецов», и поэтому совесть моя чиста.

Это одна из причин, по которой я взялся за написание этой книги. Другие причины — и времени больше появилось, и количество негодяев во власти не уменьшается, да и обещал я читателям вернуться к диалогу с ними.

Царская охота

«В лесу все темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки... Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу...»

Тургеневские «Записки охотника» читаешь, будто сам на вечерней тяге в лесу оказался: в сердце — радость, заботы уходят на задний план. Природа лечит. Испокон веку единение с ней, состязание с лесными обитателями и с другими охотниками в умении и везении делали охоту на Руси праздником и любимым народным развлечением. Советские, а потом перестроечные «цари» превратили старинную забаву из искусства в промысел. И это не только к охоте относится. Нездоровый азарт, жадность, принцип «после нас хоть трава не расти» ни к чему хорошему никогда не приводили и на охоте, и в политике, и в экономике.

Человека на охоте сразу видишь, как на ладони он — что собой представляет, кто по жизни. Первый Президент России Ельцин Борис Николаевич (хотя для удобства можно звать его и ЕБН, и Елбон) был большим любителем охоты и не меньшим браконьером. Только рядовой браконьер штрафы платит (когда поймают), а президента кто может ограничить. Вот он в Завидово и бил зверье десятками за один выезд. Очень жадный был до добычи — всё вокруг заповедное, всё вокруг моё. Как охотник из анекдота: «Охота была отличная, зайцы — стадами! Только успевали заряжать и стрелять, заряжать и стрелять, заряжать и стрелять! А потом уже не успевали даже заряжать и всё стреляли, стреляли, стреляли...»

Был такой Юрий Петров — выкормыш ЕБН, сменивший его на посту первого секретаря Свердловского обкома КПСС, затем отправленный послом на Кубу, а в 1991–1993 годах руководивший администрацией президента. Петров классно стрелял — с колена, безо всякой оптики, снайпер. Так вот, будит меня ночью однажды управляющий завидовским охотничьим хозяйством Фертиков:

— Александр Васильевич, знаешь, что Петров учудил? Навалял оленей двадцать пять голов! Все стадо положил. Лупил

как сумасшедший. Завалил переднего и заднего, а потом отстреливал всех в середине, как в тире — и маленьких, и самок береманных. Дорвался, будто первобытный...

Я доложил об этом первому лицу, лицо задумалось и распорядилось о санкциях за жестокость:

— Петрова больше на охоту брать не будем!..

После леса мы традиционно в бане парились, и на неужемного стрелка Ельцина, как разденется, смотреть страшно было — плечо фиолетовое от приклада. Двенадцатый калибр все-таки. Наина ворчала: «Вы что, бьете его там, что ли?» Интересно, что было бы с Ельциным, если бы он пользовался ружьем — гусятницей восьмого калибра, которое сделали в то время тульские оружейники. Такие до середины прошлого века в промысловой охоте на водоплавающих использовали. Мастера сказали мне, когда я тот ствол осматривал: «Александр Васильевич, даже если ты хороший стрелок, максимум десять выстрелов сможешь сделать. А потом плечо отшибешь так, что без компресса не обойдешься».

Себя ЕБН считал знатоком леса и непревзойденным охотником. Если кто-то был удачливее его, обижался, как ребенок. Однажды едем по лесному урочищу, я смотрю — олень в лежке, огромные рога только торчат, судя по ним, животному лет двенадцать. Показываю Ельцину. Тот восторженно, схватил ружье, приложился, взгляделся — нет, мол, куст это. Я не соглашаюсь. «Ну ладно, — говорит, — стреляйте, посмотрим, какой это олень». Беру его карабин, стреляю — «куст» пропадает. ЕБН пошел поглядеть — не поленился, вопрос же принципиальный. Возвращается злой, сопит, бормочет: «Ну как же так...» До вечера со мной не разговаривал.

Зато гости ему не перечили, поддакивали и говорили только то, что он хотел услышать: дескать, слов нет, Борис Николаевич, какой вы крутой охотник. В качестве хозяина в Завидово он часто принимал Назарбаева, германского канцлера Гельмута Коля — тот, правда, не стрелял, боялся, что «зеленые» узнают. Нашим же «цветные» не указ, никаких ограничителей, вот и ходили по лесу, как мамы.

Если на уток была охота, ЕБН нередко предлагал: «Давайте соревнование, кто больше убьет, победителю — бутылка шампанского!» Мы — я, Барсуков, Грачев — спортивную охоту любили. Били только с лету, штук по 30 подбивали, а добывали из них по 20 (остальных в камышах не находили). Я из восьмизарядки до четырех патронов на одну птицу мог израсходовать на пролете. А ЕБН рекорды по количеству ставил, самоутверждался — то 60 уток убьет, то 80, а то и 120. В этом он

весь был: чувство меры — это не про Ельцина.

Как-то я хорошо выпил со старшим егерем Анатолием Васильевичем, и он мне предложил:

— А хочешь, покажу, где Борис Николаевич уток кладет?

Садимся в моторную лодку, подплываем к заветному затону, а там — тысячи этих птиц. Оказывается, когда Елбон уставал стрелять уток с лёта, командовал егерю везти туда. А там, оказывается, прикормленное для уток место, где их выращивали, и никуда оттуда улетать птицу не заставишь. Ельцин стрелял в эту утиную «тьму», за один выстрел — до десятка штук невинных жертв. А живые сидели на воде и ждали своей очереди. Так набивали дичью полную лодку. «Олимпийские рекорды» обнаглевшего охотника. Хорошо хоть, в «Казанку» больше полтонны битой птицы не впихнешь.

А кабанов при Ельцине даже стали закупать в Белоруссии: в Завидово они не успевали размножаться — выбивали их. Я как-то имел неосторожность рассказать ЕБН, как секретарь ЦК КПСС, его полный тезка Борис Николаевич Пономарев однажды на охоте убил 28 кабанов. Эта цифра ему запала в голову, и каждый раз охота не останавливалась, пока 30 животных не положим. Если не удавалось за день и ночь, утром шли «норму» довыполнять. И Ельцин стрелял во всё, что летит, ползет, бежит и скачет — не важно, кабан это, лиса, заяц или глухарь.

Однажды 9 лосей завалили, все лосиное семейство от вожака до лосенка. Дело было ранней весной, снег — сырой и тяжелый, лосям по грудь, идут с трудом. Я думал, он одного убьет и успокоится. Да куда там... «Давай догоним!» Кстати, при этом с точки зрения гастрономической его интересовала только лосиная губа, а точнее, холодец из нее.

Бедой еще было то, что ЕБН много зверя подранивал, а не убивал. И приходилось старшему егерю Анатолию Васильевичу посылать ребят, чтобы шли по следу ельцинских подранков и добивали за ним. Нельзя ведь раненого зверя оставлять, это неписанный охотничий закон. Да и я часто ходил не с ружьем, а с пистолетом с той же единственной задачей — добить подранка. Картина: идет по лесу Ельцин, палит во все стороны, а я сзади с «макаровым» (он надежнее) или с «ПСМ» (он точнее) его ошибки исправляю. Не хвалясь, скажу, что почти всегда попадал. На руку и глаз не жаловался. Если бы не эта «подчистка хвостов», там столько оставалось бы недобитых животных! Которые, кстати, опасны — охотники знают. Залижет кабан рану, отлежится и мстить пойдет.

Участники прежних царских охот скромнее себя вели, держать азарт в узде умели. Хотя сама охота была делом

государственной важности. В Средние века на Руси сокольничий, заправлявший на соколиной охоте, был доверенным лицом московского государя, получал корм с царского стола, немалое жалованье и платье. Императорские охоты в более поздние времена — это ритуал с конями, женщинами, слугами, загонщиками, егерями, сворами собак. Больше прогулка, чем охота: людей посмотреть, себя показать.

Сколько и как Ленин-охотник зайцев бил — никто не знает, после него одни мифы остались. Как и после Сталина. Известно только, что Каганович слыл охотником заядлым. Хрущева интересовали трофеи такие, чтоб ни у кого не было, если кабан — то огромный должен быть, догнать и перегнать всех надо. «Рядовые» худые свиньи его не привлекали, говорят.

Брежнев только по молодости по лесу не ленился ходить с ружьем. Мог завалить одного, максимум двух зверей, в основном тоже кабанов (олений бил редко, жалел красивых животных). А потом, когда стал оплотом прогрессивного человечества, — только с вышки. Поднимут на нее Леонида Ильича, в шубу упакуют, рюмку нальют, он и лежит себе колодой — ждет, когда кабан к кормушке подойдет. Охота, как в тире: один выстрел — один зверь, все на ладони. Постреляет кабанов генсек, спустят его с вышки, снова рюмку нальют. Егеря уже разделили к этому времени проверенного ветеринарами кабана, и он приступает к дележке: это — Микояну ляжка, это — Суслову лопатка. Как вождь племени мясо мамонта соплеменникам раздавал. Отказываться нельзя было, уж не знаю, куда тот Суслов потом эти мослы дедал, каким собакам скармливал.

Горбачев вообще на охоту не ездил, не любил. ЕБН же убивал, пока патроны есть, а они всегда имелись. И ружей у него имелось — не сосчитать: можно музей оружия президента Ельцина открывать. Любимым оружием у него была чешская Zbrojovka — с Урала привез в Москву. Он мне рассказывал, как оно ему досталось. Будучи первым секретарем Свердловского обкома партии, Ельцин отправился с визитом в Чехословакию. Заместителем руководителя делегации был представитель Свердловского облисполкома Федор Морщаков.

Что делали партийные и советские деятели в братской социалистической стране после того, как позаседают немного и про интернационализм поговорят? Конечно, по магазинам ходили. И вот заходят свердловские товарищи в охотничью лавку. Дома в СССР в то время лежали на прилавках два ружья, «ИЖ» и «ТОЗ», а там — десятки наименований, глаза охотника разбегаются. Ельцин взял одно, и сразу Zbrojovka ему в руку легла. Уж он ее и гладил, и к груди прижимал, не лизал разве

только.

Холуйский инстинкт у сопровождающих сработал. Вечером выпили в отсутствие ЕБН, и Морщаков говорит: так и так, мол, товарищи, Самому понравилось одно ружье, давайте решать. И собрали командировочные со всей делегации в добровольно-принудительном порядке. Тогда с валютой на обмен строго было даже в партийных делегациях. Когда уезжали из Праги, Морщаков Ельцину вручил приглянувшееся ружье. Тот был счастлив и, конечно, прогиб засчитал — организатора подарка потом забрал в Москву, сделал начальникомхозуправления Президента РСФСР и дал ему кабинет в 14-м корпусе Кремля прямо напротив Царь-пушки. Правда, ненадолго: Бородин его подселел, и Морщаков отправился куда-то советником. А с карабином с отличной цейсовской оптикой Ельцин не расставался.

Но этого мало оказалось: ЕБН еще и мое ружье приватизировал. Попросил как-то на охоте: «Александр Васильевич, дайте пострелять». Я, конечно, дал: охотник охотнику — друг, товарищ и брат. С тех пор я ружья своего не видел. Отличное бельгийское ружье «Браунинг» — легкое, 8-зарядное, такого же по качеству я не нашел потом нигде. Так что это еще один долг семьи передо мной. Может быть, до сих пор валяется где-нибудь на завидовских складах. Хотя — вряд ли. Уж больно хорошее изделие. Думается, члены вороватой семейки давно «ноги приделали» к нему.

Там много чего на складах лежит, думаю. Сегодня это Государственный комплекс «Завидово» Федеральной службы охраны. Он включает в себя резиденцию президента «Русь» и национальный парк площадью 125 000 гектаров. Попасть в заповедные леса можно только по спецпропускам. Главное здание, гостевые дома разного уровня комфортности для гостей с учетом их статуса, уголья для охоты, озера для рыбалки. Там есть всё для того, чтобы принять и ублажить гостей любого уровня — на развлечениях для небожителей в современной России не экономят, это же не богадельня для стариков и не детский интернат. В Завидово имеются: бассейн, бани, бильярдная, теннисные корты, спорткомплексы — летний и зимний, где, кстати, наш тандем — «сладкая парочка» показывал мастер-класс по бадминтону. И еще множество разных спортивно-увеселительных и досуговых объектов.

Для души и руководящего тела в Завидово есть любой транспорт, разнообразное оружие, экзотическая еда, одежда на все случаи жизни. Не потащит же гость с собой в президентскую резиденцию сапоги и треники. Они там имеются. Так, в 2015 году «Завидово» закупило почти на 2,5 миллиона рублей продукции

бренда Frette — постельное белье и прочее (информация об этом была на сайте госзакупок). Приобрели также чуни, спортивные костюмы, носки, трусы, бюстгальтеры. Все включено: пока высокий гость в кашемировых носках за оленем гоняется, его референт примеривает бюстгальтер выходного дня.

Вышколенный обслуживающий персонал — это само собой. Все проверены ФСО до третьего колена, надежные сотрудники. Они и пьяного охотника аккуратно в покои отнесут, разуют, разденут, спать уложат, и рапорт потом грамотно напишут.

Хозяйство в ельцинские времена работало как часы. Основная заслуга в этом — Владимира Ивановича Фертикова. Редко встретишь такую гармонию человека и места, которое он занимает. «Смотрящий по Завидово» — хозяйственник от бога, вся его жизнь связана с организацией досуга на природе. Без него там ни гвоздь не забить, ни шашлык приготовить. Таких при любом режиме ценят.

Я слышал, что Фертиков — как заместитель директора по научной работе Нацпарка «Завидово» — уже при новом президенте получил премию Федеральной службы охраны в области литературы, искусства, науки и техники «Золотой мерлон». Говорят, за книгу «Лекарственные растения Национального парка «Завидово» (в соавторстве с тверскими учеными). Я не читал, но думаю, что по заслугам. Уж что-что, а в каких зарослях заяц сидит, из какого кустарника веник для бани можно нарезать и на каких корешках водку настаивать — в этом Владимир Иванович всегда был профессор.

А в самом начале московской карьеры Ельцина Завидово находилось в ведении Министерства обороны и тихо загибалось. Егеря были без погон, и браконьерство процветало — приезжали какие-то тыловые деятели с автоматами и с машин валили зверья столько, сколько захотят. Егеря, конечно, не одобряли, но за червонец уходили на дальний кордон и закрывали глаза. Поэтому, чтобы прекратить бардак, нам пришлось плотно заниматься Завидово. Оно стало Национальным парком.

Фертиков слетал в Америку, поглядел, как там обстоит с этим дело, и в Завидово все организовали по образу и подобию. Охотхозяйство передали из Минобороны в ведение Главного управления охраны, дали должности и звания егерям. Люди это оценили: те же погоны прапорщика для тверского мужика — великое подспорье. Соорудили свыше ста вышек для стационарной охоты. Дорожки к ним заасфальтировали, чтобы VIP-охотник, ног не запачкав, сразу из членовоза мог на вышку подняться. У каждой вышки обустроили кормушку для зверей, подкармливали их в основном кукурузой — недешевое, надо

сказать, удовольствие. Но численность обитателей леса резко пошла вверх.

Все уголья стали режимной зоной, хотя и до того там было особо не погулять постороннему. Ягодника или грибника из местных ловили — штраф выписывали. Сейчас же ягодники-грибники на территорию в сто с лишним тысяч гектаров просто войти не смогут. Закрытая зона охраняется, как шахты со стратегическими ракетами. Чтобы гостю попасть в Завидово, нужно заблаговременно в ФСО заявку направлять. Хотя нынешние российские власти никакие меры безопасности избыточными не считают. Это в Европе премьеры и президенты на такси могут ездить, а проезд наших — настоящая войсковая операция, которая парализует целые города и регионы. Российские первые лица — это как неуловимые Джоны из анекдота, которых никто не ловит. Но об этом — ниже.

О спецжизни на спецдачах

Дача в понимании подавляющего большинства россиян — это домик из вагонки размером 3×4 метра, крытый рубероидом, на участке земли в 4–6 соток. Лишней площади нет, вся земля в деле, как у китайского крестьянина: картошка, парник с огурцами, грядки с зеленью, плодовые кусты по периметру. Здесь «отдыхают» в выходные с весны до осени: стоят раком всей семьей и удобряют, рыхлят, пропалывают, поливают, собирают жуков. Потому что эта дача — кормилица. В стране регулярно бывают периоды, когда только эти сотки и выручают, позволяя экономить скудные доходы.

А есть дачи, которые не кормят никого. На участке в несколько гектаров там редко что растет, кроме английской газонной травы и экзотических растений, семена для которых привезены с другого конца света. По участку проложены дорожки, мощенные благородным камнем, обязательно есть зона барбекю, дизайнерские беседки, бассейн. Может еще быть конюшня. Вся эта красота огорожена очень высоким забором, закрывая от посторонних глаз дачную жизнь.

Не столь важно, как называются эти сказочные места — Горки, Архангельское, Жуковка или дачный кооператив «Озеро». Тут живут респектабельно, не возятся на грядках и не знают, что такое навоз. За забором, прогуливаясь по дорожкам, рассуждают о прекрасном (кто, кому и сколько «занёс») или мечтают (как еще отпилить от бюджета). Под деревом в плетеном кресле с бокалом хорошего вина обитатели райских уголков «решают вопросы» федерального значения, обсуждают миллиардные сделки, заключают союзы.

При проклятом царизме такого не было — у самодержца всея Руси личные фазенды имелись, но они сильно не отличались от дач подданных, по крайней мере, вопиющей роскоши не наблюдалось. При Ленине не до того было — буржуазию истребляли и, наоборот, дачи жгли. Оживилось дачное движение при Сталине. На отнятых у буржуев дачах красные командиры и директора заводов в тубетейках попивали водочку, наблюдая за гуляющей по округе до поры до времени недобитой контрой. Хрущев и Брежнев поделили все дачи в стране на элитные (хотя особой роскоши там, честно говоря, не наблюдалось) и народные по шесть соток.

Очередная дачная волна поднялась вместе с Ельциным, вернее, вместе с потоком долларов, которые хлынули в страну от продажи ресурсов. Новая российская буржуазия еще не так

смотрела на Лазурный Берег и Майами, как через 20 лет, а активно осваивала территорию возле своей столицы. Чем ближе к МКАДу, тем престижнее. Именно тогда поднялась Рублевка и другие элитные дачные места, которые раздербанили между собой команды олигархов и «семибанкирщины».

Хотя такие манеры были характерны именно для новых русских. Старая гвардия вела себя скромнее. Работал я еще во времена СССР на протяжении трех месяцев в охране маршала Соколова. Потом уже, когда маршал стал инспектором «райской группы» Минобороны, мы с ним подружились. («Райская группа» — это как совет старейшин на Кавказе: дедушки в звании от генерала армии и выше, которых, как известно, бывших не бывает.) Министр обороны, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС маршал Соколов прошел всю Великую Отечественную, во время событий в Афганистане командовал 40-й армией. И Горбачева он удовлетворял, пока не грянул полет Руста с посадкой на Красной площади. Самолетик тот, честно сказать, можно было по пути десять раз снять пулеметной очередью, но после международного скандала со сбитым корейским «Боингом» никто не захотел брать на себя ответственность. Проявишь инициативу — тебе же и по шапке потом дадут, никто не похвалит. И маршала Соколова после разбора того полета (вернее, и не было никакого разбирательства) «ушли» с поста министра обороны.

Так вот, Соколову, когда он еще был не в опале, предложили целый список госдач. Выбирай любой дачный участок, какой захочешь — 10, 15 гектаров... Конечно, не такой, как у первых лиц: 66 гектаров — у М. Горбачева, 77 — у Н. Рыжкова, но и не шесть соток. Но Соколов отказался от статусных дач с огромными лесными массивами и остался в своей Баковке — там у него была самая скромная из всех военачальников дачка. Давали ему поваров, конечно, горничных — так положено кандидату в члены Политбюро. Но тот уперся, пошел на принцип, барствовать не захотел — все бытовые вопросы у него супруга решала, без помощников.

Умер Сергей Леонидович в возрасте 101 года, и не по болезни, а потому, что не смог жить без жены — через неделю после ее кончины ушел и он. Он с ней войну прошел, они были одно целое, такие по отдельности друг от друга не живут.

Когда она жива еще была, я с ней разговаривал, объяснил, что вот, мол, вам список продуктов — отметьте, какие нужны, привезут. Она ответила на это: «Саша, да мы сами как-нибудь. Не надо нам списков никаких, я мужу сама готовлю. Утром — яичница с салом, творожок, каша, чай. Никаких изысков у нас не

принято». Приданные повара старались что-то изобразить, но Соколов их стряпню не ел: «Мне жена готовит».

И вот как сравнивать таких людей с налетевшей ордой тех, кто оказался совсем без тормозов? Кто, дорвавшись до валютных потоков и бюджетной кормушки, отжал лесов, полей и рек и понастроил там дворцов, каких нет у арабских шейхов? Новое дворянство — так они себя хотят видеть. Вокруг — людишки, чтобы их обеспечивать, а они — аристократия. Какие они дворяне! Как раз челядь и есть. Именно она меры не знает и, если появляется возможность, хапает с барского стола и ртом, и всеми другими местами.

В начале 2016 года в одном из журналов был напечатан материал под заголовком «Офшорный рай Подмосковья». Журналисты выяснили, что почти пятая часть земли вокруг Москвы принадлежит панамским, кипрским и виргинским офшорным компаниям. Это — свыше 6 тысяч объектов. В их числе, пишет журнал, — бывший Дом приемов Совмина СССР (сейчас комплекс «Барвиха-5»), бывший дом отдыха профсоюзов «Зеленый Курган» (Истринский район), недвижимость на территории Рублево-Успенского оздоровительного комплекса Управления делами президента, дачи в Одинцовском районе и бывшее стрельбище «Динамо» в Мытищах. Охотно в это верю. В середине и конце 90-х все эти дворцы, дачи и участки «золотой» земли прихватили, записав на жен, детей и тещ. А потом, когда стали экономически грамотными и более осторожными, перекинули все на офшоры. И — концов нет.

В СМИ писали, что один из друзей нынешнего российского президента, миллиардер, поселился в бывшей резиденции первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева на Воробьевых горах. Миллиардер попал под санкции, стал невыездным и подсластил себе пилюлю особняком в особо охраняемом природном заказнике «Долина Воробьевы горы» (принадлежит Федеральной службе охраны). Хрущев жил здесь с середины 1950-х годов. В 2013 году здание ушло в аренду компании с Британских Виргинских островов для размещения гостиницы, и теперь в резиденции первого секретаря ЦК КПСС — одно из гнезд миллиардера из «новейших русских».

А вообще дербанить госдачи начали почти сразу после того, как Службу безопасности президента обезглавили в конце июня 1996 года, отправив меня в отставку. Михаил Барсуков, также отставленный с поста директора ФСБ, вместе с Юрием Крапивиним, рулившим Федеральной службой охраны, тогда поняли: госдачи — это удача. И стали быстро пристраивать их в хорошие руки (на первый взгляд все по закону). «Александровку»

на Рублевском шоссе, самую современную на то время государственную дачу, отдали на 49 лет Борису Березовскому. А Зубалово досталось Роману Абрамовичу. По документам — за копейки. Сколько на самом деле поимели Барсуков и Крапивин за то, что порадели олигархам? Об этом знают только они сами.

Вообще, считаю, это высшая форма исторической несправедливости, когда таким «деятелям» на ниве неизвестно чего, как Валентин Юмашев, достается дача Юрия Владимировича Андропова! Который жизнь положил на то, чтобы подобных персонажей известить под корень.

А до Юмашева этой дачей некоторое время владел еще один «герой демократического труда» — Сергей Филатов, назначенный по наущению Наины Ельциной в январе 1993 года руководителем администрации президента. Он превратил андроповскую дачу в бакалейный склад: пряники и яблоки из Кремля туда таскал сумками — чего добру после приемов пропадать. Подсовывал Ельцину бумажки о выделении чая, конфет, коньяка для представительских расходов, а остатки рачительно в дом относил. А потом вообще там краденое прятали: в дачном гараже дочь Филатова складировала шубы, которые ее знакомые воры таскали из салонов машин респектабельной московской публики возле ресторанов. Вот такая «дачная интеллигенция»...

На запад от столицы на многие километры протянулись благодатные, стародачные места с богатой на фамилии историей. Здесь испокон веку жили на дачах настоящие, а не в кавычках, государственные деятели России. Когда едешь по Рублевке, с правой стороны расположено Старое Огарево, где находится резиденция президента, потом — Новое Огарево. Между ними — большой участок, где сильные мира сего катаются на лошадях, там имеются бассейн, спорткомплекс. После Нового Огарева начинается Калчуга. Там, за кирпичным забором, стоит дача сталинского наркома Анастаса Микояна с не очень большим, всего около шести гектаров, участком. Да и дачка сама скромная по размерам, кирпичная, 4 спальни и столовая-кинозал. Наверное, и просидел Микоян «от Ильича до Ильича» ровно потому, что не особо выделялся и старался быть в тени, во дворцах не жил.

В свое время я убедил Ельцина отдать эту дачу наследникам императорского дома Романовых. Ну, по крайней мере, они себя наследниками считают, хотя у них есть оппоненты. Тогда еще жива была Леонида Георгиевна Романова (умерла уже в XXI веке в возрасте 95 лет). Так вот, она обратилась к Ельцину с просьбой поспособствовать в обретении здания поближе к Москве, чтобы была возможность достойно принимать многочисленных гостей и

родню, прибывающую в Первопрестольную. Дескать, дороговато размещать их всех в «Балчуг Кемпински», не хватает императорской казны. Ну, Ельцин в положение «коллеги по престолу» вошел: нет проблем, подберите что-нибудь. Я посоветовал дачу Микояна — и недалеко от дачи главы государства, и комендатура там имеется, чтобы наследников короны никакая шантрапа не потревожила.

Но недолго радовались Романовы: пришлось съехать. Когда Чубайс в 1996 году на 8 месяцев стал главой администрации президента, он успел многое сделать по материальной части. В том числе и отобрал у престолонаследников дачу, подсунув Ельцину указ, отменяющий предыдущий — о выделении ее Романовым. ЕБН подмахнул, не читая. После ряда манипуляций дача Анастаса Микояна оказалась в собственности у Виктора Золотова — того самого, возглавившего в 2016 году Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации, она же — Росгвардия. Удобно там ему: через дорогу — Владимир Путин, подле которого Золотов считает своим долгом неотлучно находиться.

Ну, так вот, продолжая о Зубалово. Роман Абрамович, прихватив с подачи Барсукова и Крапивина госдачу, устроил там три кольца охраны — ряды колючей проволоки, между ними — вохровцы с собаками плюс еще армейское кольцо из вооруженных военных. Надо заметить, исторической традиции это соответствует, потому что, ни много ни мало, Рома Абрамович с благословения Тани Дьяченко «выселил» самого Сталина: это та самая дача вождя, которая звалась Дальней. После того, как Сталин поселился в 20-й квартире в Кремле, на той даче он вообще перестал появляться. Там безвылазно под ненавязчивой охраной жила его первая жена Екатерина Сванидзе с сыном Яковом.

Сталин народа своего боялся страшно, больше, чем агрессоров. И старый подпольщик позаботился о путях отступления. Эта дача в Зубалово — единственная, от которой был прокопан подземный ход под Подушкинским шоссе с выходом в неприметное техническое здание за трассой. Так что Абрамовича, задумай кто-нибудь с ним разобраться, вряд ли бы спасли его кольца охраны. Об этом подземном ходе мало кто знал. Руцкой вон — тоже стратег известный, однако же взорвали в свое время некие мстители его строящуюся дачу. Я не хочу проводить никаких параллелей, но в то самое время один мой подчиненный набрал группу диверсантов (служба у него такая была) и тренировал их. Ну, очень неудобно им было мотаться на полигон для тренировок по подрыву объектов...

И как-то ночью огромный особняк Руцкого, уже практически готовый к заселению, через поле от дачи Ельцина, неожиданно сложился как карточный домик. Причем ювелирно — никаких жертв, никаких повреждений окружающих строений. Если даже это были те диверсанты — допустим такое, — то я бы поставил им «отлично» за выполнение тренировочного задания. А сам я в ту ночь был в Канаде — сопровождал президента в двухдневной поездке на заседание «Большой восьмерки». Когда вернулся, узнал: вот незадача, особняк Руцкого в груды битого кирпича превратился. Посмотрел сводки УВД и других правоохранительных структур — ни следа нигде об этом происшествии. Значит, никаких заявлений от пострадавшего не поступало. Оно и правильно, чего зря службы от дела отвлекать. Вокруг руин моментально появился высоченный забор — Руцкой, как опытный пилот, пошел со стройкой на второй заход: с первого не до всех доходит...

Люди во власти очень часто теряют связь с реальностью и не понимают народа, не знают настроений людей. Да и докладывать им об этом желающих мало находится. Неуемная жажда материального благополучия, денег, роскоши никогда ни к чему хорошему не приводила. И вот вроде бы кажется: все тебя любят, ловят каждое твое слово. А на самом деле это лицемерие, или тот самый холуизм, и очень многие тебя тихо ненавидят. Шапка Мономаха никогда легкой не была. И безопасной редко бывает. Задуматься бы власть имущим о том, что в гробу карманов нет, да понимание этого обычно слишком поздно приходит...

Размер для тех, кто жаден до привилегий, очень большое значение имеет. Когда семья Ельцина перебралась из Свердловска в Москву, им дали госдачу в дачном «кусте» Липки-Вёшки ближе к Алтуфьевскому шоссе, где Ворошилов и Буденный жили когда-то. Деревянные дома с относительно небольшими участками, пруд, лес — все достаточно скромно. Заведующему отделом строительства ЦК КПСС тогда еще не положено было излишеств никаких. Но когда ЕБН спустя несколько месяцев стал секретарем ЦК КПСС, масштабы прежней дачи стали ему «не по понятиям». Хоть это и был самый нижний статус охраняемых лиц, но госдача полагалась уже солиднее. Дождались избрания в кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС и дали госдачу Москва-река-5 (приблизительно 15 гектаров) после того, как с нее съехали Раиса Максимовна и Михаил Сергеевич Горбачевы, перебравшиеся на новую госдачу Барвиха-4 (66 гектаров).

Хочу заметить, что на протяжении всех советских десятилетий если что и работало как часы, так это отлаженная со сталинского периода система охраны и бытового обслуживания

высших партийных, советских и хозяйственных руководителей. Это входило в функции сотрудников 9-го Управления КГБ СССР. К началу 90-х годов структура Управления включала в себя около полутора десятков отделов, в компетенции которых — личная охрана, охрана Кремля и трасс проезда, отдельный Краснознаменный полк специального назначения (в нем я проходил срочную службу), автомобильный отдел с гаражом особого назначения. По отделу — на государственные дачи в Подмосковье и особняки на Ленинских горах, в Крыму, на Кавказе, резервные госдачи. Плюс комендатуры Московского Кремля и по охране зданий ЦК КПСС и правительства, а также 6-й отдел со спецкухней. И так далее, и тому подобное...

Все, ради чего и стремилось в высшую власть большинство чиновников, начиналось со слова «спец» — спецраспределители, спецбазы, спецпайки, спецлечение, спецобслуживание, спецдачи, спецложи, спецрейсы и т. д. Формально в Советском Союзе никакой элиты не было, так как власть принадлежала как бы народу, а всё начальство — это его слуги. На самом деле, конечно, имелась элита, сколько бы товарищ Зюганов ни утверждал, что раньше все делалось только по справедливости. Элитными эти люди были не по образованности и моральным качествам, а по должности в советской иерархии. Им предоставлялись люксовые по тем временам квартиры в столице, дачи (в основном на Рублевке), автомобили, бесплатное обслуживание и лучшие южные санатории. Они тогда уже построили для себя коммунизм.

А тогда, на заре рождения новой России, мы хотели, чтобы при коммунизме жили не избранные, а все. Команда забытых потом сторонников Ельцина готовила его к высшей должности в стране. Предпринимались попытки объяснить ему роль денег и азы экономики. В свое время председатель общественного движения «Выбор России», затем — народный депутат и депутат Государственной думы, доктор экономических наук Павел Медведев и известный экономист Игорь Нит работали, по сути, репетиторами Бориса Николаевича — старались донести до него экономическую азбуку. В то время Ельцин еще был председателем Комитета по строительству и архитектуре Верховного Совета СССР. В одно из зданий-«книжек» на Новом Арбате эти двое приезжали каждый вечер и на протяжении нескольких часов пытались втолковать Ельцину основы экономики. Не просто так, конечно, а с умыслом — уже тогда дальновидные экономисты хотели объяснить перспективному политику преимущества плавного перехода к рынку. Чтобы тот дров не наломал. Но — бесполезно, дров получилась такая куча, что страна до сих пор их

разгрести не может. Позднее ЕБН «окучивал» уже Егор Гайдар и быстро свел на нет все попытки Медведева и Нита.

В первую свою встречу с Ельциным Гайдар несколько часов рассказывал ему про то, что надо делать с Россией. ЕБН настолько очумел от услышанного, что, когда Гайдар ушел, тут же попросил налить ему. Но и фужер коньяка не помог: Борис Николаевич так ни черта и не понял, но разве он вслух мог признаться в этом. Разбираться в экономических перспективах — это не про Ельцина. Он просто терялся в этих материях. «Я решил», «я сказал, что так будет...» — сплошные амбиции. А ведь, не будь их, Россия могла бы пойти и по другому пути. Вменяемых экономистов тогда хватало — те же Шмелев, Львов, Петраков предлагали комплекс мероприятий, которые позволили бы существенно облегчить переходный период при проведении экономических реформ, оградить страну от социальных катаклизмов.

Но ЕБН не умел слышать людей. Он разрешал говорить собеседнику, но не вникал, а примеривал сказанное к своей точке зрения. С которой его было не сдвинуть. Создали в свое время Президентский совет. Сколько там интересных предложений высказывали! Я Ельцину лично стенограммы передавал, но он их никогда не читал. Когда бывал на заседаниях, слышал только себя.

Часто доводилось слышать, что, дескать, на Ельцина Америка сильно повлияла, и ему захотелось Россию обустроить по типу США. Не думаю, что на него там что-то повлияло. Ведь он по Америке пронесся, как и по европам — галопом. В его первой поездке в Штаты (ЕБН еще не был президентом) меня с ним не было, но мне все подробно рассказывали его помощник Лев Суханов и пресс-секретарь Павел Воцанов. Будущий глава государства Российского пребывал там часто в подпитии и, конечно, не умом воспринимал все, а больше желудком и эмоциями.

Так что не Америка, а именно Гайдар внушил Ельцину мысли о необходимости радикальных, а главное — быстрых экономических перемен. Внушил так, что ЕБН стал воспринимать эти мысли как свои собственные. Этот прием психологи хорошо знают. Так что именно из этих визитов Гайдара растут ноги шоковой терапии, ввергнувшей в нищету миллионы.

А самого Егора Тимуровича к власти приблизил Гена Бурбулис. Именно этот серый кардинал с вкрадчивыми манерами тогда формировал правительство. Причем формировал под себя, планируя всем рулить «из-за угла». Хотя я тогда сильно в это не вникал, ибо телохранителю не положено. Но если даже ты

избегаешь политики, она тебя избегать не будет...

Мы, как спустя годы понимаешь, наивно и романтически надеялись, что похороним коммунистические привилегии — и власть сразу изменится, станет ближе к людям. Верили в то, что демократия вылечит Россию от старой болезни, когда есть два полюса — зажавшиеся и нищие. Что не будет больше этого социального расслоения, когда одни питаются картошкой с огорода, а другие грузовиками возят к себе в хоромы дорогие колбасы и икру, красную рыбу.

Тогда подавляющее большинство населения понятия не имело, что на столе у кого-то бывают такие продукты. Я в первый раз семгу попробовал в возрасте 35 лет. Когда Юрий Андропов скончался, у его жены остался комендантом Борис Ключков (как у Наины Ельциной после смерти мужа — Анатолий Кузнецов). И за деньги по знакомству у коменданта можно было попросить еды для торжественного случая. Как раньше говорили, «достать». Я обратился к нему с просьбой:

— Боря, я квартиру получил, новоселье еще не отмечал. Соберутся друзья. У меня после командировки в Афганистан денег немного осталось. Помоги стол накрыть...

И он на следующий день со спецбазы привез мне пакет, а в нем — фантастика для советского человека: копченая колбаса, югославская ветчина в банках и килограмм соленой семги. Во рту таяли ломтики нежнейшей розовой рыбы — не ядовито-оранжевой, как сейчас, подкрашенной в рыбхозе. Гости были в полном восхищении: многие тоже впервые в жизни пробовали этот деликатес. В магазине семга могла стоить тогда ползарплаты, если найдешь. А «небожителям» она доставалась по цене в 6–8 раз меньшей...

Прилавки в стране уже были пустыми: металлические банки с морской капустой, стеклянные — с березовым соком и горка потрепанных жизнью грязных овощей. Вот и весь ассортимент торговой точки. Слышал, как Наина в каком-то интервью, изображая близость к народу, хвалилась: мол, когда Бориса Николаевича отовсюду из политики выгнали, они жили только на его зарплату руководителя Госстроя. То есть чуть ли не нищенствовали. И она сама с авоськой ходила по магазинам за едой, стояла в очередях за колбасой, которую иногда «выбрасывали», — чтобы накормить мужа, которого замучили темные силы.

Министерские «труженики» даже в самые тяжелые времена ни в чем себе не отказывали, продуктовые заказы выдавались постоянно — мясо, колбаса, сливочное масло. Надо думать, уж батон «Докторской» первому лицу министерства доставался.

(Хотя вряд ли он такое употреблял в пищу.) Его помощник Лев Суханов брал еду в буфете и сумками носил Ельциным домой. Причем часто оплачивал заказы своими деньгами. А ЕБН, очень не любивший со своими кровными расставаться, нередко «забывал», что сумка с дефицитной едой — не гуманитарная помощь «нуждающемуся министру», а денег чьих-то стоила.

Ельциным вообще нравилось, когда за них другие платили. Они считали, что заслужили это. Когда Ельцин в 1989 году стал народным депутатом СССР от Москвы, а затем и членом Верховного Совета СССР, в Раменках была организована его приемная (там находился штаб избирательной кампании). Ельцин назначил помощницей и поручил заправлять делами в приемной Панарину Марину Наумовну. Толковая, опытная женщина была, знала людей в округе. Когда Ельцин приезжал в Раменки принимать избирателей, она всегда встречала его со скромно накрытым столом и с большим букетом. Тогда это был дефицит, и стоили цветы немало. Я думал поначалу: вот какая уважительная помощница и инициативная — цветы где-то достает. А потом она мне как-то с горечью сказала:

— Саша, а как думаешь — компенсирует ли мне Наина Иосифовна хоть когда-нибудь эти букеты и выпивку-закуску? Я же на пенсию живу, и на свои все это покупать тяжело мне. Да и перед людьми неудобно: я его с букетом встречаю, и народ начинает думать, что я чуть ли не любовница его...

Вяснилось, что обязательные цветы и стол к приезду Ельцина — это распоряжение Наины. Как же — все-таки в Раменки приезжает не кто-нибудь, а бывший кандидат в члены Политбюро, министр, в Верховном Совете сидит... Распорядилась Наина «встречать как положено», а на какие шиши — это проблема пенсионерки Марины Наумовны...

Я у Наины при случае спросил об этой ситуации с раменскими приемами. Та отрезала:

— Ничего не знаю, я никому ничего не обещала...

Такое отношение к людям, когда все вокруг почему-то оказывались обязанными небожителям, все больше входило в правило и достигло апогея, когда ЕБН занял высшие посты в стране. Если сравнивать с брежневскими временами, при Ельцине «нравы при дворе», конечно, были демократичнее. Но эта плесень — стремление к роскоши и все большим привилегиям, к демонстрации превосходства над окружающими — расплзалась среди власть имущих. И скоро захватила всю вертикаль, которую соорудили.

Властные причиндалы — вещь заразная, люди уже не мыслят себя без привилегий. И добровольно с ними редко кто расстается.

Так в нашей стране исстари повелось с самого верха: ни один правитель мирно, с достоинством и без «кипежа» от дел не отходил. Кроме Ельцина. Но это только ему казалось, что он ушел: на самом деле его под руки вывели, а он и не заметил.

Привилегии времен «застоя», все эти спецдачи и квартиры с мебелью с инвентарными номерами — детский лепет и сама скромность по сравнению с тем, что позволяют себе сегодня сильные мира сего в России. «Раздевшие» страну обитатели нынешних дворцов в ту дачу секретаря ЦК КПСС и зайти бы побрезговали, не говоря уже о том, чтобы жить там.

Когда я говорю «мы заблуждались», имею в виду людей, болевших за Россию и искренне пытавшихся сделать жизнь здесь цивилизованной и справедливой. Такие, конечно, были, о них мой рассказ — ниже. История не терпит слова «если», но все же: если бы эти люди пришли к власти, все могло сложиться совсем иначе...

Есть у коррупции начало, нет у коррупции конца

«Чтобы спасти Россию, нужно сжечь Москву», — сказал в свое время фельдмаршал Кутузов. И с ним трудно не согласиться: если коррупция уже стала скелетом государства, то Москва — череп этого скелета. Более того, есть мнение, что власть имеет такое право от рождения — быть коррумпированной. Хотя мне слово «казнокрадство» кажется более точным для описания того, что у нас происходило и происходит. Коррупция — это уголовщина с примесью политики, а у нас зачастую идет наглое, незамутненное воровство общенародной собственности.

...В 2004 году, когда я был депутатом Государственной думы от Тулы, мы провели в городе оружейников некий анализ, своими силами, без привлечения местных властей, чтобы выяснить реальный уровень злоупотреблений при распределении бюджетных средств. И обнаружили, что более трети регионального бюджета разворовывается. Хотел было написать «просто разворовывается», но вспомнил полученные нами данные и скажу, что распил выявился не такой уж простой, далеко не примитивный. Воровали чиновники и к ним приближенные с выдумкой, творчески, используя достижения экономической науки.

Схемы по выводу в свой карман государственных средств в нашей стране сегодня (да и вчера тоже) применяются такие, что, если их графически изображать, школьной доски не хватит. И занимаются этим настоящие профи. Вспоминаю рассказ одного своего давнего знакомого генерала, работавшего в свое время в ГК «Росвооружение». Он — один из самых опытных специалистов в стране по международной торговле оружием. Это сложнее всего дело, особенно в части получения сторонами комиссионных по сделкам: обычно идут длительные изнуряющие переговоры, используется весь дипломатический арсенал, применяются знания из самых сложных отраслей экономики.

— А ты знаешь, что к нам Таня Дьяченко как-то приезжала? — спрашивает у меня генерал.

— Что ей надо у вас? Неужели захотела поучаствовать в импорте-экспорте изделий оборонной промышленности? Что — других источников получения денег уже недостаточно?

— Ну, наверное, не хватает. Решила, ко всему прочему, «сесть на оружие». Заходит ко мне и говорит: «Я хочу вас познакомить с одним очень умным человеком, он у меня в машине. У него всего

три курса института, но он может вам помочь». Думаю, ну чем малообразованный человек способен помочь в нашем трудном деле? Мы всю жизнь в нем, и то не до конца некоторые вещи понимаем. Но отказать не могу, как ты понимаешь. Выходим. Навстречу появляется застенчивый небритый парень будто с прилепленной к лицу улыбкой. Представляется: «Роман Абрамович». И излагает свои схемы, по которым можно было бы «оптимизировать» торговлю оружием. Ты знаешь, я себя почувствовал пацаном просто. Этот Рома такого наговорил!.. Где, когда и как кого-то «кинуть», откуда и куда «перекинуть»... Мне бы и в голову не пришло...

— Ну, ты же по природе генерал, а не жулик. А теперь представь, что они со страной и ее бюджетом могут сделать, — вздыхаю я.

Пообтесались казнокрады со времен 90-х годов, когда деньги стаскивались в подвал в картофельных мешках. Коррупция обрела цивильный лоск. Но сути это не меняет. Как раньше ходили во власть, чтобы воровать, так и потом шли. Есть, конечно, исключения, но они только подтверждают правило. Да и трудно быть белой вороной во властных коридорах: или ты элемент системы и играешь по ее правилам, или она тебя сожрет, переварит и в туалет сходит.

Кто-то верно заметил: на Западе человек сначала занимается своим делом, зарабатывает в поте лица, становится богатым человеком и потом уже идет во власть принимать нужные для общества законы. Мэр Нью-Йорка вступил в должность, когда уже миллиардером был. И зарплату себе положил в один доллар в год. В России наоборот: люди стремятся во властные структуры, чтобы быстро разбогатеть. В той же Туле три губернатора в тюрьме побывали, и из них лишь один Василий Стародубцев — не за злоупотребления полномочиями, а «за политику». Хотя и к нему были большие вопросы, вплоть до возбуждения уголовного дела по линии налоговой полиции — за художества со спиртовым заводиком, который контролировал этот «аграрный» член ГКЧП.

В свое время я возглавлял комитет по безопасности предпринимательской деятельности Торгово-промышленной палаты России. И еженедельно заслушивал бизнесменов, жаловавшихся на произвол чиновников — на поборы со всех сторон — от глав субъектов до начальников ЖЭКов — на постоянно меняющиеся правила игры, на наглое рейдерство, когда у успешных людей «отжимали» эффективные предприятия. Это было время, когда бизнесмены еще верили власти и надеялись найти в ней поддержку, по палатам разным ходили, челобитные писали. Потом наивность эта прошла.

Предприниматели стали предпочитать в Болгарию, Прибалтику или в Казахстан свое дело перевести, чем искать справедливости в России. И этот исход трудолюбивых образованных людей, приносивших пользу экономике, — на совести власти, создавшей нетерпимую обстановку для предпринимателей под болтовню о том, что не надо бизнес кошмарить.

У правоохранителей бизнесмены и вовсе защиту найти как не могли, так и не могут (если, конечно, никакой генерал-полицейский на кормлении не состоит). Более того, к середине 2010-х годов окончательно сформировалась система, которая позволяла нечистым на руку силовикам быть посредниками между властью и криминалом. Правоохранители свои погоны «монетизировали», чтобы брать деньги за закрытие дел, за выход под подписку о невыезде или вообще из зоны на свободу, за заказные уголовные дела на оппонентов. Ко мне, как к депутату Госдумы, около половины обращений от избирателей были как раз на тему беспредела правоохранителей, с легкостью преступающих закон и ни в грош не ставящих интересы граждан.

А погоны любые стало можно купить, в зависимости от цены вопроса. Хотя такие затраты легко отбиваются. В июле 2016-го второе лицо в СУ СКР по городу Москве было задержано по подозрению в получении взятки в размере миллиона долларов от «вора в законе» за развал уголовного дела. Это только то, о чем общество узнало. Если пару дел в месяц генерал разваливал, легко подсчитать, что доход вполне себе на уровне нефтяного или нано-газового топ-менеджера. И даже если слуга закона заплатил что-то за свою должность, давно уже компенсировал. Еще пример: бывший теперь уже начальник УВД Тульской области, решивший в 2003 году поучаствовать в выборах в Госдуму (их он мне проиграл), весь свой избирательный фонд, как выяснили коллеги, сформировал из «левых» денег. Всем было понятно, откуда у него взялись огромные суммы в валюте — вот от этой самой монетизации погон генерал-майора милиции. И ничего ему за это не было, конечно. Его заместитель по хозяйству, правда, сел за взятки и вымогательство, а сам генерал белым и пушистым оказался.

А многочисленные программы и кампании борьбы с коррупцией — это программы борьбы пчел с медом. Бытует мнение, что коррупцию в России победить невозможно, потому что она — основа сложившейся сословной системы, когда нижестоящее сословие платит вышестоящему. И «занос» по всей вертикали снизу вверх — это фундамент, на котором всё построено. Есть нормы уголовного законодательства, и их достаточно, чтобы окоротить любого мздоимца, была бы

политическая воля. А вот с ней — проблемы. Поэтому и отменили в 2003 году статью 52 УК РФ о конфискации имущества. Поэтому и не ратифицирует наш парламент 20-ю статью конвенции ООН, по которой чиновникам пришлось бы отвечать за расходы, превышающие их официальные доходы. Есть силы, которые никогда не допустят такого волонтаризма при нынешнем кремлевском раскладе.

И еще я убежден, что на самом верху российской власти, где-то возле трона, до сих пор располагается «засадный полк» из ветеранов коррупционного движения. Эти персонажи не светятся на телевидении, они предпочитают находиться в тени. А. Волошин, Р. Абрамович, А. Чубайс, В. Юмашев, Т. Дьяченко... Эта группа напрямую решения не принимает — «питерским» конкуренты ни к чему, но она по-прежнему влиятельна и пытается дергать за ниточки, участвовать в разделе финансового пирога. И именно эта «подмасоненная ложа» в свое время укладывала первые кирпичи в фундамент современной российской коррупции. Впрочем, масоны — мужики головастые, интеллектуалы, аналитики, а эти — не стратеги, их мозги заточены только на быстрое извлечение прибыли. Но тем хуже для страны.

Из олигархов первым публично заговорил о коррупции в высших эшелонах власти Михаил Ходорковский. И закономерно отправился на зону. Понятно, что нет в России ни одного крупного бизнесмена, который был бы кристально чист перед законом. У каждого скелет в шкафу имеется, потому что во времена, когда они состояния делали, без скелетов было не обойтись. Но Ходорковский опрометчиво озвучил свои претензии первому лицу, публично вынес сор из избы и, главное, обозначил движение в сторону политической карьеры. А у нас как: ты — воруй, дворцы строй, девок в Куршевель катай, но в политику не лезь, пока тебя не попросят старшие товарищи, ибо политика — это уже воровство другого уровня. Ходорковский это правило проигнорировал и поехал рукавицы шить (надо сказать, еще легко отделался). В то время как загадочно улыбающийся, но верноподданно молчащий Рома Абрамович продолжил закупать яхты и футболистов пачками. Будь правильным олигархом — и ничего тебе не будет, хотя все знают, из какого дерьма твои миллиарды.

В принципе, в России никакие миллиарды, которые начали «зарабатываться» во времена приватизации, хорошо не пахнут.

Накануне открытия Олимпиады в Рио 2016 года вспомнились Олимпийские игры в Сиднее 2000 года. Меня туда пригласили. Взглянуть на красивое и масштабное зрелище хотелось, но

отказался — и дел много (уже депутатом Госдумы был), и добираться далековато. А вот дочь Ельцина Таня Дьяченко с «молодым женихом» Валей Юмашевым полететь сразу согласились — потому что на халяву.

Валя, как только сошелся с Таней, обрел пристойный вид, приучился к галстуку: все-таки она себя считает профессионалом по имиджу. До той поры костюмы он не носил, ходил по Кремлю в драных штанах. Но внешность обманчива. Я согласен с Александром Хинштейном в его оценке: «Валентин Борисович Юмашев — фигура крайне недооцененная. Именно он был основной фигурой второй половины 90-х годов. Именно он играл ключевую роль в той группе, которую принято называть олигархами, при этом выступая в выгодном для себя образе затрапезного литраба в поношенных джинсах и тертом свитере. Думаю, что значительная часть тех денег, которые принято относить на счет олигархов той поры, в первую очередь Романа Абрамовича, имеет самое прямое отношение к Валентину Борисовичу Юмашеву».

Добавлю только, что самое прямое отношение к этому человеку имеют деньги не только Абрамовича, но и многих других тогдашних небожителей, в том числе и самого Ельцина. (Но об этом — чуть ниже.)

А сотрудники Службы безопасности президента никогда всерьез Юмашева не воспринимали. Офицеры дали ему прозвище «прыщавый обмылок» — надо сказать, весьма точное. Я это понял, когда с него однажды в бане упало полотенце, которым Валя всегда при водных процедурах старательно прикрывался. «Обмылок», на самом деле...

В олимпийском Сиднее Таня-Валя времени зря не теряли. Насчет спортивных объектов не скажу, но объектов недвижимости они посетили немало. Денег у них уже было столько, что просто не знали, куда бы еще приткнуться. Вот и вложили в австралийскую недвижимость, начав сразу ею приторговывать. Причем, как рассказывали мне мои знакомые риелторы-австралийцы, демпинговали Таня-Валя страшно, и приличный остров в Австралии стал стоить, как однокомнатная квартира в Москве. Многие, кто работал тогда в сфере австралийской недвижимости, вынуждены были из-за этого свернуть работу — невыгодно. Те мои знакомые в результате всех злоключений перебрались на Кипр: на тамошних офшорах немало дворцов российской элиты висит.

Впрочем, то была лишь тренировка. Сегодня, по данным бизнес-аналитиков, только в «Москва-Сити» доля Юмашева приближается к 400 миллионам долларов. (К слову, доля,

говорят, принадлежит кипрскому офшору Valtania — возможно, это означает «Валя-Таня».) Он вкладывал в этот проект непонятно откуда появившиеся у него деньги в самом начале строительства, а потом пришла пора получать дивиденды. Надо полагать, немалые, что и определяет образ жизни этой парочки — летают по всему миру, ни в чем себе не отказывая. Их любимая страна — Германия, там тоже что-то имеется в виде вложений.

Еще когда был жив папа Тани, его очень обижало потребительское отношение дочери к нему. Он со своей близкой знакомой, когда-то — подругой семьи Викторией Митиной (экс-замглавы президентской администрации) поделился наболевшим. Дескать, навещается Таня на дачу к отцу редко, и все-то ей некогда, прилетит, словно стрекоза, попросит о чем-то и улетит. Под занавес жизни Ельцин жалел, что приблизил ее к своей работе и во всем шел на поводу, позволяя влиять на принятие государственных решений.

После июля 1996 года, в свой второй президентский срок, Ельцин уже не руководил страной и только спрашивал, когда приносили документы: «Чубайс согласен?» И если да, то рисовал свою подпись, не читая бумаг. А рядом с Чубайсом все время маячила Таня и лучше папы знала, что он должен скрепить своей подписью, а что — положить под сукно. А тот все мог подписать, даже самое невероятное. Таня за отцом наблюдала, как психиатр за пациентом. И вела себя в зависимости от того, каким было его состояние. Мозг Ельцина уже не мог анализировать и здраво рассуждать, и президент изрекал в присутствии прессы сплошные банальности и глупости, не понимая того, что смешон.

Но, кажется, интеллектуальная деградация первого президента России его дочь не сильно тревожила. Ельцину постепенно становилось безразлично, что происходит вокруг. И Таня обеспечивала нужные решения, с ее подачи пилились бюджеты, под ее руководством происходила разблюдовка — кому и сколько дать. И в каком размере требовать «откаты». Дееспособного «гаранта» становилось все меньше — бояться некого.

Удивительная все же история: президент огромной страны, одной из двух сверхдержав, насупив брови, громыхал что-то по телевизору народу, которому невдомек, что многое решает не Ельцин, а его дочка Таня. Не за бесплатно, конечно. Так, каждый месяц только Рома Абрамович (которого я первым на пресс-конференции в «Аргументах и фактах» назвал кассиром семьи) приносил ей в чемоданчике-«дипломате» сотни тысяч долларов. Настолько она уверовала в свое всесилие и безнаказанность, что даже не удосуживалась получать деньги где-нибудь на даче или в

ресторане — Абрамович после выборов 1996 года носил ей чемоданами «благодарность» прямо в Кремль. А все, что попадает в Кремль и Администрацию президента, проходит через «телевизор» — рамку на входе. И было прекрасно видно, что пачки в чемоданчике — из сто долларовых купюр. По его размеру несложно было прикинуть, что каждый транш Абрамовича Тане Дьяченко составлял примерно 400–500 тысяч долларов. Хотя я не исключаю, что деньги где-то еще передавались и вне Кремля, а эти шли на мелкие расходы — может, в ГУМ сходить в обеденный перерыв...

Советник по имиджу Дьяченко, по сути, сделала из президента марионетку. Его изолировали от окружающего мира, все новости которого он узнавал только через дочь и Чубайса. Которые уже мало чего стеснялись. Например, чуть ли не в открытую проводили время в апартаментах первой леди, г-жи Наины, в 1-м корпусе Кремля.

А туда просто так не пройти: на обоих входах дежурят офицеры охраны, которые, конечно, потом обязаны «кому-то» об этом докладывать. Обслуживали парочку (чай, кофе и т. д.) горничные, которые недоумевали: у них что — квартир и дач нет? Да и опасались девушки: ведь Наина Иосифовна, если заметит следы, решит, что это они, горничные, на ее кровати кувыркались.

Да дело тут не в том, что нет дач-квартир. Просто эти люди ощущали себя неприкосновенными небожителями. А это быстро развращает человека, и у него отказывают тормоза во всем. Что им мнение окружающих? Кто они такие — окружающие? Нищebroды... В 1996 году именно своей любовнице и деловой партнерше Татьяне Дьяченко Анатолий Чубайс был обязан назначением на должность руководителя Администрации президента РФ — практически второго, а то и первого (если его считать регентом слабоумного) человека в стране. А ЕБН в середине 90-х подписывал то, что Чубайс принесет. Без него — как без рук: кто же, как не Чубайс, знает, что творится в стране.

Но замуж в третий раз Татьяна Дьяченко вышла не за Анатолия Чубайса, а за Валентина Юмашева. Молодого супруга она ценила как бизнес-партнера, но за полноценного мужчину, судя по всему, не считала. Не знаю, были ли у нее основания. Но любой психолог вам подтвердит: когда мужик ходит повсюду с огромными собаками без намордника, пугая окружающих, это он так изживает определенный комплекс неполноценности — испытывает удовольствие от испуга людей. Однако в остальном Юмашев был о себе очень высокого мнения и кайфовал от близости к власти, куда его случайно занесло.

Родился он в Перми в 1957 году. Родителей сослали при Сталине в Казахстан (по пятому пункту анкеты), а при Хрущеве семья обосновалась в Перми — это уже ближе к Москве, чем казахстанские степи. Валя поступил в МГУ на факультет журналистики. Я всегда считал, что эта кузница кадров для СМИ выпускает элитных специалистов. И поэтому был сильно удивлен тем, что диплом там смог получить настолько малограмотный человек. Я не филолог, и вообще по уставу караульной службы полжизни прожил, но все же столько грамматических ошибок в одном предложении никогда не сделаю. Валя Юмашев под мою диктовку составлял вторую книгу Ельцина «Записки президента». Записывал надиктованное мною и приносил на вычитку. И я два месяца правкой занимался. Отмечал на полях его рукописей ошибки — в среднем по 40 орфографических ошибок на странице было, не считая пунктуации. Как он вообще мог работать журналистом — не представляю, я бы перед корректорами со стыда провалился.

А ведь какое-то время Юмашев даже в «Комсомольской правде» трудился. Геннадий Селезнев, главный редактор «КП» в 1980–1988 годах, рассказывал мне некоторые подробности. Юмашев вел «Алый парус» — это был как бы первый образец свободной журналистики в стране. На самом же деле имитация свободы слова, Валя пыль умел пускать в глаза, на этом и карьера вся его построена. Впрочем, Селезнев не столько о работе Юмашева вспоминал, сколько о его внешнем виде: неопрятный, мол, парень, под хиппи «косил», и в голове у него такая же неопрятность, как и снаружи.

Юмашева вытащил из небытия известный журналист Павел Вощанов. Он симпатизировал Ельцину, особенно в период гонений на него, захаживал в приемную Госстроя, был в отличных отношениях с помощником Ельцина Львом Сухановым. И затем стал первым пресс-секретарем ЕБН. Вощанов и подал ему идею: «Борис Николаевич, а хорошо бы книгу вам написать: тяжелое детство, холод-голод, деревянные игрушки, вместо грелки — коза. А потом — интриги, враги-завистники, но трудности вас закалили, и вы заслуженно стали народным депутатом, председателем Верховного Совета РСФСР и надеждой страны».

Ельцин загорелся этой идеей.

В качестве литературного раба Вощанов предложил Юмашева. «Исповедь на заданную тему» Ельцина вышла большим тиражом. В предисловии как бы автор Ельцин, а на самом деле Юмашев сам о себе хорошо отзывался: «Работа над книгой шла в основном по воскресеньям и по ночам. И если бы не помощь молодого журналиста Валентина Юмашева, которому часто

приходилось, подстраиваясь под мой ритм, работать без выходных и ночами напролет, — трудно сказать, появилась ли бы эта книга».

Юмашев через своего знакомого издателя в Англии раскрутил книгу, она стала хорошо продаваться. У Вали были откуда-то связи и с лондонскими банкирами. Счет «писателю» Ельцину Валя открыл в престижном Barclays Bank. Я поинтересовался у него тогда: как же так, ты вроде простой советский журналист, конец 80-х, свободного выезда за границу нет, а у тебя в Англии счета в банках и связи в разных сферах. У меня возникли подозрения, что там не обошлось без западной разведки. Режим благоприятствования наш гражданин в Лондоне мог получить только за какие-то встречные услуги. Проверять мои подозрения было некому, и таким вот образом Юмашев стал соратником и биографом Ельцина и «семьи», двери в Кремле чуть ли не пинком открывал. И уже тогда, как мне докладывали, наводил мосты, как можно перевести в валюту свалившееся на него положение.

«Писатель» Ельцин вошел во вкус и поручил Юмашеву собирать материал для второй книги. Тот приходил ко мне каждый день в кабинет, и я на протяжении получаса рассказывал, что произошло за день. «Летописец» слушал, жуя мои бутерброды. Вообще, не везло им, моим бутербродам. То Березовский, словно из блокадного Ленинграда сбежавший, их у меня подъедал — по карманам только что не рассовывал, и вот Юмашев туда же. Валя, видимо, в детстве досыта не ел, поэтому, как всякий выходец из советских низов, фанатично любил колбасные изделия и копчености. Как какое-то застолье — молотил колбасу, ветчину, буженину... Халява, как тут удержаться. Водку вообще не пил, только красное вино и коньяк, но закуски уничтожал много.

В Кремле горничные вымуштрованные: принесут главе Администрации президента Юмашеву к обеду или к чаю мясных изделий тарелку — спустя десять минут она уже пустая. Несут следующую. Вообще еда в Администрации президента не задерживалась: Сергей Филатов, будучи ее главой, всю оставшуюся закуску домой уносил, а Юмашев, не отходя от кресла, съедал. Ну и выкопал себе зубами проблему: врачи мне сказали, что у него развилась так называемая мясная подагра. Весь в прыщах был поэтому — буженину с карбонадом в таких количествах редкий организм без последствий выдержит.

Когда Ельцин стал персоной номер один на политическом небосклоне России, Юмашев понял: настает его звездный час. Он везде с нами ездил, стараясь всунуть свое лицо в кадр, когда свиту снимали телевизионщики — демонстрировал «близость к

телу». Но когда по телевизору в августе 1991 года пошло «Лебединое озеро», Юмашев испарился. Во время путча с нами его у «белого дома» не было. Он сбежал с женой Ирой, дочкой Полиной и больной мамой в дачный поселок Правда — там были дачки журналистов и издателей. Валя из соображений конспирации не стал ни к кому проситься на постой и все три дня августовских событий прятался в котельной. Обитатели поселка ему носили еду и воду, а он трясся в этой котельной, убеждая дачников, что его первого арестуют, потому что он совершил государственное преступление — книгу написал для Ельцина. Видимо, добавляло ему страха и осознание того, что я знаю про его английские связи.

Вылез Валя Юмашев из котельной только после победы над ГКЧП. Но медаль «Защитнику свободной России» получил. Хотя защищал он всегда только свой интерес. Взять хотя бы его писательство для Ельцина. Когда он в 1994 году «написал» последние 20 страниц книги Ельцина «Записки президента» (а вернее, коряво записал то, что я рассказывал), тот даже читать не стал. Не царское это дело. Издавайте, мол, годится. Встал вопрос: кто даст денег на это? И тут Юмашев подсуетился:

— Я нашел деньги для издания, их дал Борис Абрамович!..

Юмашев тогда как раз активно подтягивал Березовского к Кремлю, используя любые поводы.

Книга вышла большим тиражом, Ельцину она понравилась: содержание — ерунда, главное, том увесистый, на мелованной финской бумаге, оформление красивое. Когда приехали на презентацию книги в магазин «Москва», Ельцин подписал книг пять — закорючки-петельки нарисовал. Народ лишний не пускали, читателями Ельцина оказались только те, кто в тот момент был в магазине. С чувством выполненного долга он мне говорит:

— Александр Васильевич, дело большое сделали, я на работу уже не хочу возвращаться, поедemте к вам — по рюмашке махнем...

Мы же соседи с ним через стенку были.

Мой дочери Наташе было тогда 16 лет, я ей позвонил, чтобы стол сообразила, пока мы едем. Когда подъезжали к дому, Ельцин торжественно изрек:

— Александр Васильевич, а вы были бы не против, если бы я вам заплатил за вашу работу над книгой тысяч тридцать долларов?..

Отвечаю, что ничего против этого не имею:

— Я хоть машину себе куплю, а то у меня только служебная. Вы же мою «Ниву» раздолбали дважды в хлам...

Проходит какое-то время, и мы узнаем: книгу оплатил руководитель «АвтоВАЗа» Владимир Васильевич Каданников. Я прижал Юмашева к стенке:

— Валентин, ты же говорил, что Березовский деньги дал!..

Юмашев начал изворачиваться:

— Да не верьте Каданникову, он только половину дал — триста тысяч, а остальное заплатил Борис Абрамович!..

Звоню Каданникову:

— Владимир Васильевич, вы сколько денег на книгу Ельцина дали?

— Да сколько стоила печать, столько и дал — шестьсот тысяч долларов...

Хотя в здравом уме представить, что такие деньжищи пошли на печать, сложно. Издание книжки стоило на порядок меньше, а «дельта» была попилена Юмашевым и Березовским.

Политический деятель Юмашев останется в истории современной России как человек, который первым привел к Ельцину и «семье» злого гения 90-х Березовского. А сам Борис Абрамович в жизни никогда ни за что не платил. Если бы я раньше узнал о том, кто на самом деле оплатил издание книги Ельцина, Березовского никогда бы не было в Президентском клубе. Его туда Юмашев тихой сапой протащил, и Абрамыч стал появляться в клубе даже чаще меня, хотя я этот клуб и организовывал (по уставу всего 12 учредителей было, включая меня).

«Береза» чувствовал себя в Президентском клубе как рыба в воде: сплошной восторг, много разного начальства, можно порешать свои шкурные вопросы. Клуб предоставлял гигантские возможности для неформального общения и теневого влияния — впоследствии, к слову, таким же «штабом» стал дачный кооператив «Озеро». Который когда-то состоял из 8 членов, а потом ротенбергов туда столько пристроилось, что и запомнить всех невозможно. Кого ни возьми сегодня в околопрезидентских кругах, все когда-то в «Озере» бревно несли и колбасу резали.

Казнокрад в России рискует меньше, чем где бы то ни было. Говорят же, что эшелонами у нас воровать безопаснее, чем мешками. Приведу только несколько из бесчисленных примеров того, как государственную шерсть путают с личной, и ничего за это не бывает.

В 2002 году законодательно был определен порядок обеспечения жильем военнослужащих. За подписью руководителя ФСО Е. Мурова на имя мэра г. Москвы Ю. Лужкова было подготовлено обращение о предоставлении площадок для строительства жилых зданий в столице под соответствующую

программу. Распоряжением мэра первые площадки были выделены на улице Козлова в Кунцеве (достаточно престижное место), несколько площадок — в Алтуфьеве и т. д.

Были заключены инвестиционные договоры на строительство домов, по которым ФСО полагалось от 25 до 30 процентов жилых и нежилых помещений, автостоянок. По мере реализации проектов все причастные почувствовали явственный запах наживы. Тут же волшебным образом возникли схемы для маневра. В конце концов, офицеры могут пожить и в других районах, не в Кунцеве, решили некоторые начальники. А нарушения и подлог — несущественные издержки, если на кону такие дивиденды.

Но не все руководители согласились с тем, что деньги не пахнут. Первым покинул свой пост заместитель директора Федеральной службы охраны (ФСО) генерал-лейтенант А. Проценко. Следом за ним — начальник инженерно-эксплуатационного управления ФСО полковник А. Дёмин. Тем временем спешным порядком создавалось ФГУП «АТЭКС», которое возглавил родственник одного из заместителей директора ФСО. И — уничтожались строительные подразделения, которые нормально работали в системе охраны ФСО. Зато финансирование АТЭКС увеличивалось в сотни раз. Закрытым указом президента Путина этому ниоткуда возникшему предприятию было предоставлено право единственного поставщика строительных услуг для ФСО. Кроме того, заказы АТЭКСу обломились и от Правительства г. Москвы, Минкультуры и ряда других ведомств. А закрытый поставщик — это значит, «не парит» 223-й ФЗ, предусматривающий конкурсные процедуры. Кому положено, тот и получает. Тот закрытый указ президента был потом отозван, но он свою роль выполнил, дав заработать многим «хорошим людям». Вернее, не заработать, а получить.

Объектов, где отметилось ФГУП «АТЭКС», немало в Сочи, в Московской области, да и в самой столице, в том числе в Московском Кремле. Уничтожались добротные особняки, зачастую имевшие историческую ценность. Под бульдозер, например, пошло больше двух десятков капитальных зданий на Ленинских горах, построенных еще при Хрущеве для членов Президиума ЦК КПСС, для приема иностранных делегаций и первых лиц зарубежных государств. Все это было снесено для того, чтобы на освободившемся месте АТЭКС «освоило» огромные бюджетные средства. Но оно это сделало так топорно, что кое-как слепанные коттеджи многие годы не могут ввести в строй.

В ФСО также была создана комиссия по согласованию использования прилегающих к правительственным трассам проездов. Тут тоже конь не валялся по части законности

процедур, откатывай — не хочу, что называется.

Красная площадь, дом № 5, известные всем москвичам Средние торговые ряды, в советское время — Второй дом Министерства обороны. Комплекс зданий в сердце столицы, построенный в 1889–1893 годах по проекту архитектора Клейна. Жил себе особняк — не тужил, пока за него в середине 2000-х не взялся Межпромбанк (известный банкир Пугачев, когда-то к главе государства близкий, а потом — страшно далекий). Межпромбанк приступил к реставрационным работам, что-то сделал, но особняк у него «отжала» ФСО. Когда Путин был премьер-министром при президенте Медведеве, ФСО получила 16 миллиардов рублей на реконструкцию здания аж 16 декабря. Но до конца того года «освоить» их, конечно, успела. За две недели...

Однако самое интересное заключается в том, что особняк после этого почему-то был передан с баланса ФСО Управлению делами президента. Но — ненадолго. Потом он оказался в ведении Минкультуры. Реконструкции здания, по состоянию на начало 2017 года, исполнилось уже более 10 лет, в этот объект закачаны десятки государственных миллиардов, и ничего не доведено до логического конца.

Или вот возьмем многострадальный 14-й корпус Кремля. Сначала его Администрация президента ремонтировала-ремонтировала, деньги вкладывала-вкладывала, а потом вдруг решила: да хватит уже, давайте снесем, зачем он в Кремле нужен. С точки зрения экономики — тупость, с точки зрения уголовного законодательства — в чистом виде преступление по факту нанесения государству ущерба в особо крупном размере. Но — тишь да гладь, лишь муровские службы (не московского угрозыска, а Муро́ва) с помощью карманных историков рассказывают народу, какие ценнейшие для нашей науки черепки находят под 14-м корпусом.

И перечень этих деяний «маршала» Муро́ва можно долго продолжать. Что характерно, примеры эти у всех на виду: Кремль, Ленинские горы, Кунцево. И никто не стесняется, не боится, что возникнут вопросы. Это — Москва. Что же тогда говорить об областных столицах и многочисленных «зажопинках», которые по телевизору редко показывают. Там вообще край непуганого ворья, которому бояться некого.

«Имел умысел на свержение государя»

В предисловии к своей предыдущей книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката» я писал: не обо всем, что знаю, буду в той книге рассказывать. В частности, я имел в виду и то, о чем вы прочитаете в этой главе — думаю, сейчас время пришло. Чем старше становится человек, тем меньше он признает недосказанности. Да и никаких подписок о неразглашении я никому не давал.

В истории современной России я участвовал в трех заговорах против существующей власти. Опыт поучительный и памятный.

* * *

1996 год. Смутное время, сказали бы наши предки. Ельцин, наобещав с три короба и обманув народ на выборах, снова взгромоздился на трон. За полгода до того, в январе, ЕБН с треском, ко всеобщей радости, снял с поста вице-премьера Чубайса — после того, как партия «Наш дом — Россия» на выборах в Госдуму 2-го созыва набрала ничтожно мало голосов. Президент прокомментировал: тот факт, что проправительственная партия набрала 10 процентов голосов, — «это Чубайс! Если бы не Чубайс, было бы 20 процентов!» В программе «Куклы» на НТВ Виктор Шендерович переиначил эти слова в крылатое (и абсолютно справедливое, кстати) «во всем виноват Чубайс!».

Но недолго музыка играла: спустя месяц после выборов главы государства, в июле 1996-го, Чубайс был назначен руководителем Администрации президента. Ельцин к тому времени уже почти стал, как выражается нынешняя молодежь, овощем — работать полноценно не мог, обижался на всех, как маленький ребенок.

Вспоминаю в этой связи замечательный фильм «Обыкновенное чудо» с Евгением Леоновым в роли царя в медной короне: «Палача отняли, жандармов отняли — свиньи вы, а не верноподданные!» Вот так же и Ельцин на закате своего президентства брюзжал. И оживал только, когда глава Администрации документы ему приносил на подпись — рисуя автографы, ЕБН ощущал себя начальником страны. Ну а что там конкретно в документах — не царское дело разбираться, руководитель канцелярии лучше знает. Поэтому, когда после

выборов в сентябре 2016 года В. Володин ушел с должности первого заместителя главы Администрации президента в спикеры Госдумы, те, кто знаком с этой кухней, вынесли вердикт: это однозначное понижение. Ну что такое председатель нижней палаты парламента — всего лишь третий человек в стране. Первый заместитель главы администрации Путина в кремлевской иерархии влиятельнее: у него повседневный доступ к центру принятия решений.

Вся содержательная жизнь Кремля проходит «под ковром» и в кулуарах, про нее обыватели ничего не знают. И это наше «средневековье» в случае с Ельциным осложнялось тем, что в конце его жизни об адекватности речи уже не шло. ЕБН был абсолютно внушаемым, как ребенок — любую глупость скажи, и он повторит. Отсюда все эти 38 снайперов, «не так сели» и прочая ахинея, над которой вся страна потешалась.

Большинство из тех, кто в 1996 году голосовал за Ельцина, нового возвышения Чубайса президенту простить так и не смогли. Но одни сидели по кухням и тренировались в злословии, а другие тем временем упражнялись в конспиративной работе...

В первый заговор по свержению Ельцина с его подельниками меня втянули в 1996 году, спустя несколько месяцев после президентских выборов. У руля стоял один очень известный деятель, не сходивший с экранов телевизоров и при Путине. В состав заговорщиков входили офицеры — «афганцы» и «чеченцы», опытные боевые командиры. Даже Герои Советского Союза были, кстати. Как и в 1825 году, когда в антимонархическом заговоре участвовали не паркетные клоуны, а настоящая гвардейская элита. С той только разницей, что те офицеры и генералы победили Наполеона, а наши современники нахлебались унижения в Афганистане и на Северном Кавказе.

Когда они меня увидели на одном из собраний на «конспиративной квартире», были в шоке: как, дескать, он здесь оказался — это же один из самых близких к Ельцину людей, он нас всех завтра сдаст. Но мы выслушали друг друга, быстро пришли к общему знаменателю и испытали взаимное доверие.

Идеология заговора была простой: с этой преступной властью пора кончать, пока она окончательно не разрушила страну. Крови никто не жаждал при этом. Тот, кто по-настоящему воевал, как правило, не бывает кровожадным. Целью было вышвырнуть шайку из Кремля, пусть даже с гарантиями личной безопасности. Офицерскому слову этих людей, думаю, даже чубайсовско-юмашевская шушера поверила бы, если б они им сказали: собирайте манатки и валите отсюда, преследовать не станем, только на глаза никогда больше не попадайтесь. Но, увы, по

объективным причинам тогда не сложилось довести задуманное до конца. Умер лидер и мозговой центр заговора, и подхватить падающее знамя никто не смог или не захотел. Да и конкретного плана как такового еще не было — к его разработке только приступали.

Одновременно, в 1997 году, развернулась активная деятельность созданного по инициативе депутата Госдумы Льва Рохлина Движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». В феврале того года я стал депутатом Государственной думы от Тулы. Многие председатели думских комитетов звали меня к себе, но это как обычно бывает: поймают случайно в буфете или в лифте и начинают шарманку крутить: «А вот неплохо бы, Александр Васильевич, нам вместе поработать как-нибудь над чем-нибудь, законы попринимать...» Один Рохлин как-то уже поздно вечером пришел целенаправленно ко мне в кабинет, закрыл плотно дверь, взял стул, подставил к моему столу, сел, зачем-то сдвинул все бумаги в сторону и с прямою комбрига заявил: «Васильич, ты должен у меня в комитете по обороне работать. Пойдем. Не пожалеешь».

Вообще-то, моим профильным комитетом, если сопоставлять с предыдущей деятельностью, был Комитет по безопасности и противодействию коррупции. Но в том созыве в нем председательствовал такой персонаж, что вместе с ним с коррупцией воевать — то же самое, что в компании с алкашом с пьянством бороться, поэтому я этот вариант даже не рассматривал. И во всех четырех созывах работал в комитете по обороне, о чем ни разу не пожалел. В том числе и потому, что руководил им в начале моей депутатской карьеры Лев Яковлевич Рохлин.

Не очень много было в моей судьбе таких людей, с которыми я говорил на одном языке. Рохлин — это как раз такой случай. Мы с ним близко сошлись. Он бывал у меня дома, я — у него. Приезжал к нему и на дачу — ту самую, где Лев Яковлевич потом смерть принял. По рюмке-другой выпивали, о жизни беседовали, об армии, о власти, которая не правит, а царствует с учетом необходимости наполнения своего бездонного кармана.

Отношение Рохлина к установленному «семьей» режиму хорошо известно. Если был бы жив, спустя двадцать лет точно прослыл бы отъявленным оппозиционером, а тогда этого слова в ходу не было. Рохлин считал, что «пора решать что-то с этой бандой». По сути, Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» стало штабом нового заговора по свержению существующего строя. Хотя, если быть точным — не строя, а тех, кто его в России на тот момент олицетворял.

Любое государственное устройство, кроме совсем уж людоедских режимов, на мой взгляд, может нести благо обществу, достаток гражданам, если во главе его стоят совестливые люди. И любой государственный строй, даже формально прогрессивный, заведет страну в безвыходный тупик, если у руля — воры.

Конечно, в развитых странах есть система сдержек и противовесов, там самодур-одиночка на вершине пирамиды ничего бесповоротно испоганить не сможет — найдется управа. Россия же всегда только подтверждала правило «каков поп, таков и приход», потому что у нас — то трон, то Политбюро, то снова трон. Шариков мечтал все отнять и поделить, а на вершине пирамиды власти у нас чаще оказываются те, кто только отнимает, но делиться ни с кем не собирается.

Выход напрашивался один: сами они никуда не уйдут, поэтому надо указать, где дверь, пока не поздно, пока еще совсем все не разграблено. Все это в наших разговорах с Рохлиным звучало. Довольно быстро нашлись единомышленники, подтянулись равнодушные. И снова это были, в основном, люди отслужившие, связанные с армией, спецслужбами и правоохранительными органами. В КПСС побывали все, поэтому, ясное дело, сразу в заговорщицком собрании возникла тема «персонального дела» тов. Ельцина. Ведь роль личности в истории России всегда была главенствующей, даже если личность эта только и делала, что кирпича просила.

Решение самых острых проблем страны, которая катилась в пропасть из-за коррупции, «декабристы» конца 90-х видели, в первую очередь, в нейтрализации Ельцина — его отстранении от властных полномочий. И эта нейтрализация предусматривалась уже физической, ибо к тому времени стало понятно: по-другому обитатели Кремля из него не собирались выходить, только вперед ногами.

Кстати, мне все мои послеельцинские годы пришлось выслушивать от множества людей один и тот же вопрос в разных вариациях: «Ты почему его не убил?» Отвечал обычно в том плане, что вы же его сами выбрали. Тут же сопротивление: «Я не выбирал!» А кто же ему 75 процентов накидал тогда? Ну а я охранял этот ваш выбор, как мог, и ни один волос с него не упал по моей вине — только по его собственной, мягко говоря, неосторожности. Да и кто о семье моей позаботился бы в таком случае?

Убить-то — делом нехитрым было. Ближе меня у Ельцина в тот период никого не было. Кстати, я — единственный в мире начальник охраны главы государства, которому этот глава сотни раз спину в бане тер как лучшему и близкому другу. По

неписанным правилам, конечно, в бане генералов не бывает — там все равны и одинаковы. Но все же первое лицо в государстве, наверное, равнее — какая-то дистанция всегда существует. Но Ельцин ее однажды сократил до мочалки.

Научил меня банным премудростям в свое время президент Финляндии Мауно Койвисто, когда я помогал организовывать его охрану. Он ко мне очень хорошо относился. А как попали с ним в баню, взялся за мое обучение, хотя я и не новичок был. Но финны — это же академики в банном деле, и он поделился множеством премудростей, о которых я не предполагал даже. Какие должны быть шапки и рукавицы, как «по-фински» запаривать веники и охаживать ими сопарильщика — все эти тонкости он мне раскрыл. Ельцин потом оценил: тоже был парильщик со стажем, но и он удивился некоторым вещам.

Однажды после игры в теннис отправились мы с ним вдвоем в сауну. Попарились, прошли в душевую мыться.

— Александр, потрите мне спину... Спасибо. А теперь я вам. Нет-нет, никаких отказов не принимаю! Давайте вашу спину...

И это стало обязательным ритуалом, даже когда мы с ним в ссоре были. Парились минимум дважды в неделю, даже если тренировок не было никаких — приятнее же рюмку после парной выпить, чем без нее. «Дядька при президенте», — сказал кто-то однажды про меня. Неверно. Дядька — это, прежде всего, был воспитатель при балбесе-подростке. А мы были на равных, хотя его жизнь во многом зависела от меня.

Так вот, рохлинские заговорщики, учитывая мою недавнюю кремлевскую службу, решили поручить мне то, ради чего, собственно, они весь огород и городили. У меня удостоверение на руках оставалось, да меня и без него еще много лет после отставки повсюду пускали. У руля органов государственной охраны (ФСО) тогда стоял Ю. Крапивин, очень подверженный влиянию М. Барсукова — хоть пенсионера уже, но еще влиятельного. Несмотря на это, закрытых дверей ни в Кремле, ни в других органах власти для меня не было. Все обо мне помнили, и очень многие уважали — везде находились коллеги, бывшие сослуживцы, ученики. Куда-то зайти — не проблема.

У меня кобуры разные для пистолетов были, в том числе и ножные. Не раз и не два уже после отставки проходил рамку металлоискателя в том же Кремле, она реагировала на металл, я хлопал себя по лбу: забыл! Возвращался, клал на стол «ствол» из подмышечной кобуры, а на ноге пистолет оставался на всякий случай. Второй раз я шел, уже минуя рамку: оружие-то сдано. Не будет же лейтенант обыскивать генерала, который у истоков его службы стоял. А оружие лишним не было — на всякий случай.

И первый вариант, который для меня «подпольщики» разработали, был по этой схеме: иду в Кремль, захожу в кабинет Ельцина и решаю с ним вопрос при помощи пистолета из ножной кобуры. Но это была дорога в один конец, все это понимали — и я, и Рохлин. Он жертвовать мной не хотел и предложил второй вариант решения задачи.

Замечу, что Льва Яковлевича армия боготворила, без преувеличения. И было за что. Он к людям относился не только как к личному составу — это в армии очень ценят всегда. Разработают штабные ему в Чечне план детальной операции по взятию, например, населенного пункта, а он по-своему все переиначит. Самовольничал, но все задачи выполнял, сохраняя людей при этом. Потерь было — с гулькин нос. Это бесило военачальников, Генштаб. Но победителей не судят, и генерал-лейтенант Рохлин дослужился до звания Героя России. Однако Звезду отказался от Ельцина принимать: против своего народа не воюю, мол, какое тут геройство. Этого ему вообще Кремль никогда не простил.

И второй вариант заговорщика Рохлина предусматривал спасение от неминуемой гибели личного состава (то есть меня с пистолетом) и проведение настоящей войсковой операции с походом на Кремль. Лев Яковлевич знал, что у меня было немало депутатских и личных связей в Туле, где мужики из металла все могут сделать. И он упросил меня заказать на одном из тульских заводов по своим чертежам прицепные устройства на жесткой сцепке к боевой технике для размещения на них автоматчиков. На этих прицепах группа бойцов Волгоградского корпуса Рохлина должна была выдвинуться на Москву, неожиданно с ходу войти в город и штурмовать Кремль. Какие гаишники осмелятся полосатой палкой махать при виде такой картины — несущихся по шоссе Энтузиастов боевых машин с десятками автоматчиков на прицепах? Препятствий никаких при проведении операции Рохлину не виделось.

Обошелся мне тот заказ на одном из тульских заводов в 250 000 долларов. Благо в то время гонораров за книги хватало, дефолт был еще впереди. Конечно, в современных условиях выглядит эта затея наивно, а тогда, по моему мнению, у генерала Рохлина могло бы получиться. Засевшее в Кремле «чубайсово племя» не переваривало столько народа, что ворота открыть проблемы не составило бы, тем более если бы я участвовал. Принципиальных «коржаковцев», включая даже повара и фотографа, к тому времени обслуга «семьи» с работы выгнала. Но и без них в Службе безопасности президента еще оставалось тогда немало приличных людей, хоть и без больших звезд. А именно

такие люди в таких историях ключевую роль обычно и играют — не всякий генерал знает, где, условно говоря, ключ от Боровицких ворот висит.

То есть Волгоградский корпус, которым Рохлин командовал со времен Чечни и до избрания депутатом Госдумы, готов был за ним и в огонь, и в воду. Офицеры и солдаты знали: Рохлин — не штабная крыса, а правильный боевой генерал, болеющий за своих солдат и за Отечество. За сутки корпус вполне мог преодолеть расстояние до Москвы. И они не остановились бы лагерем за МКАДом, как «лучший министр обороны» Павел Грачев со своим войском в Чечне в октябре 1993-го, а реально вошли бы в центр и в Кремль — я им это гарантировал. И никто не остановил бы. Армейцы не пошли бы против своих, тем более что был опыт 1991 и 1993 годов, когда себе дороже в итоге оказалось вступать в войну верхов. Те, кто в 91-м защищал, а в 93-м штурмовал «белый дом», нахлебались потом дерьма.

Но, увы, не получилось из Льва Яковлевича организатора переворота — судьба. Чечню прошел, а погиб от руки собственной жены. Никакой конспирологии тут придумывать не нужно: на самом деле именно она лишила его жизни. Поскольку я много раз у него в гостях бывал, то и с женой заочно знаком. По словам ее знакомых, она порой производит впечатление не совсем адекватного человека. Так и не смогла простить супругу рождения больного сына. Это ее нервное состояние усугублялось, когда она употребляла без меры алкоголь. Я как-то приехал на могилу к моему другу Льву Суханову (он рядом с Рохлиным покоится) и стал свидетелем того, как Тамара рыдала на надгробии мужа: «Лева, прости меня!» Трагедия, что тут добавить...

А с того тульского завода, где «прицепы Рохлина» для штурма Кремля уже изготовлены были, мне не раз потом звонили: когда заберете заказ, ваши железяки территорию загромождают.

Если бы тот мятеж удался, Рохлин неминуемо стал бы президентом, я уверен в этом. Ельцина к тому времени ненавидело уже три четверти населения, а Чубайса — все сто процентов (за исключением тех, кто от его махинаций что-то поимел). Любые заговорщики сталкиваются после успеха мятежа с проблемой передачи власти. Понятно, что делать этого не хочется, потому что возникает убеждение, что, дескать, мы сами с усами, лучше справимся с управлением государством. Но Рохлин был мудрый человек и, как пиночетова хунта в Чили, потом отдал бы власть гражданским, и Россия миновала бы то болото, в которое угодила. Так мне видится.

Как вариант, вместо ельцинского наследия в виде Путина мы

могли бы получить Евгения Примакова во главе страны: тогда все к этому шло. Но «эффективные менеджеры» возле бюджетной кормушки — Чубайс, Березовский, Таня Дьяченко, Юмашев — опасность вовремя почуяли и сделали все, чтобы Примакова устранить. Он тогда, в конце 90-х, был еще здоров, здравомыслящий и вполне мог отработать один президентский срок, задав совсем другой вектор развитию России. А то ведь сменщик Ельцина у руля уже больше 17 лет, догоняет по стажу Брежнева, и страна вместе с ним, по всем признакам, впала в застой № 2.

Опытный Примаков эти риски видел и не допустил бы реставрации всего того, что в свое время утянуло на дно СССР. И у Евгения Максимовича была куда более эффективная команда, чем выходцы из питерской мэрии. Все эти графы, кудрины, шуваловы, мутки и иже с ними давно уже оторваны от нужд людей, от земли, по которой ходит население. Они хорошо научились в северной столице только «отжимать» все, на что взгляд упадет, украшая это красивыми словесами про рынок. Это вот им Ельцин, по справедливости, мог бы адресовать свое «они много брали, но мало отдавали», которым нас проводил. В этом случае он бы не ошибся.

...Душой и мозгом третьего заговора против власти, в который я оказался вовлеченным, был Владимир Квачков. В 2005 году его арестовали по обвинению в покушении на Чубайса, возглавлявшего на тот момент РАО ЕЭС, но после трех лет отсидки, в июне 2008 года, суд присяжных его оправдал. В декабре 2010 года его снова арестовали и посадили — уже по обвинению в организации вооруженного мятежа и в терроризме. И вот, будучи на свободе, между оправданием в суде и очередным арестом, он и пришел ко мне в Госдуму сватать меня на этот самый мятеж. Книжку свою подарил с дарственной надписью — книжку изъяли потом отовсюду, так что у меня этот запрещенный раритет в домашней библиотеке имеется.

Выпили, конечно, с ним. Разговор был откровенным. Он напомнил о моей дружбе с Рохлиным и сказал: а давай, Александр Васильевич, ты доведешь до конца дело, которое с генералом Рохлиным начинал. И опять речь зашла о взятии Кремля. Но порядки иные наступили, моих людей почти никого не осталось в структурах власти, президент уже был другой, и служба безопасности другая — Е. Муров к тому времени насажал в СБП себе подобных персонажей.

Да и цель какова? В двух заговорах без конструктивной повестки я уже поучаствовал, в третий мятеж теперь влезать? Ну, хорошо, говорю — взял ты Кремль, а дальше-то что? Настало хмурое утро, развалины Кремля дымятся, вороны каркают.

Чубайсовцы, ельциноиды и их наследники из нынешней власти в автозаках в Лефортово трясутся. Надо уже что-то строить начинать — кто это будет делать? Сережа Бабурин? Я к нему хорошо отношусь, но он — чисто диванный аналитик. Навальный и то гораздо большим практиком спустя несколько лет оказался, чем профессиональные патриоты конца 2000-х. Хотя на первый взгляд может показаться, что Алексей лишь очень профессионально, умело и последовательно занимается набором политических очков, разоблачая коррупцию, но он хотя бы задумывается над тем, как все должно быть устроено в России завтрашнего дня.

«Васильич, наша задача — снести эту власть к е... матери! Вяжемся в драку, а там поглядим», — горячился полковник Квачков, открывая вторую бутылку коньяка. Нет, Володя, отвечаю ему: ты же хорошо знаешь, что революцию делают фанатики, а плодами пользуются негодяи — это известная, проверенная веками истина. Захват плацдарма и его удержание до подхода основных сил — ваша профессия, но какие силы и откуда должны к вам подойти? Ты был командиром бригады спецназа ГРУ — Кремль разнести по кирпичам сможешь так, что долго никто не соберет, я в этом ни минуты не сомневаюсь. Но в госстроительстве, управлении, экономике ты и твои люди разбираетесь, примерно как я в ботанике. Мозгов не хватит у вас для этого, хоть вы и преданные России вояки. Разрабатывайте позитивную повестку сначала, а не потом. Привлекайте специалистов по кризисному управлению, ученых-политологов, экономистов и так далее.

У них, заговорщиков, на заводе в Коврове «общество охотников» к тому времени уже внушительное было, около 7 тысяч штучков. Планировали свой город взять и на Москву идти. За что и получил Квачков 13 лет, которые потом Верховный суд до 8 лет уменьшил. Теперь, наверное, в камере еще одну книжку пишет.

Так что я — мятежник со стажем. Но не декабрист хотя бы потому, что те были страшно далеки от народа, как Ленин утверждал. А я никогда от народа не отрывался — жил с ним, на одном языке разговаривал и не из книжек знаю, о чем у людей душа болит. Любой декабрист, если бы хоть раз посидел на приеме избирателей в депутатской приемной в Туле, на Сенатской площади не просто стоял бы, а на штурм без промедления пошел, чтобы царскую семью в Сибирь по этапу отправить...

*Поставлена глупость на высокие
посты, а достойные внизу
пребывают.*

Ветхий Завет

Жизнь сводила меня с разными людьми. Кто-то из них как был близким и своим, так и остался — на это никак не повлияла ни моя отставка, ни тот факт, что у меня теперь более скромная машина, ни то обстоятельство, что я теперь — «невъездной» из-за проблем со здоровьем. Я как был для них другом Сашей в Кремле, так и остаюсь им в деревне Молоково. Ну а «если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а — так...». Это жизнь, которая в итоге всегда раскрывает нам глаза на тех, кто притворялся, изображая человеческие отношения и дружбу.

Не миновала чаша сия и меня, конечно.

Но время всё и всех расставляет по своим местам. С возрастом мы становимся терпимее, однако горечь от предательства остается навсегда. Были рядом люди, которые, как выясняется, человеческим отношениям предпочли выгоду: материальную, карьерную. Вспомню здесь о некоторых из тех, с кем довелось вместе прожить лихие годы.

* * *

Павел Бородин — хозяйственник, талантливый во всех отношениях. Это доказывает его самый любимый анекдот.

Завершился крупный российско-германский проект. Немцы говорят чиновнику, отвечавшему за контракт с нашей стороны:

— Герр Иванов, мы хотели бы вас отблагодарить за совместную работу и подарить автомобиль «Мерседес».

— Да вы что, я же казенный человек, это очень дорогой подарок, и его расценят как взятку!

— Но должны же быть какие-то варианты решения вопроса.

— Есть вариант: вы мне «Мерседес» продайте.

— Ну, хорошо, мы вам продаем автомобиль за двадцать копеек.

— Тогда дайте два!..

В этом анекдоте — весь Бородин: себе на уме, хитрый, захапистый и бесцеремонный.

Бывший мэр Якутска («Мухосранска», по его определению), ставший народным депутатом РСФСР, подключил все свои возможности, чтобы из зала заседаний, где все рвутся к микрофону и обсуждают глобальные проблемы, попасть на тихую работу в Кремль, где никто не выступает, но все проблемы решены. К исполнению его мечты и, более того, вообще к попаданию в Москву из Якутска, каюсь, я руку приложил. Думаю, молодой малый, активный, рвется работать. В модном прикиде, читающий книги по этикету, знающий массу анекдотов, разбирающийся в бриллиантах — готовый кадр для федеральных органов власти. Глаза на этого персонажа у меня раскрылись значительно позже...

Весной 1993 года П. Бородин был назначен первым заместителем начальника, а 1 апреля — возглавил Главное социально-производственное управление Администрации Президента РФ.

Он умел угождать, держать нос по ветру и входить в доверие. Высший холуйский класс. Таких, думаю, и в нынешних коридорах власти не много найдется. Объективности ради скажу, что я ему благодарен только за одно: он помог улучшить социальное обеспечение сотрудников Службы безопасности президента и поднять его до уровня работников президентской Администрации. Это было несправедливо, когда секретарши и буфетчицы ни в чем нужды не знали, а офицеры, охранявшие первых лиц государства и зачастую рисковавшие жизнями, бились с бытовыми проблемами, отнимавшими время и силы. Удалось также улучшить жилищное положение многих сотрудников СБП — Бородин лично тогда вручал им ключи от квартир.

На этом, пожалуй, список хороших дел Бородина и исчерпывается. Впрочем, нет — еще он о земляках заботился.

Когда Бородин возглавил Управление делами президента, перетащил в Москву немало своих знакомых из Якутии — например, заместителем генерального прокурора РФ стал Василий Колмогоров. Практически заново Бородин отстроил баню в поселке Архангельское, где в начале своей федеральной карьеры жил Путин, а до этого — еще не ставший президентом Ельцин. И каждую субботу Бородин там устраивал «день якутской бани» — его земляки, ставшие москвичами, съезжались в Архангельское попариться. Никто из местных в тот день в баню не допускался.

Обычная мужская баня — веник, пиво, бильярд. Но было одно обязательное условие: игра в карты на деньги по-крупному. Он мне сам рассказывал о том, что у него была задача выигрывать каждую субботу в бане не менее 50 тысяч долларов — чтобы

имелись наличные на карманные расходы, ибо все другие деньги лежали на счетах, прибавляя в процентах. Удача в картах — штука тонкая, но Бородину каждую субботу везло именно на 50 тысяч и больше. Думаю, это была такая завуалированная форма «благодарности» от земляков-якутов, которых он сделал жителями столицы при должностях. В открытую, может, и неловко давать было, а проиграть в карты благодетелю десятку-другую «зелени» — ну, бывают с каждым неудачи... А о том, что деньги у них водились немалые, все в Москве знали: эти якуты, если не было налички, могли где-то и алмазами расплатиться, вытащив кулек из кармана.

Но сколько веревочке ни виться... Близкой к панике была реакция кремлевских олигархов в январе 2001 года, когда Бородин, ставшего к тому времени государственным секретарем Союза России и Беларуси, задержали в США по судебному поручению, выписанному в прокуратуре Швейцарии в рамках расследования причастности компаний Mabetex и Merkata Trading к подкупу высокопоставленных российских чиновников (эту скандальную историю журналисты тогда окрестили «кремлингейт»). Бородин пытался изобразить из себя дипломата, утверждал, что он приглашен на инаугурацию Джорджа Буша-младшего. Но там самый распоследний полицейский знает, что иностранцев американские президенты на свою инаугурацию никогда не приглашают. Следовательно, никакого дипломатического статуса у хлыща из России нет. Было у него какое-то приглашение от местного бизнесмена, но оно — сугубо частное, и Бородин «свинтили».

Штатовский суд не стал тогда выпускать его под залог — не поверила американская Фемида, что Бородин, как обещает, явится добровольно в Женеву на допрос.

Наша элита (а лучше сказать, элитка), у многих из представителей которой рыло в пуху, стала опасаться, что информированный Бородин, не привыкший к нарам и баланде, пойдет на сделку с тамошним следствием. И тогда раскроются такие коррупционные схемы и механизмы отмыwania грязных миллиардов российских коррупционеров, что и в Якутске-Мухосранске не спрячешься. Воровали тогда не так нагло и отчаянно, как стали воровать, когда «встали с колен» в XXI веке, но все равно масштабно.

Но — пронесло. Хотя счета Бородина в Швейцарии были арестованы (если правильно помню, 27 миллионов долларов на них было) и ему пришлось провести два месяца в американской и швейцарской тюрьмах, потом его все же выпустили под залог в 3 с лишним миллиона долларов. Подумаешь, цена нескольких

«брюликов»... А в 2002 году швейцарская прокуратура вообще закрыла дело, и Бородин отделался «мелким» штрафом в размере 175 тысяч долларов. Правда, ему для этого пришлось отказаться от тех 27 миллионов долларов — он ничего внятного не мог сказать следствию о происхождении этих денег, и они ушли в бюджет Швейцарии. Да не страшно: у Пал Палыча эти деньги не последними были, говорят, и другие счета имеются — в банках Германии, США и прочих стран.

Потрясший Россию и высшие властные круги «кремлингейт» продемонстрировал, что наши скандалы — самые крутые в мире, куда там США с их мелочовкой. Когда Бородин «замутил» все эти схемы, было организовано некое АО «МЭС» («Международное экономическое сотрудничество»). Затрудняюсь сказать, что там было от экономики, но деньги крутились вокруг этой конторы гигантские, даже по меркам хамоватой российской коррупции.

Между «МЭС» и Павлом Бородиным были особые отношения (на ресурсе compromat.ru об этом подробно писали). Швейцарская компания «Мабетекс» в конце 90-х была лишь денежным каналом. А откуда взялись все те сотни миллионов долларов? «МЭС» являлась спецэкспортером и партнером Управления делами президента, которое возглавлял Бородин. Ему следователи грозили задать главный вопрос: куда делись деньги от экспорта нефти, предназначенные для реконструкции Кремля и других федеральных программ? По мнению швейцарского следователя Дево, расследовавшего дело, цена вопроса была увесистой — около 1,5 миллиарда долларов США. Следователь хотел, чтобы Бородин объяснил, куда делись эти деньги. Ничего тот не смог объяснить.

Скорее всего, Бородин изначально знал, что деньги от продажи нефти могут и не поступить на счета Минфина, остаться за границей, никто не будет задавать вопросов, а Минфин будет молчать. Так оно и вышло. Ни в 1997-м, ни в 1999 годах Министерство финансов РФ не имело официальной информации о том, куда, кому и по какой цене экспортировалась нефть компанией «МЭС». А тем временем Бородин тряс подбородками, утверждая в бесчисленных интервью, что не потратил «ни копейки народных денег» на реконструкцию Кремля. Но именно народные деньги, из государственного бюджета, и тратились на все проекты этого человека.

То есть классическая схема «русского экспорта» в пользу небедных: труба качает нефть за кордон под предлогом дальнейшего вставания с колен Отчизны, а вырученные деньги оседают в офшорах и на личных швейцарских счетах «патриотов».

Как умеющий в нужное время в нужном месте сказать нужные

слова, прилетев после ареста из Женевы в Шереметьево и спускаясь по трапу, Бородин, всхлипывая по-бабьи, произнес на телекамеры пламенный спич: спасибо, дескать, Владимиру Владимировичу — только благодаря ему «откинулся с кичи» в загнивающей Швейцарии.

А на память о той истории самому Владимиру Владимировичу остались интерьеры Кремля, отреставрированные «титаническими усилиями» Бородина. Я в очень хороших отношениях с нашим замечательным художником Ильей Сергеевичем Глазуновым, и он мне с болью рассказывал, во что силами «реставраторов-откатчиков» превратилось внутреннее убранство Кремля. Почти всё делалось по его эскизам, и Илья Сергеевич, как добросовестный и дотошный человек, лично старался контролировать работы. Но что художник с итальянско-бородинскими строителями мог сделать...

Глазунов столкнулся с вопиющей халтурой: хоть госбюджет и потратил миллиарды, но всё исполнялось косо, криво, наспех, кое-как. Для Бородина главным критерием была скорость — чтобы продемонстрировать Ельцину, какой он хваткий и быстрый работник. Что-то потом, конечно, подмазали-подклеили, но осадок остался. И в карманах у Бородина — скорее всего, тоже.

Вот точно так же — там подмажем, там доклеим, там заплатку поставим — Бородин и «рулил» Союзным государством. Я во многих интервью белорусским СМИ на вопрос, что можно сделать для повышения эффективности Союза России и Беларуси, отвечал всегда одно: не будут развиваться ни союзная экономика, ни социальная сфера, ни финансовая, пока у руководства этим государственным образованием стоит казнокрад и жулик, которого весь мир заслуженно считает сверхкоррупцированным чиновником. Бородин нужно было лишать руководящих функций сразу после того, как он вернулся из швейцарской тюрьмы.

Впрочем, Союз едва жив не только из-за Бородина. Моя мечта: чтобы наши сырьевые гиганты-монополисты оказались под европейским эмбарго на поставки, и тогда они вынуждены будут повернуться лицом к России и Беларуси, к своим людям. «Газпром» же — национальное достояние, вот пусть прибыль от наших общих недр на нацию и тратит.

На хорошее дело денег не жалко. В свое время, занимаясь возрождением фестиваля «Славянский базар», мы с композитором Игорем Крутым подарили президенту Беларуси Александру Лукашенко баян «Мир» работы тульских мастеров — он обошелся в 10 тысяч долларов. Ну, вот захотелось нам Батьке приятное сделать — и подарили, не считаясь с ценой. А бывает так, что

люди вроде бы делают благое дело, но все равно как-то неестественно это выглядит, расчет просматривается.

Чета Бородининых слывет благотворителями. Этого у них не отнять, конечно. Они патронируют детские дома, да и сами стали активными усыновителями. Правда, по некоторым из этих фактов (чтобы не задевать интересов детей, они же не виноваты, не стану деталей и имен приводить) просматривается корыстная заинтересованность Бородининых. Ведь у нас многодетным семьям и квартиры побольше выделяют, и другие меры материальной поддержки практикуются. Вот и усыновляют некоторые своих племянников, чтобы не «двушку», а «четвертушку» законно получить от государства...

Я, будучи депутатом Госдумы, являлся попечителем Тульского дома ребенка, дружил с директором. Однажды она мне звонит:

— Александр Васильевич, к нам приезжает Валентина Александровна Бородина, везет подарки для детишек, будет банкет, много гостей приглашено — приезжайте!..

Приехал. Жена Бородина подарила детям поролоновые кубы для активных игр. Телекамер, чтобы освещать событие, пригнали много — наверное, столько же, сколько этих кубиков было. И банкет хороший состоялся в завершение. Казалось бы, доброе дело сделано Бородиными, а какое-то неприятное послевкусие у меня осталось.

Еще один человек, про которого меня часто спрашивают, интересуясь, каковы сейчас наши отношения, — это Олег Сосковец. С ним меня тесно свела судьба. И он во время нашей совместной работы был для меня авторитетом: отлично образованный, квалифицированный руководитель, самый молодой министр металлургии СССР. Затем — советник президента Казахстана, где также занимался вопросами этой отрасли. Он до сих пор, будучи председателем Союза металлургов, занимает в Москве кабинет, в котором в свое время работал Г. Орджоникидзе — председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности СССР.

Сложились у нас и хорошие личные отношения. В свое время он предложил мне быть крестным отцом его внука Димы. Отец Феофан, совершавший таинство в храме в Барвихе, спросил у деда:

— Олег Николаевич, а ты сам-то крещеный?

— Нет, батюшка.

— Надо это исправить. Александр Васильевич, согласен быть крестным отцом и Олега Николаевича тоже?

— А ничего, что я моложе крестника на полгода?

— Для Бога это значения не имеет...

Крестный отец — это не только подарки на праздники, он обязан оказывать крестнику помощь в духовной жизни, ну и поддерживать его в повседневной. Крестный несет ответственность за крестника перед Господом. И поэтому на вопрос об отношениях с Сосковцом я всегда отвечаю: он — мой крестник, поэтому пусть останется на его совести все то, что произошло после нашей отставки. В детали я вдаваться не стану.

А вот о младшем моем крестнике из мужской части семьи Сосковцов очень приятно было слышать положительные оценки от людей. Моя младшая дочь Наталья по-прежнему живет с тремя детьми в «президентском» доме на улице Осенней в Москве. Она там заместитель председателя правления ТСЖ — товарищества собственников жилья. (Председатель правления, кстати — сын Е. Гайдара.) Наталья говорит, что все жильцы хорошо отзываются о Диме Сосковце: вежлив, обходителен, внимателен к старшим, скромен в поведении. Вообще замечу, что воспитание здесь — шахтерское, отец Димы — инженер-маркшейдер. Причем настоящий горняк: если присмотреться, вокруг его глаз — характерные черные точки от въевшейся угольной пыли. У «офисных горняков» (например, у руководства «ЕР») этого нет и в помине. Вот и мой крестник был хорошо воспитан людьми, которые не чураются тяжелого труда, а значит, не имеют привычки перекладывать что-либо на чужие плечи.

Один из самых больших грехов, на мой взгляд, это лицемерие. «Чемпион» по этому виду среди особ мужского пола — несомненно, Михаил Барсуков. Это человек, с которым я в свое время тоже был очень близок в силу сложившихся служебных, да и личных обстоятельств. Приятный в общении, располагающее лицо... Не знал я тогда, что лицо-то у него не одно, а может, и не два. И он «носит» их в зависимости от того, какое ему в тот или иной момент выгодно.

Когда я работал с Ельциным, своей непосредственной службой в Службе безопасности президента мог заниматься от силы два часа в сутки. Остальные 22 часа с небольшим перерывом на сон — это сплошной Ельцин. А вся эта компания — Бородин, Барсуков, Тарпищев и иже с ними — в это время набивали свои бумажники грязными деньгами, а закрома — всем, что плохо лежало и попадало в их поле зрения. Распродавали госдачи, устраивали подряды своим людям, списывали казенное имущество, «создавали» фонды спорта и так далее, и тому подобное.

Я был поражен тем, что Барсуков взял себе в заместители по хозяйственной части бывшего майора милиции из Калмыкии

Анатолия Цыбулевского. Все его заслуги и квалификация заключались в том, что он обеспечивал для Барсукова охоту на сайгаков. Тот — страстный охотник, и майор-«правоохранитель» все так организовывал, что Барсуков регулярно привозил в Москву с калмыцкой охоты десятки туш этих несчастных сайгаков. Безусловно, успехи на ниве браконьерства — это признак высокого профессионализма майора милиции, что заслуживало доверия и назначения заместителем начальника Главного управления охраны. И офицером по личным поручениям начальника.

К примеру, одним из таких поручений была работа по «отжиму» у Администрации президента базы ЦК КПСС во Внукове. ЦК уже не было, а база со всем содержимым оставалась: дефицитные стройматериалы, импортные бытовые приборы и электроника — чего там только не было. Когда меня завели в зал электрики, в глазах зарябило от переливов хрусталя: бра, торшеры, люстры... Я с 18 лет служил в Кремле, поэтому на хрусталь смотрел как на обычные стекляшки. На что уж я всякого повидал, но одна люстра во Внукове меня все же поразила: она была из янтаря, обработанного в виде кленовых листьев разных оттенков — от медового до коричневого. Красота неопишущая, настоящее искусство.

Тот, кто нас водил по базе, рассказал: эту люстру заказала в свое время Раиса Горбачева, но по какой-то причине не подошла она ей — может, с мебелью не сочеталась, может, с обоями, или еще что-то. И она от нее отказалась, с тех пор люстра хранилась на базе.

Вот проходит какое-то время, и Барсуков меня зазывает съездить поздравить какого-то друга с новосельем. Приезжаем — ба, да это же тот самый его калмыцкий егерь — майор (тогда уже полковник) обзавелся в Москве в Крылатском прекрасной 3-комнатной квартирой. Роскошный стол с икрой красной и черной (браконьерские связи в Калмыкии остались), мясо сайгака и прочие деликатесы. Но это я увидел уже во вторую очередь. А в первую — в глаза бросилась та самая люстра, висевшая под потолком. И мне все стало предельно ясно и с Анатолием, и с его непосредственным начальником...

Еще шире Барсуков развернулся, когда стал директором ФСБ. И перетащил за собой на Лубянку своего калмыцкого протеже, в связи с чем я потом слышал от офицеров много, мягко говоря, нелестных слов. Анатолий Цыбулевский получил генерала госбезопасности и стал (а вернее, проявил свою сущность) настоящим хамом в лампасах.

Я не знаю, сколько Барсук «отжал» у государства на свои

нужды, вспоминая в этой связи постоянно только один эпизод. Однажды он меня пригласил к себе в дом в Горки (даже не помню, какие это были Горки по номеру — Барсуков на себя переписал несколько госдач, «облегчив» баланс Главного управления охраны).

Поразил имевшийся в доме буквально склад продовольственный — наверное, на случай затяжной атомной войны. Спиртное, консервы, крупы, штабеля каких-то упаковок с банками и коробок с припасами. Это бомбоубежище было оборудовано в подвале-пещере в горе метров на 10 выше уровня Москвы-реки, из-за чего жаловались соседи: опасались, что их дома провалятся в барсуковское подземелье.

Обратила на себя внимание огромная бильярдная, обильно отделанная сусальным золотом: это цыганская такая эстетика, этот народ любит, чтобы окружающее пространство и предметы по максимуму были золотыми. Сам бильярдный стол, по всему видно — старинный, основательный, монументальный, сейчас таких уже не делают. Начали играть. И я случайно рукой нащупал даже не инвентарный номер, а выгравированную еще в царские времена эмблему, обозначающую принадлежность имущества к государственной даче или особняку. То есть Михаил Иванович, в силу казнокрадских инстинктов уже не разбирая, что тащит, обворовал, получается, Его Императорское Величество.

Это, кстати, и Ельцин заметил. Как-то в застольном разговоре, когда возникла тема обстановки в жилищах подчиненных, президент сказал:

— Больше всего вкуса в интерьере Александра Васильевича, молодцы его женщины, приятно в квартире находиться. А самая пошлая обстановка — в доме у Барсукова. Понатаскал списанного барахла со всего Кремля — не разберешь, то ли жилье, то ли комиссионный мебельный магазин. Хоть бы бирки инвентарные снял...

Куда там — Барсуков, когда в раж вошел, то руки растопырил, и ему уже ни до чего, не до приличий — всё вокруг народное, всё вокруг его. «Чекист», прости господи...

Будучи уже главой ФСБ, он окончательно уверовал в свою безнаказанность. Кто ж его посадит, он же памятник у нас. Был такой нефтяник, Иван Коптенко — когда-то обычный буровой мастер, при Ельцине (не без моего участия) выбившийся сначала в депутаты Верховного Совета и изображавший там трудовую кость, а затем превратившийся в крупного бизнесмена.

Барсуков стал этого бурильщика неофициально опекать. Создали компанию «Ивакон». Под месторождения брали огромные кредиты, которые не в производство и добычу пускали,

а прокручивали в банках. Ну и не гнушались обычной фарцовкой в особо крупных размерах: импортом сигарет, операциями с антиквариатом и т. д. Михал Иванычу запас карман не тянет.

Подшефного он тоже не обижал: Коптенко с подачи Барсукова за копейки купил, потом арендовал госдачу Горки-10-10 и огородил ее высоченным забором. Правда, в настоящее время «главный» вернул госдачу в ФСО, объединил ее с бывшей дачей Е. Примакова Горки 10–12, и небезызвестный АТЭС освоил там очередной «транш», построив хоккейный комплекс для занятий Ночной Хоккейной Лиги.

Наверное, «сотрудничество» Барсукова и фирмы «Ивакон» с Коптенко во главе можно назвать первым в новой России примером того, что нынче называют «эфэсбэшной крышей». Если Рушайло с РУБОПами открыл эру «крыш ментовских», то Барсуков — первооткрыватель этой функции органов госбезопасности.

А однажды мне показали статью в липецкой газете, где утверждалось: Коржаков и его Служба безопасности президента захватили в областном центре Зеленый остров в устье реки Воронеж. В Липецке с экологией неважно обстоят дела, много промышленности, металлургия, и остров использовался исключительно для отдыха горожан, это их любимая зеленая зона. И вот газета опубликовала информацию о том, что злой и алчный Коржаков отнимает у липчан остров для каких-то своих утех, огородил его 7-метровым забором, понаставил шлагбаумов и понастроил замков.

У меня глаза на лоб полезли: что за бред?! Начал разбираться и выяснил: тот самый бурильщик-бизнесмен Коптенко начал там стройку по инициативе Барсукова — уроженца Липецкой области. Захотелось еще и на малой родине недвижимости напихать. И воспользовался тем, что Ельцину как раз тогда врачи запретили жаркий климат и рекомендовали отдых в средней полосе. И под этим соусом он протолкнул проект базы отдыха на Зеленом острове в своем Липецке: дескать, Борису Николаевичу предписано исключительно в Липецке поправлять здоровье. Хотя президенту легче и лучше было бы на Урале себе что-нибудь организовать, чем переться куда-то в Липецк, где он был всего раз в жизни. (Правда, на Урале Ельцину все-таки кое-что организовали — и памятник, и Центр, и даже бар его имени, но только после смерти.)

Но это я знаю. А липецкое начальство «под Бориса Николаевича» подмахнуло все бумаги об отводе земли. И точно так же, как в Сочи (об этом — чуть ниже): большой коттедж — для Ельцина, поменьше рядом — для всяких достойных

товарищей, в том числе и Барсукова, конечно. И начали обживать участок. Всем рулил Коптенко — тот еще строитель. Металлический профиль при сооружении забора они смонтировали «богато» — поставили листы на попа, благодаря чему вышло 7-метровой высоты ограждение. Местные мужики приходили сюда, как на экскурсию, — поглядеть на «стройку московских дураков».

Когда нас отправили в отставку, я думал: ну как же Миша Барсуков будет обходиться без всего того, к чему привык на посту директора ФСБ. Его опустили на землю, отлучили от невиданной халавы, и по самолюбию посыпались удар за ударом, а такие люди это очень плохо переносят.

Так получилось, что моя младшая дочь Наташа, уже выйдя замуж, ездила со старым водительским удостоверением на фамилию Коржакова. Никак не удосуживалась поменять. Рассказывала: каждый раз, когда ее останавливали автоинспекторы, задавали один и тот же вопрос:

— А вы что — имеете какое-то отношение к генералу?..

Услышав, что водитель — дочь «того самого Коржакова», сразу желали счастливого пути. А однажды она ехала в машине с Барсуковым, он был за рулем.

Останавливает их инспектор ДПС:

— Ваши документы...

Мельком глянул на удостоверение водителя и ходит вокруг машины, по традиции ищет, к чему бы придраться. Барсуков изменился в лице:

— Вы что, меня не узнаете?

Инспектор пожал плечами.

— Я — генерал армии Барсуков!..

— Ну и что? А я — капитан ГАИ. Ну, ладно, поезжайте...

Для «Михуила» это был плевок в лицо. Из князи в грязи — это не каждый достойно может перенести.

Конечно, с такими талантами прибарахлился Барсуков за годы службы знатно и многое с собой в отставку утащил. В доме Совета министров на Удальцова великолепную покойных тещи с тестем квартиру себе в пользование оставил, и в президентском доме — тоже. Дач у него несколько было.

Однажды (еще до отставки) захотелось ему в Сочи райский уголок себе организовать. Состряпали проект. За санаторием «Беларусь» — помпезный коттедж с видом на море для Ельцина, со шпильями и огромными окнами, а рядом — 2-этажный кондоминиум на 8 небольших квартир (таунхаус, если в сегодняшних терминах). Кроме себя, он меня туда записал, Крапивина, Грачева, Тарпищева и так далее. Карпов, мэр Сочи,

проект поддержал.

Нарисовали эскиз, Барсуков с ним носился как с писаной торбой. Когда собрался с этим вопросом к президенту, я сказал: «Сегодня сам не в духе, не ходи к нему». Не послушал — мол, как же так, зря, что ли, кольца и браслеты, шляпки и жакеты носит в таких количествах в «семью» (об этом — в следующих главах).

Слышу, как в кабинете раскладывает свои чертежи, шуршит листами:

— Вот тут у вас беседочка будет, вот тут корт, вот тут бассейн...

— Михал Иванович, мне некогда сейчас...

— Борис Николаевич, да вы гляньте, как все будет замечательно у нас!..

И тут грянул гром...

— У кого «у нас»? Это вы хотите, чтобы у вас было замечательно! Когда вы только настроите-нахапаете досыта!..

Донесся шум — Ельцин скомкал листы ватмана и швырнул их на пол. Барсуков не ожидал — когда вышел из кабинета, на него было страшно смотреть.

Добром на добро Барсуков не умел отвечать. Утверждаю это хотя бы на своем примере. Ведь генералом армии его сделал я (хотя приказ, конечно, Верховный подписывал). Миша со мной состязался постоянно за близость к президенту, но он мне не соперник был. Во-первых, потому, что я в этом соревновании участвовать не собирался, а во-вторых, весовые категории разные: я с Ельциным огонь и воду прошел, а он — только медные трубы. До этого была война, где Коржаков с Ельциным, друзья-однополчане, сидели в одном окопе. А Барсуков появился уже после боя в штаб, когда канонада отгремела и победные салюты начались. Ельцин хорошо понимал, кто хапуга, а кто — офицер. Соответственно, и отношение ко мне было одно, а к нему — другое. Только Барсуков в это врубиться никак не мог и самонадеянно полагал, что он — офицер при короле, а остальные — пешки.

Но жизнь — она сложнее, чем бородиным и барсуковым представляется. Есть в ней и еще что-то, кроме люстр, сайгаков и банковских счетов.

Наши жены деньгами заряжены

Русские люди для описания отношений мужа и жены придумали множество точных и остроумных определений. Эта тема в фольклоре, наверное, самая обширная. Муж и жена — одна сатана, уверен народ. Хотя современные нравы доказывают: жена вполне может быть «сатанее». Отсюда и новые поговорки, например, «жена — это автоинспектор: гадостей наговорит, деньги отберет, настроение испортит, и ты же будешь виноват».

Мужики из руководящего российского бомонда с этим в душе всегда соглашались. Потому что не счесть примеров, когда дражайшая половина какого-нибудь большого начальника таких дров наломает, что ему потом приходится долго репутацию восстанавливать — если это возможно, конечно. А еще есть такие женщины в номенклатурных селеньях, которые мужем, какой бы ни был он руководитель, командуют так, что тот становится чуть ли не придатком к ней.

Высокое положение, привилегии, большой достаток на вздорных дам действуют в большинстве случаев очень плохо. И вот уже им корыта нового мало, надо быть владычицей, чтобы изо дня в день утверждаться в своей «элитарности». Хотя на самом деле ничего элитного, как правило, там нет: пустышки в обрамлении дорогих интерьеров и в брендовых тряпках.

Некоторые из них довольствуются домом и булавами, а иным этого мало, и они супругом «рулят». Вмешиваются в его важнейшие дела, в том числе и государственные, или сами лезут карьеру делать (и хорошо, если муженьку карьеру при этом не сломают). А он чаще всего не понимает, как это выглядит со стороны, думая: «Ну и что, она ж у меня талантливая. Денег больше меня зарабатывает своей энергией и предприимчивостью. За то и люблю. Да и ко мне меньше вопросов, я — простой слуга Отечества, а все семейные бабки — её заработки».

Хотя всем понятно, что таланты жены Цезаря — чистая смехопанорама, а ноги бизнеса растут из лоббистских возможностей высокопоставленного супруга. Вот и возникают в Кремле, Федеральном Собрании и правительстве главы семей, в которых, случись что, муж останется без порток, потому что счета, юрлица в офшорах и прочие активы висят на прекрасной половине.

Жители столицы — а я коренной москвич, — в общем и целом неплохо относившиеся к Лужкову, кроме прописки в столице полутора миллионов азербайджанцев и точечной застройки, ставили в вину бывшему мэру еще и жену-

миллиардершу. Она при муже-градоначальнике выбилась в ряд самых богатых женщин мира. И та же самая песня про предпринимательские таланты Батуриной: никто, мол, ей крупнейшие подряды и контракты не обеспечивал, возможности и связи мужа — ни при чем, всё сама. Не было такого, что футбольным фанатам специально приплачивали, чтобы те активнее громили стадионы и был сбыт у предприятия Батуриной, где выпускают пластиковые сиденья. Не было скупок фирмой «Интеко» самых «вкусных» площадок для застройки в городе. Не было незаконной схемы по планам освоения «Интеко» земли на берегу реки Сетунь, где должны быть не батуринские объекты, а, на минуточку, диппредставительства Китая, Кубы и Индии. Ничего этого не было, завистники чушь мелют...

Что типично для таких историй — отсутствие чувства меры у людей. Ну, десять миллионов твоя жена «срубила» на муниципальных заказах, ну сто миллионов, в конце концов. На кепку из крокодиловой кожи, расшитую бриллиантами, тебе хватит — круче шапки Мономаха получится. Зачем отнюдь не богато живущий народ раздражать сверхдоходами и миллиардами? Нет ответа на этот вопрос, кроме личных качеств супруги мэра, да и его самого, увы, тоже. Мог бы и окоротить аппетиты своей половины, если б был немного благоразумнее и дальновиднее.

Батурина на три десятка лет моложе Лужкова, она — наследство его прежней должности «Глав-арбуза» (снабжение Москвы овощами и фруктами). Была обычной секретаршей в управлении. Когда супруга Юрия Михайловича умерла, он стал попивать, а она его морально поддержала в трудную минуту. Помните, как в фильме «Большая перемена» одна из учениц-поклонниц педагогу ватрушки домашние таскала? Он очумелыми глазами на это смотрел, а та оправдывалась: запущенный совсем, неужоженный без женского присмотра. Так и тут было.

Воспитав Юрия Михайловича сообразно своим представлениям, Елена Николаевна затеяла строительный бизнес. Ну, куда же еще податься, если новый муж большую карьеру в муниципалитете делает, не в науку же. И началась скупка земель, предприятий... ЗАО «Интеко», было дело, пыталось возвести цементный завод в чудесных заповедных местах на реке Осетр в Тульской области. Решение Батурина продавала через посаженного потом за взятку тульского губернатора Вячеслава Дудку. Инвестиции сулила и всеобщее благо. Только вот местный народ иначе думал и вышел на улицу, протестуя против попыток загадить цементом уникальный уголок природы рядом с их домом.

Сын Лужкова от первого брака контролировал московские бензоколонки, вот мачеха, видимо, и подумала: а она чем хуже? И подтянулась поближе к мужниной зоне ответственности, за миллиардами. И зачем-то их афишировала, никого не стеснясь. Не знаем же мы, сколько у Людмилы Путиной на черный день было припасено. Не знаем — ну и не знаем. А Батурина выставляла всё напоказ: поместья в России, заводы, отель в Австрии... Хотя, кажется, Юрий Михайлович немного тяготился этим приобретением в Европе. Все же он работающий мужик — зачах бы от безделья в альпийских лугах. Батуриной надо на людей поглядеть и себя показать верхом на лошади, а муж не у дел: в Австрии все налажено и обустроено до такой степени, что рукастая энергетика Лужкова осталась бы невостребованной. Ну, пасеку бы поставил, а дальше что?

Парефразируя классика, каждая семья в большом бизнесе несчастлива по-своему. Типичное явление — бытовые разборки и судебные тяжбы между родней из-за денег. В 2013 году Гагаринский суд Москвы признал старшего брата Елены Батуриной — Виктора Батурина виновным в мошенничестве с векселями компании «Интеко» и приговорил к семи годам колонии общего режима со штрафом в 700 тысяч рублей. Он был пойман на попытке обналичить поддельный, по мнению следствия, вексель «Интеко» на 10 с лишним миллионов рублей. Позднее в деле появился и другой эпизод на сумму более 5,6 миллиарда рублей.

Возжелал человек поиметь от сестры денег — чего тут такого. Понятие «стыд» в этих ячейках высшего общества мало кому знакомо. Да и вокруг них тоже. Вот, к примеру, друг семьи Лужкова-Батуриной — «народный» «артист» Кобзон. Будучи депутатом Госдумы, вместе с «Единой Россией» горячо поддерживал выделение денег на что угодно, кроме отечественного здравоохранения. Но как только обострялось его заболевание, писал прошения в «Гейропу», чтобы та приняла его на лечение, ибо он под санкциями. А лечиться у себя дома кобзонам в голову никогда не придет — в их понимании это сродни самоубийству.

Я не о национальности, избави бог. «Кобзонизм» — это такой лицемерный стиль жизни, когда тебе всё можно и ни за что не стыдно под аккомпанемент речей про патриотизм, ум, честь и совесть. Один только штрих: те, кто был связан с советской эстрадой, подтвердят: через постель с Кобзоном прошли многие «звезды». За это им было покровительство, карьерный рост и добрые напутственные слова от «папы». Вот что он про одну из своих опекаемых, Валентину Толкунову, как-то сказал: «Она

только с виду девушка-простушка с голубыми глазами — внутри у нее на самом деле стальной каркас».

Хотя, конечно, это их личные дела — богема же, не к ночи будь помянута...

Жизнь семей больших руководителей — это тоже их территория. Кто-то удовлетворяет любопытство общества и пускает хотя бы немного в свою жизнь прессу, кто-то совсем закрыт, как Путин. СМИ просто боятся трогать эту тему — себе дороже выйдет. Хотя в странах по-настоящему демократических тема личной жизни главы государства не может быть закрыта: он избирался, значит, избиратель имеет право на информацию и о его жене, и о детях.

Дочерей Путина забрали из школы, когда он стал преемником Ельцина. Тогда это было объяснимо: началась вторая чеченская война.

Людмила Путина рассказывала, что педагоги и друзья приезжали к ним домой. Иногда девочки посещали кино в сопровождении сотрудников ФСО. В прессе был приведен рассказ одной из дочерей Путина: «Нас в кино охраняют. Человек сидит, кино смотрит, я думаю, заодно нас охраняет. А вообще охрану мы почти не замечаем. Даже когда с друзьями куда-то ходим, они так, рядышком, стараются не мешать. Мы их тысячу раз звали с нами кофе попить, но они не соглашались».

Ну, вообще-то совершенно правильно бодигарды поступают, так по всем законам службы положено. И вряд ли они в кинозале фильм смотрят: зрителями вокруг интересоваться должны, входными дверьми, наличием людей в проходах и многими другими деталями, а не глазеть на экран — оттуда опасность для охраняемых лиц вряд ли будет исходить (хотя теоретически и такое возможно). Ну а кафе — это вообще зона максимальной готовности.

В отличие от Кобзона с Толкуновой, высокопоставленные чиновники содержатся за наш счет, на деньги налогоплательщиков. Но со временем они об этом забывают, особенно жены, которым начинает казаться, что страна их обязана содержать, давать госдачи и машины с мигалками только потому, что у них есть соответствующий штамп загса в паспорте. Как в анекдоте про Горбачевых: «Никогда не думал, что буду спать с женой генерального секретаря», — сказал Михаил Сергеевич Раисе Максимовне.

Поскольку мало кто из руководителей пытается жену окоротить (в своем круге не поймут), она часто норовит во всё влезать, решая какие-то свои никчемные вопросы или просто теша самолюбие.

Когда мы были в США с ответным визитом в секретной службе, охранявшей американского президента Клинтона, коллеги нам рассказали о Хиллари. Это в 2016 году она едва не стала президентом США, а тогда была женой Билла. И американцы сказали, что любила покомандовать, в том числе и охраной.

Например, первым делом заменила адъютантов, работавших при Буше. Но при этом Хиллари упустила важный момент. Джордж Буш — высокого роста. К нему подбирали таких же рослых сотрудников. Традиция сложилась еще во времена генерала де Голля и вполне объяснима с практической точки зрения: если охранники одинакового роста с охраняемым лицом, то снайперу при покушении приходится труднее — уходят очень важные секунды на распознавание цели. А Хиллари, разогнав высоченных адъютантов Буша, не смогла столь же быстро набрать новую команду «баскетболистов». И ее Билл смотрелся каланчой на фоне своих низкорослых телохранителей.

Мы американцам в ответ рассказали про Раису Максимовну, которая изводила начальника 9-го Управления КГБ СССР, целого генерала Плеханова. Заставляя того двигать туда-сюда по кремлевскому кабинету мужа неподъемные бронзовые торшеры. Вот, спрашивается, ей-то это зачем — в мужнином кабинете порядки свои устанавливать? А еще Горбачева требовала предоставить фотографии претендентов в офицеры личной охраны Генерального секретаря ЦК КПСС — чтобы определить, годится сотрудник или надо подыскать кого-то приятнее лицом. Профессиональные навыки, значит, дело десятое. За ней адъютант носил дамскую сумочку, и Наина Ельцина эту же манеру взяла. Но про нее мы тогда промолчали, не стали американцам рассказывать, хотя жена Ельцина тоже постоянно назойливо лезла в вопросы охраны: кого убрать из охраны, кого назначить, кого куда перевести.

Семье Ельциных по приезде в Москву из Свердловска был назначен комендант — майор Кожухов Юрий Федорович, главная задача которого — наладить контакт с супругой охраняемого лица, именно она была для коменданта шефом. Пока лицо в ЦК или Кремле заседало, комендант должен был удовлетворять его жену. Конечно же, в бытовом смысле: организовать доставку продуктов, уборку, передвижение членов семьи и так далее. Личной охраны секретарю ЦК КПСС еще не полагалось, но три водителя из ГОНА (гараж особого назначения) с пистолетами находились при семье, дежуря по суткам. Еще полагалась семейная машина с двумя водителями.

Хозяйке такой семьи в первую голову нужно было придумать,

куда девать несколько сотен рублей партийных (или государственных) денег, выдаваемых на приобретение продуктов питания. Все «небожителю» ежемесячно получали в конверте «кормовые» деньги, не облагаемые налогами. По ранжиру. Инженер получал около 120 рублей в то время. Я, когда в органы КГБ пришел младшим лейтенантом, получал 110 рублей и за звездочки 40. А теперь сравним с одними только «кормовыми» для партийной верхушки: генеральному секретарю полагалось 1500 рублей доплаты «на осетрину», члену Политбюро ЦК КПСС — 1200, кандидату в члены Политбюро — 900 и секретарю ЦК КПСС — 800 рублей.

Чтобы проесть эти деньги, фантазия требовалась богатая. Горничные, повара могли предложить хозяйке, что можно взять, а ее дело — одобрить или нет. Тут уж все зависело от степени стервозности избалованных жен номенклатурных работников. Скажет такая: «Что вы мне свой сервелат пихаете, стерлядь хочу». И поедут искать, никуда не денутся.

Но как ни старались жены, в конце месяца все равно оставались какие-то деньги от этого лимита. Физически семье невозможно съесть такую кучу еды, к тому же небожителям пищевой эксклюзив отпускался по расценкам распределителя на улице Грановского, то есть по смешным ценам, которые сохранились с 20-х (!) годов. И в конце месяца собиралась очередь из жен — добывать остатки «кормовых». На них набирали коньяки, шоколад, деликатесы подороже, чтобы хоть как-то освоить сумму. Еще сложнее приходилось, когда наступало время отпуска: к нему еще полагались лечебные и прочие выплаты. Набегало столько денег, что на одну еду уже не потратить, если даже одной черной икрой питаться.

У номенклатуры Совета министров СССР, а также в аппаратах ЦК КПСС и Совмина тоже имелись горничные, буфетчицы, повара проверенные и продукты свои — не со спецбазы на Мосфильмовской, правда, а из собственных хозяйств. Такое было, например, в Непецино Коломенского района. Там тянулись до горизонта километры теплиц, паслись стада КРС, имелись свиноводческие комплексы. Продукты все проверялись в лабораториях. Не так тщательно, как питание для партийной верхушки, но ничего вредного на стол к «ферзю» попасть не могло.

Ельцин, став кандидатом в члены Политбюро, отоваривался на спецбазах любыми импортными и лучшими отечественными продуктами на 900 рублей, которые получал в конверте. А зарплата рублей в 600 шла на булавки жене Наине. Она десять лет была женой первого секретаря Свердловского обкома, о

столичных привилегиях знала и в мечтах наверняка распределяла эти деньги. Уж на что потратить — это не вопрос, она не растеряется, несмотря на свое водопроводно-канализационное образование. Это, к слову, было всегдашней темой для пикировки ЕБН и супруги в застольях, когда речь заходила о дипломе. Они оба окончили один университет, но учились на разных специальностях. Ельцин гордился: «Я — архитектор, зодчий, строитель, а ты молчи, женщина, у тебя специальность — водоснабжение и канализация». На что она отвечала: «Да куда ты без унитаза». Это уж точно!

Во времена Ельцина все системные коммунистические привилегии никуда не делись, но только добавились персональные — лично для ЕБН. Спецбазы, спецдачи, спецпайки оказались неубиваемыми. Пышные приемы в Кремле, профильные «обслуживающие» отделы, только уже не в КГБ, а в ФСО, любые деликатесы по телефонному звонку — всё, как и в прежние времена. Когда Брежнев дымил «Новостью», люди, ставшие при Ельцине той самой элитой, уже курили привезенные из-за границы «Мальборо» и «Кэмел». И отказываться от своих привычек, конечно, не собирались. Не для того, мол, с коммунистическим режимом боролись, чтобы дрянь курить и питаться из магазина.

И даже выйдя на пенсию, номенклатура ощущала себя хозяйкой жизни, которой все позволено. К окружающим многие из них по инерции относились как к обслуге. Моя дочь, работавшая в Центральной клинической больнице, вынуждена была уволиться: не смогла терпеть хамство пенсионеров союзного и республиканского значения, которые, придя на процедуры, через одного распускали свои дряблые руки или вызываяще демонстрировали морщинистые чресла, словно персонал рядом — это мебель.

Для улицы продекларировали демократию, а в Кремле и на дачах по-прежнему было самое натуральное самодержавие. Само его величество, как и всякий руководитель нашей страны в период после «средневековья», не знал, что такое деньги, зачем они нужны и что сколько стоит. Был у него дежурный червонец в кармане — Наина, провожая мужа на работу, совала ему утром в грудной карман на всякий пожарный случай. Хотя трудно представить, что должно было случиться, чтобы Ельцин раскошелился. Во-первых, не любил тратить свое, а во-вторых, на то он и император, чтобы за него платили.

Иногда в приступе щедрости на каком-нибудь приватном обеде Ельцин мог достать десятку и широким жестом сунуть официантке в ресторане: дескать, плачу за всех! А то, что этот

обед стоил рублей двести-триста, ему невдомек было, а говорить ему об этом — дураков нет. Пусть думает, что кормилец.

Наина представляла, что почем в магазине и что можно оплатить десяткой. Она только производила впечатление такой местечковой простушки, то ли ключницы, то ли товарки. На самом деле, что называется, себе на уме. Не зря же ее глаз мало кто видел: она их прячет и прямо ни на кого не смотрит. Как коварные кулаки в советских кинофильмах: вроде бы добрый дедушка в косоворотке, а как глянет «буравчиками» — мурашки по спине. Недаром охрана дала первой мадам прозвище «Тортилла» за ее вечно сонные, полузакрытые «наинины глазки».

Во всем остальном Наина мало чем отличалась от всех прочих «первых леди», ну, может, разве что за исключением Крупской — у той, наверное, все-таки поменьше в голове было мыслей о том, как бы еще воспользоваться своим положением.

В полночь с 1 на 2 февраля 2016 года по Первому каналу показали фильм о Ельцине в связи с его 85-летием. А в час ночи по «России 1» прошел фильм про Наину Ельцину. Ноги у меня болят (последствия травм и спорта) чаще по ночам, поэтому вынужден смотреть ночные передачи, чтобы отвлечься от хвори. Посмотрел я эту сказку про белого бычка и подумал: лучше бы переключил на какую-нибудь «мыльную оперу» — Наина была показана чуть ли не как мать Тереза, бескорыстная, честная и справедливая.

По линии отца в ее жилах течет еврейская кровь. Как-то я задал Ельцину вопрос: что за имя у вашей жены, откуда такое? В Википедии читаем: «Наина (Анастасия) Иосифовна Ельцина (до замужества Гирина), род. 14 марта 1932 в деревне Титовка, Средневолжский край (сегодня — Оренбургская область)».

Оказалось, что Наина была когда-то Настей. Теплое, доброе имя. Прекрасную песню «Анастасия» написал мой друг Юра Антонов, и, когда мы встречаемся, я обязательно прошу исполнить ее. Зачем было перекраивать в Наину? В фольклоре «Ная» попадаетея, и, как говорят филологи, там это имя — нехорошее, колдунью так звали. На одном из сайтов, посвященных магии, говорится, что имя Наина — древнееврейского происхождения, означает «невинная», но пусть это не вводит в заблуждение: даже помогая кому-то, женщина по имени Наина постарается получить из этого выгоду, например, подчинить этого человека своей воле и затем использовать его в корыстных целях. Вот это — прямо в яблочко, это как раз о жене Ельцина...

Деньгами в их семье распоряжалась только она. Зарплату партийного руководителя помощники приносили Наине. Нельзя

не отметить, конечно, и ее положительные черты: она всегда заботилась о своих дочерях, о муже, они были ухожены. Но забота о своих родных не распространялась на родню мужа.

Мать Ельцина, очень хорошая, скромная женщина Клавдия Васильевна, всегда жила с младшим братом Бориса Николаевича. Но когда ее начала мучить сердечная недостаточность, старший сын принял решение поселить ее у себя в Барвихе под наблюдение врачей. Но поскольку бытовыми вопросами там ведала Наина, в огромной даче площадью 2500 квадратных метров для пожилой больной женщины не нашлось места возле сына и его жены. Мать поселили на отшибе, в комнатке рядом с помещениями для парикмахерши, напротив дежурки — а это значит постоянный шум, звонки, сигнализация, доклады, курилка...

Два раза в жизни я видел последствия гнева ЕБН на жену. Дважды он со всей дури ей вмазал так, что она ходила в темных очках, стараясь не попадаться на глаза охране и горничным. Сестра-хозяйка мне говорила: «Опять Борис Николаич ей глаз подбил». Думаю, левой рукой с тремя пальцами бил. Если бы правой — у нее голова бы отлетела, все же разные весовые категории. К тому же это ударная рука волейболиста: женской голове хватило бы...

И, думаю, он ее убил бы, если бы узнал, что это она, по сути дела, довела его престарелую мать до могилы.

Ельцину сообщили: Клавдия Васильевна умерла. Он приехал в Барвиху совершенно подавленный, горе испытывал неподдельное и большое, это было видно.

Я шел по коридору, в доме началась суэта, скорбные хлопоты. Навстречу — сестра-хозяйка, попросила меня отойти в сторону, долго мялась и сказала шепотом:

— Александр Васильевич, я не смогу промолчать — меня потом совесть замучит. Это из-за Наины у старушки приступ случился такой, что сердце не выдержало. Она устроила ей скандал. Орала на весь дом, выговаривала за какие-то свердловские истории. Вот бабушка и отдала богу душу...

Похоронили мать Ельцина на Кунцевском кладбище. После похорон Наина стала ездить туда каждый день. Наверное, замаливала грех, прощения просила. Стала ближе к церкви, наш батюшка отец Георгий с ней долго общался. О чем — тайна исповеди, он не рассказывал, естественно. Ельцин мне с гордостью за жену говорил: «Вот Наина молодец, мне все некогда, а она каждый день мотается на кладбище». Я знал истинную причину, но промолчал.

Комнату, в которой президент обедал, мы называли задней.

На стене там висели старинная икона и портрет матери Ельцина. Его написал Илья Глазунов. Он рассказывал мне, как трудно было ему работать. Илья Сергеевич располагал только одной фотографией Клавдии Васильевны, не знал характера этой женщины, никогда не слышал ее голоса, не видел улыбки. Но желание и мастерство сделали свое дело — портрет получился превосходный. Глаза, волосы, мелкие морщинки были прорисованы с присущей Илье Сергеевичу тщательностью.

Когда мы с Борисом Николаевичем вместе обедали в задней комнате, на меня всегда со спокойным достоинством смотрела его мать. Портрет был сделан настолько искусно, что в любом конце комнаты Клавдия Васильевна встречалась с посетителем взглядом. И со своим сыном тоже. Потом мы переехали из четырнадцатого корпуса Кремля в первый. Портрет не вписался в новый богатый интерьер. Картину отвезли на дачу...

Думаю, был и еще один раз, когда Наина ощутила тяжесть мужниной руки. Началось с того, что мне позвонила заведующая интернатом для детей-инвалидов и поделилась наболевшим: внук Бориса Николаевича, Глеб (сын Тани Дьяченко и мой крестник), совсем от рук отбилась...

— Мальчик в который раз уже убегает, ловили его то на остановке, то в лесу, — чуть не плакала в трубку женщина. — Мама с бабушкой бывают, но редко, я им говорила уже о проблеме, а они не реагируют никак. И, наверное, от деда скрывают. Что мне делать?..

Я удивился: в семью Ельциных давно не вхож, почему мне звонок? Интересуюсь: чем могу помочь?

— А может быть, вы мне номер телефона Бориса Николаевича дадите? Ему скажу. Потому что мне страшно: ведь однажды можем мальчишку и не найти после побега. Не кандалы же на него надевать...

Я дал, конечно, номер телефона деда Глеба. Парнишка — больной, своим действиям отчет дает не в полной мере, не дай бог, и впрямь убежит так, что не найдут.

Его дед в это время жил на госдаче в Горках-9, где участок размером в 77 гектаров, дом в три тысячи «квадратов», конюшни, бассейны и прочие прелести дачной жизни. Уж, наверное, найдется, где побегать внуку. Думаю, после того, как директор интерната позвонила деду, у бабушки мог еще один синяк появиться. Уж я-то могу представить его реакцию... А директор, судя по всему, дозвонилась: Глеба забрали домой, и рядом с ним появилась целая бригада медиков, гувернеров — «французов», тренеров, преподавателей. Плавание, акробатика, шахматы, рисование, языки — у мальчишки был очень насыщенный график,

не забалуешь. И он ожил: стал демонстрировать успехи в учебе и спорте, участвовать в международных соревнованиях инвалидов.

У нас, увы, десятки и сотни тысяч больных детей. И далеко не все (а вернее, меньшинство) родителей могут позволить себе нанять для чада гувернеров и тренеров. Семья № 1 — могла. Потом мать Глеба в Интернете в «Живом журнале» пыталась мне что-то рассказывать о том, как я был не прав. Но звучало это все несерьезно. Заведующая интернатом, когда мне позвонила, была гораздо убедительнее.

Наина старалась влезть повсюду, такой у нее стиль общения с домочадцами и персоналом. Мало кто знает, что на закате жизни ЕБН лечился сразу у трех врачей. Тамара Курушина в Свердловске прописывала ему одно лекарство, а московские специалисты, Владлен Вторушин и Анатолий Григорьев, — другое. И весь, как говорит молодежь, приколом заключался в том, что это Наина «анализировала», как препараты друг с другом соотносятся. Когда муж уходил на работу, супруга совала ему горсть таблеток, рекомендованных по телефону Курушиной. А другой пакетик лекарств ему выдавали столичные врачи.

ЕБН все эти пилюли пил не столько ради здоровья, сколько для того, чтобы отвязались. Поэтому на работе мог, обнаружив таблетки от Курушиной в кармане, выпить их, запив коньяком (после 1993 года — водкой), а потом и препараты от других медиков проглотить. Казалось, он думает о своем организме как о вечном двигателе.

Ну а жена спокойна: как же, мужа завтраком накормила и таблетками. Можно и по дому «пошуршать». Вот только выходило это у нее, как у старшины роты, для которого всё всегда в подразделении из рук вон плохо. Просто мозги так у прапорщика устроены.

Как-то очень уважаемая мною Галина Волчек рассказала, что она приехала в гости к Наине, и та ей пожаловалась: впроголодь, мол, живем, в холодильнике шаром покати. Поэтому Галина в фильме про Наину очень возмущалась «условиями жизни» семьи президента.

Однажды меня вызывает раздраженный ЕБН:

— Александр Васильевич, Наина говорит, что у нас в доме есть нечего. Это почему еще?

— Да вы что, Борис Николаевич! Два повара, горничные, целая группа снабженцев, полные закрома, включая черную икру.

— Не знаю. Разберитесь. Она придумывать, что ли, станет?..

Выяснилось, что именно это его предположение и оказалось верным.

Приезжаю с инспекцией. Шеф-повар Дима Самарин меня

выслушал, и у него глаза на лоб:

— Пойдемте, Александр Васильевич, я покажу «пустой холодильник»...

Холодильник там — это не «Стинол» двухкамерный, холодильник в Барвихе — это полуподвал площадью метров в 80, где я до того момента, кстати, ни разу не был. Минус 20 градусов, всё в инее, и съестные запасы в таком количестве, что можно глобальную войну сидеть пережидать. На крюках висят три десятка туш — свиных, коровьих и телячьих, оленьих, кабаньих. А еще рыба, зайцы, утки, тетерева — какой освежеванной твари там только не было.

Самарин докладывает: помимо вот этого всего еще каждый день (!) от Фертикова, директора охотхозяйства в Завидово, приходит «Волга» с полным багажником свежайшего молока, творога, кефира, сметаны, масла. Потому что Завидово — это не только лоси с кабанами, но и элитное молочное стадо. В свое время Брежневу кто лимузины дарил, кто — оружие, а финский президент Урхо Калево Кекконен презентовал 25 голов отличного крупного рогатого скота. Ну что еще может подарить руководитель аграрной страны с развитым животноводством и очень качественными молочными продуктами... Стадо разрослось, и Фертиков, даже без напоминания, исправно снабжал резиденцию в Барвихе «молочкой».

Да и московские и подмосковные мясокомбинаты не простаивали. На каждом еще со времен Сталина имелся правительственный спеццех со спецлабораторией (начальству — только «спец»). А на дачу в Барвихе после строгой проверки отгружались абсолютно все продукты, какие только Наине могли прийти в голову: нужно десяток батонов «Докторской» или «Кремлевского» сервелата — без проблем, моментальная доставка на дачу.

Наина, конечно, все это не в одиночку поедала. То одной дочке пошлет машину продуктов, то другой. Думаю, и артистов пожилых тоже подкармливала — была у нее такая «фишка» тогда. Да ради бога, корми ты, кого хочешь, тут еды — на батальон, а картошки — так той вообще на полк. Но зачем людей подставлять и жаловаться мужу, что в Барвихе ее голодом морят?

В этом была вся «кремлевская жена» Наина Ельцина: человек даже не с двойным, а с тройным дном. Но женщину с чемоданом нехорошо сравнивать, поэтому, наверное, больше подходит деревянная кукла матрешка: одну оболочку снимаешь — там следующая, и так далее, и всё мельче и мельче...

В предыдущей главе я писал о чемпионе по лицемерию — М. Барсукове. А вот абсолютная чемпионка по этому делу — фрау

Наина Ельцина-Гирина. Куда там какой-то «золушке»
Хайруллиной-Юмашевой.

Бриллианты — лучшие друзья дедушек

В начале ноября 1991 года помощник генерального прокурора СССР Виктор Илюхин возбудил в отношении Михаила Горбачева уголовное дело за признание независимости прибалтийских республик. Горбачев Илюхина уволил, но это не помогло: 8 декабря его самого уволили — Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали Беловежское соглашение, и СССР прекратил существование вместе с должностью его президента.

Ельцина проблемы ставшего безработным Горбачева мало трогали, его заботило другое — семья поставила перед ним задачу сделать всё, чтобы до Нового года переехать на новую государственную дачу. Конечно, переселять первого и последнего президента СССР в Бутово не собирались, но отобрали у него почти всё, что было нажито непосильным трудом: ядерный чемоданчик, почти всю госохрану и госдачу Барвиха-4 с 66 гектарами ухоженной земли.

Эта дача была оборудована специально для пребывания главы государства: все положенные коммуникации, средства связи, меры безопасности. Ну и, конечно, приятные мелочи типа садов и специального отвода Москвы-реки, чтобы высокие хозяева и гости могли ловить рыбу. В горбачевские времена все это было построено за полгода, за что группа строителей из 9-го Управления КГБ СССР получила высокие государственные награды, в том числе и ордена Ленина.

Ельцин там во времена СССР не бывал, но в его представлении (а главное, в представлении его жены Наины) Барвиха-4 — это было что-то наподобие пирамиды для фараонов — символ принадлежности к высшей власти. Царские палаты Российской Федерации.

«Прибабахам» своей жены Борис Николаевич сопротивляться не всегда мог — себе дороже выходило. И он торопил передел президентской собственности, самым лакомым куском которой была Барвиха-4. Горбачева выселили со скоростью, с какой выбрасывают из недвижимости должника по банковскому кредиту.

Сам дом был отделан лично подобранным Раисой Максимовной итальянским мрамором (его по указанию Татьяны Дьяченко потом скovyрнули, чтобы заменить безвкусной помпезной лепниной). Мебель — роскошная. Хотя Наина сразу стала подозревать, что предшественница особо ценные предметы

интерьера и мебели вывезла. И наверняка пришлось заказывать все новое, чтобы стало круче, чем при предшественнице, если бы муж Наине окорот все-таки не дал.

На втором этаже одно крыло было президентским — с двумя большими спальнями для мужа и жены. Мне показалось, что спальня Раисы чуть больше была, и Ельцин занял именно ее. Наина устроилась в опочивальне президента СССР. Напротив каждой из спален было по кабинету. У Ельцина в распоряжении оказался довольно стандартный кабинет, обставленный мебелью из орехового дерева: шкафы, столы — для совещаний и письменный и т. д. А вот Наина заняла кабинет роскошный, с мебелью по спецзаказу из Италии. Кроме больших шкафов, почему-то много там стояло секретеров — из молочного дуба с патиной, с множеством ящичков и ящичков.

Наина была жутко заинтригована этими секретерами, выдвигала и задвигала ящички, размышляя вслух:

— Зачем столько ей? Нет, наверняка в них что-то лежало, эта мебель не просто так...

Сестра-хозяйка возьми да и скажи:

— Может, для бижутерии. Или драгоценностей...

Это для новой хозяйки был удар ниже пояса. Я понял, что теперь неминуемо последует заполнение этих ящичков аналогичным содержимым — со всеми вытекающими для всех последствиями. Борьба с коварной Вандербильдихой-Раисой будет истощать ресурсы всех причастных. Так оно и оказалось.

Борису Николаевичу пришлось затоваривать секретеры браслетами, кольцами, цепочками, брошками и серьгами. У него к тому моменту из иждивенцев был внук, две внучки, две дочки и Наина, не считая престарелой матери. Ладно, старушка и Боря-младший, которому дарились компьютер, велосипед или ролики. А вот женщинам и девушкам «брюлики» — это те подарки, которых, как они считали, женская половина семьи № 1 заслуживает просто по статусу. Благо пустых ящичков в секретерах много было. Исполнять эти прихоти должен был глава семейства.

Начался вывод наших войск из Германии. Тогда мы располагались еще в 14-м корпусе Кремля, а начальником Главного управления охраны был Барсуков. Ему удалось договориться с министром обороны Грачевым и главнокомандующим Западной группой войск Бурлаковым и наложить руку на сеть магазинов Военторга в Германии. А надо сказать, что за границей эти магазины работали совершенно по-другому, чем в Союзе — по посольской схеме. Цены там были ниже на порядки, чтобы наши военные в ГСВГ, ЮГВ, СГВ и так

далее побыстрее расставались с валютой, в которой им выплачивалось денежное довольствие. А когда пиво, шнапс и виски в кафе, тряпки и аппаратура в магазине стоят не в пример меньше, чем на родине, то марки, злотые, форинты и кроны в карманах военных не залеживаются. Шубы, джинсы, кроссовки, ювелирка, магнитофоны, телевизоры отправлялись в СССР контейнерами.

И вот все это торговое изобилие оказалось в России. Когда мы впервые, благодаря Барсукову, оказались в таком магазине (в здании, где в свое время работала Инесса Арманд), моя жена купила сразу две шубы. Я ничего не купил — «шопоманией» никогда не страдал. На меня, помнится, произвел впечатление не ассортимент, а те, кто им торговал. Продавщицы были как на подбор — вышколенные, утонченные, роскошно одетые, с настоящим макияжем, в бриллиантах. И манеры абсолютно европейские. Жены высших руководителей страны так не выглядели.

Посетил я эту сказочную торговую точку всего один раз, но вот ощущения запомнил. Жены наши там, конечно, часто потом бывали. Барсуков говорил, что в этих магазинах могут отовариваться все офицеры ГУО, но я сомневаюсь, что так было. Вряд ли все 13 тысяч сотрудников, в том числе и младших офицеров, видели всё это. Уж слишком вызывающий там наблюдался «коммунизм».

Ну а когда приходил покупатель № 1, начальник Главного управления охраны — комендант Кремля М. Барсуков, магазин закрывался, и генерал в одиночестве выбирал, что взять себе (насчет «купить» — сомневаюсь). Тем более что пример ему брать было с кого.

Не помню уже, у кого из женщин семьи Ельциных намечался день рождения — у Наины, Тани или Лены, Кати или Маши. Глава семейства, естественно, как внимательный муж, отец и дедушка, озаботился подарком. Приходит к нему Барсуков с кейсом, открывает и выкладывает на стол десятка полтора футляров с ювелирными изделиями. Чего там только не было... И не рядовые перстеньки-сережки из плохого золота с фианитом, на которые, тем не менее, непьющий инженер полгода копит, чтобы супруге подарить. В высших эшелонах власти до такого тогда не опускались. Оправа — золото высокой пробы. И бриллианты — не песчинки, а «булыжники» от пяти, наверное, карат. Чем крупнее «брюлик», тем любовь сильнее.

Перебирает их Борис Николаевич — засмотрелся. Он еще не избалован был запредельной роскошью капризной столичной богемы, поэтому ему все понравилось из того, что Барсуков

принес. Растерялся, короче. Но быстро нашелся:

— Слушай, Михаил Иванович, ко мне сейчас люди придут — неудобно будет, если увидят. Ты оставь пока мне это, я в спокойной обстановке выберу что-нибудь...

И — сгреб широкой ладонью (той, на которой все пальцы) все футляры в открытый ящик письменного стола.

— Да не вопрос, Борис Николаевич, конечно, выбирайте, я потом заберу...

Надо ли говорить, что это «потом» не наступило никогда: ни один из этих футляров с ювелирными изделиями к Барсукову не вернулся. Дни рождения, юбилеи, Новый год, 8 Марта — торжественные поводы шли чередой, а Ельцин быстро выучил, что бриллианты — лучшие друзья девушек и женщин, и не обязательно родных. Я не знаю случая, чтобы он когда-либо что-либо отдал назад тем, кто приносил ему на выбор подарки для знакомых и родни.

Когда этот грабеж ценностей из закров Родины принял совсем уж беззастенчивый характер, я однажды поинтересовался у Барсукова:

— Миша, а он хоть что-то из этих драгоценностей вернул?

— Васильич, да ты что — шутишь?..

Об этой нехитрой схеме наполнения секретеров Наины пронюхал вездесущий Бородин. Дни рождения — это ведь главное для президентского управделами, у него один календарь висел на стене, а другой лежал на столе, и на обоих все дни рождения были отмечены. И он перехватил у Барсукова инициативу по доставке подарков для близких Ельцина — стал носить еще более объемистые кейсы. Я не знаю, откуда он все эти изделия брал. Предполагаю, что это как-то было связано с его якутскими корнями, с тем, что он стоял у истоков основания «Алросы». Кстати, разбирался в бриллиантах он профессионально: сразу мог сказать, едва взглянув на камень, сколько в нем карат и какова цена.

Ельцин Бородину с просьбой «организовать подарочек» не звонил — тот сам приходил, безошибочно угадывая, когда именно может понадобиться презент. И изделия были покруче, чем те, что приносил Барсуков.

Впрочем, начальник ГУО — комендант Кремля не сильно рисковал. Барсуков хорошо умел списывать непредвиденные расходы: он Ельцину и автомобиль «Шевроле Субурбан» таким же образом, то есть бесплатно, в личное пользование «подогнал». А также электромобили — на подобных Ельцин с Бушем передвигались по резиденции президента США Кэмп-Дэвид и которые российскому президенту чрезвычайно понравились. На

этих машинках ЕБН катался в Барвихе по дачным асфальтированным дорожкам. За территорию я ему запретил выезжать на электромобиле в целях безопасности после того, как он разбил мою «Ниву», а потом и свой «Москвич».

И из этого же бездонного источника были два «Мерседеса Гелендвагена» в цвете «зеленый металлик» для охотхозяйства в Завидово — первые экземпляры в России, кстати. Отделали их под свой вкус, ковров настелили. Юра Антонов — основной водитель, в том числе и для охоты в Завидово, поскольку имел орлиное зрение — сказал, что лучше машин, чем эти, он в жизни не видел. Были и некоторые другие переделки: так, у «Гелендвагенов» изначально имелись люки в потолке, а из них рослому Ельцину стрелять не понравилось. Пространство, где должен был стоять человек, высунувшийся в люк, занял столик — на нем мы с ЕБН «перезакусывали», опустошая не совсем ядерный дежурный чемоданчик... А стрельба по животным велась из окон с опущенными стеклами с двух сторон. Там же зверья — как в зоопарке, и никаких трудностей не представляло высунуть ствол ружья в открытое окно и стрелять до одурения. Впрочем, когда случились морозы и снега навалило по пояс, мы сразу на хваленном «Гелендвагене» сели на мосты, и вытаскивали нас егеря на «УАЗах».

Так что драгоценности для «амбарной комнаты» Наины — это только один штрих к образу жизни семьи, не знавшей отказа ни в каких своих прихотях. Хотя «цацки» были все же хитом на все времена.

Постепенно Ельцины начинали сознавать, что в стране, где из Кремля пока выезжали только на лафете, они во власти — если не навсегда, то очень надолго. Вместе с этим вошли и в потребительский раж, привыкнув к хорошим дорогим вещам, к роскоши. Это изменение в сознании семьи вчерашних уральских инженеров и партийных чиновников средней руки моментально почуяли холуи и понесли подарки сами, не ожидая просьб. Главным образом все те же драгоценности. Что ни говори, а они являлись признаком принадлежности к высшим кругам столичного общества.

Галина Брежнева, Лидия Русланова, Людмила Зыкина и другие представители богемы были безудержными коллекционерами уникальных штучных украшений, многие из которых — произведения ювелирного искусства. Но при всей жадности по части «брюликов», эти женщины, в основном, скупали их, меняли, а не получали в подарок. И делалось это скрытно. На закон приходилось оглядываться и изощряться, вплоть до контрабанды золота и камней из-за рубежа в прямой

кишке цирковых слонов. Семье Ельциных стесняться уже было нечего — тормозов никаких не стало, перечить никто не мог, на партком не вызовут, ОБХСС с обыском не придет. Красиво жить не запретишь, тем более — этим, да и запрещать некому...

Я как-то поинтересовался у Бородина ценой одного ювелирного подарка, который приготовили для Наины. Причем без камней он был, одно золото. Около 10 000 долларов, ответил знаток «рыжья», ездивший отовариваться во французский ювелирный дом Cartier. Не забыты были и самоцветы: изумруды и сапфиры, рубины и топазы — дань уральскому прошлому семьи. Хотя идеальные бриллианты — это вишенка на торте, они всегда вне конкуренции. Кстати, жена президента регулярно со скрытой завистью недоумевала и возмущалась, откуда у жены министра внутренних дел В. Баранникова, тоже — Людмилы, такие изумительные бриллианты: вся в кольцах и перстнях с большими и чистыми камнями...

Наине еще долго после переезда в хоромы Горбачева казалось, что предшественники где-то что-то спрятали, заныкали, не вернули. У нее на лице было написано желание немедленно начать розыски. Как и принято у людей из племени Плюшкиных, всякая вещь была в семье на учете, имела свое место, и потеря чего-либо — это пыль до небес и крушение устоев. Так, у всех, кто работал с Ельциными в тот период, осталась в памяти история под условным названием «Как Наина сережку потеряла».

Мы несколько раз в год бывали в Сочи, на госдаче «Бочаров ручей». Сценарий был один и тот же: у трапа самолета — встречающие с караваем, объятия, кортеж, летящий в «Бочаров ручей», и прочие элементы ритуала. Так и при Сталине происходило, и при Брежневе, и при Горбачеве, и сейчас так же.

В первый вечер — застолье по случаю прибытия на отдых: настроение — отпускное, впереди — несколько беззаботных дней. Тут тоже все стандартно: мужики выпивают, первая леди страны и первая леди Краснодарского края безостановочно молотят языками. Стол ломится от выпивки и закусок, смех, эмоциональный подъем, бесконечные (и всегда одинаковые) тосты «ну, за отдых!». Потом — прогулка по пляжу с непременно легким столом у моря.

Вот и в тот вечер, когда отмечали приезд в «Бочаров ручей», было все традиционно. Вернувшись в зал с прогулки к морю, президент выпил очередную «забугорную» и около 10 вечера ушел на боковую. Наина проводила его взглядом и облегченно вздохнула: ну наконец-то! Гости тоже засобирались восвояси.

Жена президента была во всем лучшем, что имелось в гардеробе, и вся, конечно, в «брюликах». Ну а когда еще их

носить, как не в отпуске? Взгляд приковывали золотые сережки с крупными бриллиантами-грушами в ушах Наины. Сияли ослепительно, производя впечатление даже на тех, кто к драгоценностям равнодушен: ведь сразу видно, что в каждом ухе у женщины — если и не по «Роллс-Ройсу», то по «600-му» «Мерседесу» — точно.

А у Наины была привычка после официальной пьянки в первую сочинскую ночь ходить в народ. «Муж — спать, а мы — гулять». К народу жена президента причисляла вашего покорного слугу, сестру-хозяйку, докторов, медсестру, горничных, поваров. Наина к тому времени была уже не бедной, имелось, чем похвалиться перед 2, 3, 4, 5 леди. Она уже привыкла к заискиванию. А эти «хождения в народ», видимо, придавали ей осознание собственной демократичности и уверенность в том, что от людей она не отрывается, как утверждают злопыхатели.

Пришла она в крыло за кухней, где в будние дни обычно питался обслуживающий персонал. Официанты сновали, убирая тарелки с едой с главного стола. А ее бывало столько, что не все блюда гостям даже удавалось «распечатать». Тут же стоял кассетный магнитофон — «Абба», «Бони-М» и прочие западные группы развлекали оставшихся гостей и персонал («Ой, рябина кудрявая», «Подмосковные вечера» и тому подобное на таких мероприятиях никогда не звучали, кстати).

Тут, среди рядового контингента, Наина могла уже и коньячку врезать — при муже воздерживалась. Компанию ей составили обе дочери, тусовавшие тут же. Ну а поскольку коньяк был уже после шампанского и вина, захорошело ей быстро и капитально. Начались, как водится, танцы на пяточке между столами — вернее, не столько танцы, сколько тряска всем, что имеется.

Кончилось тем, что Наина взгромоздилась на стол — тоже исконно уральская традиция жен купцов-золотопромышленников. Официанты, предвидя это, быстро убрали с центра к краям стола посуду, и первая леди изобразила что-то наподобие «партийного канкана», жеманно взвизгивая и размахивая подолом французского платья посреди колбасы и недоеденных шпрот. Прическа растрепалась, макияж размазался, как у бухой бухгалтерши на корпоративе по случаю 8 Марта. И никто уже внимания не обращал, что там на ней надето и какие «брюлики» при ней.

А поутру они проснулись...

Завтрака еще не было, а «Бочаров ручей» уже стоял на ушах: у первой леди пропала одна сережка. Такой спецоперации я не припоминаю. Так обычно бывает, когда криминалисты ищут

гильзу после заказного убийства, методично прочесывая окружающее пространство. Вот и здесь охрана на коленках исследовала каждый дециметр полов, лестниц и коридоров. Отрядили специальную группу на пляж: вдруг там обронила (хотя все после прогулки видели, что сережек у Наины — две). Версий было множество, каждый высказывал свою, и все бросались ее проверять. Привлекли даже сантехников исследовать трубы канализации. Сама Наина считала, что обронила драгоценность в тарелку с салатом, когда плясала на столе. Искать на помойке, которая там необъятна, — дело безнадежное, но пытались и это проверить.

Сережка исчезла бесследно. Осадок от той потери остался у Наины навсегда. А мужу ничего не сказали о «хождении в народ» и утрате ценной вещи. Он позавтракал кашкой и ушел на пляж, куда ему принесли документы и рюмашку, чтобы поправить здоровье. И то верно — зачем государственного человека отвлекать мирской суетой.

Помните фильм «Тени исчезают в полдень», где есть эпизод, как Пистимея вспоминает свою молодость в семье богатых сибиряков, когда ее, сидящую на стуле, во время гулянки водружали на стол прямо посреди закуски. Вот и здесь была та же торжествующая надменность «хозяйки», кайф от всеобщего почитания и от того, что окружающие — ниже тебя. Правда, с небольшой разницей: купеческая дочь себе цену знала, на колбасе не плясала и бриллиантов не теряла...

Повесть о настоящих людях

«Читая ваши воспоминания, складывается ощущение, что всё окружение и весь кадровый резерв первого президента России состоял из людей не очень чистоплотных и недалеких. Но ведь так не бывает». Такую реплику адресовали мне как-то на читательской конференции.

Безусловно, любой коллектив — это пестрая палитра характеров, разные моральные установки, привычки. И конечно, так не бывает, что одну большую группу людей можно охарактеризовать одним словом (это навешиванием ярлыков называется).

В окружении Ельцина были достойнейшие люди, президент ценил их, и я тоже считал за честь работать рядом. Один из примеров — Николай Дмитриевич Егоров, последний при мне глава Администрации президента. Человек, который являлся избранным губернатором Краснодарского края — на мой взгляд, последним порядочным главой региона в современной России.

В Краснодарском крае начальство бывает регулярно, там высшее руководство страны проводит свой отпуск. Ельцину в свое время Егоров понравился, когда они встретились в аэропорту Адлера. Там и я с ним познакомился, потом мы подружились.

У Егорова ничего не было в Краснодаре, никакого наворованного и спрятанного по углам имущества. Он в этом смысле не был типичным продуктом эпохи — не стопроцентный бессеребренник, конечно, но и не наглец, как многие другие деятели курортного края. Самым близким его подчиненным был молодой А. Ткачев, ставший впоследствии моим коллегой — депутатом Госдумы и зачем-то еженедельно «заносивший» мне пакет с бужениной, балыком и окороком. Но когда он стал губернатором, я дважды пытался дозвониться до него по делам — бесполезно. А когда Ткачев выбился в министры сельского хозяйства России, то помощником себе взял зятя небезызвестного губернатора Сахалина Хорошавина — того самого, у которого при обыске нашли ручку за миллион долларов. Ткачев с Хорошавиным дружны. И, кстати, экс-губернатор-сахалинец так и не «раскололся», кто ему ту ручку подарил... (но я-то знаю!)

Н. Д. Егоров с детства мечтал стать военным летчиком. Поступил в военное училище, уже учился, но по медицинским показаниям его отчислили. Будучи губернатором, являлся членом военного совета военного округа.

Ельцин положительно оценил то, как в Краснодарском крае были выстроены межнациональные отношения. Хотя край в этом

смысле напоминает пороховую бочку: горячие кавказцы под боком. Егоров смог как-то поддерживать межконфессиональный мир.

Николай Дмитриевич, на первый взгляд, был типичным функционером. В советское время работал инструктором райкома партии, секретарем парткома совхоза, председателем колхоза, председателем райисполкома. С 1990 года он — первый заместитель председателя Краснодарского краевого агропромышленного союза, генеральный директор департамента сельского хозяйства и продовольствия, первый заместитель главы администрации Краснодарского края, председатель краевого правительства.

В 1992 году Егоров стал губернатором Краснодарского края. Потом — министром России по делам национальностей и региональной политики. Отказываться от портфеля тогда было не принято, предложили пост — соглашайся. Так Егоров покинул родной Краснодар. Выполнял обязанности полномочного представителя президента в Чечне, больше времени проводил на Кавказе, чем в столице. Это была кропотливая, полноценная дипломатическая работа с очень сложными людьми. Но он налаживал контакты, его горцы уважали.

В августе 1995 года Егорова назначили помощником президента по вопросам межнациональных отношений.

Начался тяжелейший 1996 год, всего-ничего оставалось до президентских выборов. На посту руководителя администрации главы государства в этих условиях требовался порядочный, надежный и деятельный человек. И я предложил Ельцину кандидатуру Егорова. Президент согласился.

Ничего просить себе из того, что положено по статусу, Николай Дмитриевич не стал. Жил на очень скромной даче без забора, которую ему с барского плеча выделил Бородин. Тут уж я возмутился: кому попало раздают дворцы, а глава Администрации живет незнамо где. И Егоров получил хорошую дачу, которую потом выкупил (цены тогда еще смешные были).

Квартира тоже скромной была: Егоров жил в доме (когда-то принадлежал ЦК КПСС) на улице Проточной, который не шел в сравнение с роскошным домом на Академика Зелинского, где обитали другие чины Администрации. Там же, на Проточной, жили несколько моих старших офицеров из СБП, а также командующий погранвойсками А. Николаев, которого Ельцин недолюбливал, и по этой причине его поселили на отшибе.

За считанные месяцы Егоров так организовал работу Администрации, в том числе и по подготовке к выборам, что никакие Тани, Лисовские и Юмашевы с Чубайсами в подметки не

годились. Все-таки военная кость в Николае Дмитриевиче была. И он всех заставил пахать, как папа Карло. Естественно, президентские выборы 1996 года (да как, в общем-то, и все последующие в нашей стране) — это только административный ресурс. Но его тоже требовалось настроить и отладить. И технологии, применявшиеся потом действующей властью в избирательных кампаниях, впервые были использованы как раз в 1996 году Егоровым. Избирательный фонд — это не более чем ширма. Мешками возили деньги для оплаты текущих расходов по регионам. Нужно было выстроить «логистику нала», чтобы все было доставлено до рубля и в дело немедленно пошло: на гонорары артистам, зарплату агитаторам, в типографии на печать наглядной агитации и так далее.

За эту работу семья Ельцина обязана была Егорову памятник поставить еще при жизни. Ведь Николай Дмитриевич буквально горел на работе в то время, когда его легкие уже сжигала смертельная болезнь. И он знал об этом. В задней комнате его кабинета была, по сути, амбулатория, где Егорова врач поддерживал, как мог, обезболивающими уколами.

После моего увольнения и выборов мы встретились с Егоровым. Он мне пожаловался:

— Васильич, достали меня с этой инаугурацией президента. Сценарий уже десяток раз поменяли. Хотели сначала пышное действо устроить у Красного крыльца, с конным выездом, парадом. А как это сделать, если Сам в Барвихе после шестого инфаркта отлеживается?..

В итоге Ельцина привезли в инвалидной коляске за кулисы главной сцены Государственного Кремлевского дворца, подняли, пиджак надели перед выходом на сцену, он по-быстрому поклялся на Конституции РФ честно работать и быть гарантом, а потом — в машину реанимации, которая отвезла его в койку.

А несколько дней спустя оклемавшийся президент пригласил руководителя Администрации, сыгравшего определяющую роль в его победе, к себе в санаторий «Барвиха». И награда нашла героя. Егоров потом рассказывал: стол, фрукты, шампанское. Ельцин мнется, видно, что неудобно ему, но решается:

— Николай Дмитриевич, я тебе благодарен за работу на выборах. Но ты все же напиши заявление об увольнении по собственному желанию. Семья давит, требует. А я не могу уже сопротивляться, здоровья нет совсем...

— А кто вместо меня?

— Чубайс...

При этом президент о страшном диагнозе Егорова еще ничего не знал, не это было причиной позорного решения об увольнении

человека, приведшего немощного Ельцина к победе на выборах.

— Николай Дмитриевич, но я готов тебе абсолютно любую должность дать, какую захочешь! — оживился президент.

— На самом деле — любую? — поинтересовался Егоров.

— Выбирай!

— Ну, хорошо. Борис Николаевич, назначьте меня министром обороны...

Ельцин от растерянности сразу и не нашелся, что сказать. Не понимал своего счастья: несмотря на болезнь, это был бы отличный министр обороны — не воруящий и эффективный, в отличие от тех, что ни рыба ни мясо, проходивших чередой через это кресло. И даже не «Табуретка»...

И Егоров пожалел больного человека с отработавшим свой ресурс сердцем, пьющего шампанское вместо корвалола:

— Ладно, Борис Николаевич, отпустите меня домой в Краснодар. И разрешите участвовать в выборах губернатора...

Президент обрадовался тому, что все так замечательно разрешилось. Но при этом всплакнул, как вспоминал Николай Дмитриевич. Видимо, понимал, что теряет последнего надежного и порядочного человека своей команды. Ельцин заверил в своей поддержке и пообещал ему в избирательной кампании режим наибольшего благоприятствования.

Надо ли говорить, что победить Егорову на выборах губернатора Краснодарского края не позволили. Против него выставили деятеля КПРФ Кондратенко, и Чубайс, забивавший гвозди в гробы коммунистов, сделал все, чтобы красный кандидат победил. Например, водитель Егорова сбил на дороге старушку. Политтехнологи Чубайса такую возможность не упустили и раздули историю так, что пыль была до небес — чуть не намеренно кандидат Егоров саморучно бабушку убил.

Николай Дмитриевич вынужден был вернуться в Москву. Тихо жил у себя на даче и ездил на процедуры в ЦКБ. Одно легкое пришлось удалить. Усугубила его состояние еще одна беда: от печки сгорела дача, они с женой едва успели выбраться, прихватив только личные документы.

Однажды, уже будучи депутатом Госдумы, я приехал в больницу навестить Николая. Поразила огромная усталость в глазах — такая бывает у человека, когда он раздумывает: бороться за жизнь или бросить уже?

— Николай Дмитриевич, хватит о болячках думать. А давай-ка ко мне помощником в Думу. У меня их немало, но мудрых — нет...

— Саша, думаешь потяну? Спасибо за предложение, еще, значит, поработаем! — воспрянул он. И сразу почувствовалось:

стержень внутри этого человека никуда не делся.

Проходит пара дней, я уезжаю в Новгород в командировку. Очень насыщенная была поездка. С рыбаками встречался — с настоящими, не ряжеными подставными. Я новгородцам катер с мощным американским мотором подарил на средства из своих книжных гонораров, чтобы за браконьерами по Ильменю рыбадзор гоняться мог. И тут звонит врач:

— Александр Васильевич, с Николаем Дмитриевичем всё не очень хорошо. Он про вас вспоминал. Приехали бы вы...

Не успел я доехать до Москвы, как еще один звонок: Егорова не стало.

Похоронили его на Кунцевском кладбище. Отпели в монастыре. Очень скромная могила, незаметный памятник. И — нечто сверхъестественное, таких совпадений просто не бывает... Егоров очень любил песни Ободзинского, самый почитаемый певец у него был. И в тот же день (!), когда похоронили Николая Дмитриевича, но только на час раньше, в двух метрах его могилы на Кунцевском кладбище, по-соседски появился свежий холмик с табличкой: Валерий Ободзинский...

Рядовые демократического запаса

*Безумству храбрых поем мы
песню...*

М. Горький

Память о демократических реформах конца 80-х — начала 90-х годов у народа потихоньку вытравили. Ни к чему это «баловство», решила новая власть, а то, глядишь, задумываться начнут, почему по Конституции единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, а в реальности — все источники власти сидят в креслах в границах Садового кольца.

Когда началась борьба с привилегиями в конце 80-х, Ельцин стал настоящим изгоем. Своим выступлением на 19-й партконференции в 1988 году он сжег все мосты и стал для властной верхушки не то чтобы нерукопожатным (он все равно оставался для них своим, номенклатурным), но опасным — в том плане, что контакты с ним ничего хорошего для карьеры не сулили. В тот момент рядом с ним осмеливались быть лишь те, кто искренне хотел в стране перемен к лучшему, кто разделял позицию Ельцина: закон — для всех, народ — не быдло. Причем это часто были люди простые, не при должностях.

Например, Лидия Алексеевна Муранова, которая организовывала для Ельцина занятия по теннису, чтобы он отвлекался от проблем, оставался уверенным в себе. На эти занятия она приглашала известных спортсменов, чтобы Ельцину было с кем играть в паре. Никто, кстати, не отказывался. После игры была обязательная сауна, чай с травами. Там, в спорткомплексе, я с ней и познакомился. Очень человечная, но требовательная и исполнительная женщина.

Когда Бориса Николаевича стали тревожить старые травмы спины, Муранова устроила ему лечение у Бориса Праздничкова — работал в Большом театре такой знаменитый мануальный терапевт (хотя, скорее, костоправ и массажист). Ставил на ноги всех, у кого были проблемы с опорно-двигательным аппаратом. Его знала вся Москва и не только — под его руками побывало немало звезд, например, актриса Синди Кроуфорд, хоккеист Павел Буре и др. Поэтому я считаю, что Лидия Алексеевна (да просто Лида) своей заботой внесла большой вклад в судьбу будущего гаранта Конституции, поддержав во время депрессии и практически восстановив его форму.

И вот в 1989-м стартует избирательная кампания по выборам народных депутатов СССР. Ельцин, будучи первым заместителем председателя Госстроя, решил баллотироваться. Желающие помочь ему приходили в Госстрой, записывались, им давали координаты других активистов из их района или предприятия. Таким образом сформировались инициативные группы, члены которых расклеивали объявления и наглядную агитацию, оповещали жителей обо всех мероприятиях в рамках избирательной кампании.

Уже после выборов активисты объединились в ряд неформальных общественных организаций: клуб избирателей Академии наук СССР, Комитет Девятнадцати (входили представители 19 столичных предприятий, которые выдвигали Ельцина кандидатом в народные депутаты СССР) и др. Они, а также представители Московского народного фронта, Демократического Союза Новодворской, анархо-синдикалисты, участники Демократической платформы в КПСС и другие летом 1989 года создали Московское объединение избирателей (МОИ). Был также создан Общественный фонд «Содружество», который издавал газету «Позиция» (гл. редактором сначала был А. А. Мостовой, а затем — Сергей Евгеньевич Трубе).

Содействие формированию этих новых для страны объединений общественности оказывали Дом кино (Юлий Гусман), Центр научной деятельности и социальных инициатив АН СССР (В. В. Свирский, А. В. Белявский, С. П. Шаманов, А. В. Хозяинов, И. В. Сперанская). Также организовался Фонд содействия депутатским инициативам (Е. В. Котова и К. Ф. Затулин).

МОИ издавало газету «Голос избирателя», главным редактором которой был Л. С. Шемаев (потом он много лет издавал газету «Президент»). Вообще Льву Сергеевичу Шемаеву Ельцин и его семья обязаны очень многим. Безусловно, он был бы доверенным лицом Ельцина, если бы не давно погашенная судимость.

Самоорганизация огромного количества людей в те годы — это было настоящее зарождение гражданского общества в стране, заторканной диктатом КПСС, когда любая самоорганизация граждан расценивалась как покушение на устои. Прошло двадцать лет, и все вернулось на круги своя. Сегодня, если граждане сами, без согласования с властью, объединяются для чего-то, в чем обнаружат политику (а ее везде находят), то инициаторов в лучшем случае признают иностранными шпионами, а в худшем — обвинят по уголовной статье за «экскременты экстремизма» (хорошо, если не за поддержку

терроризма).

Совсем недолго в конце 80-х — начале 90-х россияне могли про себя говорить: свободные люди в свободной стране. Это был настоящий народный энтузиазм, не сдавленный запретами. Все те активисты (ну, или большинство из них) не ждали никаких дивидендов за свою деятельность. Они отдавали свободное от работы время (а некоторые и вовсе с работы уходили) общественному благу, и не за деньги, а за идею. Их потом жестоко обманули, но это не вина их, а беда.

И в этой книге я хочу просто привести фамилии активистов избирательных кампаний, которые отыскиались в моем архиве, а также в архивах знакомых по тем годам. Потому что, несмотря на все, что они сделали для становления современной демократической России, никто и никогда этих людей больше не вспомнит и не поблагодарит их. Ельцина уж нет, а его семья, как доказало время, добра не помнит: граждане выполнили функцию и могут идти лесом. А ведь именно на таких вот — совестливых и активных — только и можно опираться в любом деле. В отличие от конъюнктурщиков, они не способны на подлость. И у них остается только память о том, как они делали историю.

Активисты избирательных кампаний и члены клубов избирателей г. Москвы в 1989–1991 гг.

Асс Ю. Д., Бунин В. А., Шустов С. П., Трубе С. Е., Ланцева В. А., Пушкина Т. А., Борцов В. Н., Власова А. Х., Пономарев Л. А., Панарина М. Н., Пенькова Е. М., Лазутина Т. М., Муранова Л. А., Механик А. Г., Осокин В. Б., Авдеева Т. В., Власова С. Г., Гонсалес Г. Д., Клюенков С. И., Ильина Г. П., Рагульский В. В., Недоспасов А. А., Хохлов В. А., Полевая Т. А., Портнова Ю. И., Лукичев Р. А., Трофимов А. Н., Кулиш Ю. Б., Брежнева Л. В., Капустин Е. И., Деревянко Н. В., Орлов Е. М., Мокроусова Е. Е., Жуков А. В., Двоскин Ф. Л., Кузнецова Н. П., Мартынова Т. Н., Кручинина А. П., Бабушкин А. В., Волков Л. Б., Чубайс И. Б., Ананян С. Г., Гусев Г. Г., Пермяков Ю. И.

Бабушкинский район

Иванцов Г. С., Горячева И. М., Никитина Л. А., Экслер А. А., Теряева Н. Б., Кухарская Т. А., Розанов А. С., Бройтман Я. Г., Липатов С. М., Романова А. К., Кузищева О. Н., Соколова О. А., Фатеев Г. О., Ильина Г. П., Бронихин А. С.

Бауманский район

Вайсбурд Д. А., Батальева М. А., Фоменко В. Г., Иевлев В. В., Козлов В. С., Секундов А. Н., Захаров В. М., Новицкая Н. П.

Волгоградский район

Федотов В. Ю., Миронова Г. И., Анискин П. А., Пушкин А. Е., Шепелев А. Е., Руф Л. В., Углова В. В., Гайдулин, Котенко О. И.

Ворошиловский район

Мокринский С. П., Ананян О. С., Десянин В. И., Саперов В. П.,
Филатова Е. П., Сальников Н. Л., Коханюк Н. Н.

Гагаринский район

Орлов О. И., Савельев И. В., Ивитский В., Аксель, Прудников
А. В., Шматко Л. Г., Чупрына В. А., Поленов Е. А., Салычева Т. А.,
Литвинов А. Н., Терентьев М. А., Лавренко И. М.

Дзержинский район

Соколова Е. Л., Фурдуев В. В., Додул В. Ф., Дверич М. Н.,
Плехов В. Н., Яновский А. И.

Железнодорожный район

Сумарукова Н. М., Захаров А. В., Хейн Х. Я., Ханаев В. Е.

Калининский район

Кульбикаев В. З., Маланкин Б. К., Миронов В. П.

Киевский район

Крыловский В. Н., Князева Л. А., Браславский Д., Соколов А.
В., Зыбина Н. В.

Кировский район

Чадов А. В., Чернов Ю. Ю., Михайлова В. М., Беляков Е. В.,
Дегтярев А. В., Кутуков А. А., Колпаков А. В., Милославова И. И.,
Куртов А. А., Петров А. В., Васильев И. Н., Маркин О. Я., Хватиков
В. Н., Еруцкая Н. И., Трифонов В. П., Бочков Ю. Г., Сластущинский
А. В., Минакова О. Д., Доценко Л. А., Сукачев В. Н., Миляев Е. А.,
Пощенчевский Б. С., Розанов А. С., Случевский Ю. Н., Пивоваров
Ю. Л., Воронин В. В., Кулиш Ю. Б., Краснякова А. И., Масленников
В. Н., Гречишникова Л. Е., Литовкин В. Г., Оглоблина И. А.,
Саридобахов В. Г., Котеленец Г. В., Чертков К. Т.

Красногвардейский район

Попов В. В., Доморацкая А. А., Вертман В. Э., Федорук В. Н.,
Кириленко А. А., Наджиб А. Э., Гефенидер В. Э., Губа В. Г.,
Берюлин М. П., Панин М. П., Скляр Ф. Д., Николаева С. С.,
Щедрина Н. И., Харитонов Ю. А., Лебединский С. Г., Борисов Б.
Н., Друганов С. П., Теренин А. Д., Минушенков А. П., Желудков А.,
Рыбаков В. В., Василиади В. И., Рогач С., Наумов А. И.

Краснопресненский район

Суворов А. Б., Симоненко А. В., Миклашевич В. Н., Григорьев
В. И., Корнилов А. Г., Боксер В. О.

Куйбышевский район

Лялин С. П., Осипова С. М., Гуляев В. В., Давыдов А. С., Гусев
А. А., Крапивина Л. Б.

Кунцевский район

Филаткин М. К., Луконин Ю. А., Кичатов А. М., Алатырцева Т.
А., Потапова Е., Егоров В., Шкварчук О. А., Абусева М. М.,
Монахов В. П., Акимов В. А., Малетин Ю. И., Чернигова Л. С.,

Скороходова Г. Л., Гаврилина О. Б.

Ленинградский район

Карасев Н. М., Михайлов М. Я., Микочин А. С., Тарасов С. И.,
Аваев М. М., Скворцов В., Чичулина Р. А., Янушковский А. А.,
Воинов В. П., Сурков В. В., Колчина Е. Н., Шорников С. И.

Ленинский район

Федорова О. И., Соколова Т. Г., Островский Е., Ваценко В. И.,
Миронюк А. Ф., Мочаловский А. И., Шаев Л. А., Балакин Э. И.,
Большакова Н. В., Прохорова И. А., Зайцева Г., Черный А. Ф.

Люблинский район

Козлович В. Н., Азаровский В. Н., Гришин В. И., Гречин А. Н.,
Шалимов Н. И., Носов В. Б., Маликова Л. А., Зиборова Т. А.,
Кириллова Н. П., Хусид И. Г., Ниловкин А. А., Уражцев В. Г.,
Цыганков А. Н., Илюшин Л., Туниянц В. М., Чулок С. Б., Смирнов
С. П., Джевадов К. И., Звончевская М. Ф.

Москворецкий район

Игнатов А. П., Вологодский В. Б., Песельник В. С., Резников А.
В., Милицков А. Г., Сисина Т. А., Оськин В. В.

Октябрьский район

Дроздов А. В., Россохин А. И., Катаев Д. И., Медведев А. Н.,
Дьяконов Л. И., Гольдман А. М., Истрасина М. В., Блинова Э. С.,
Геденцвайг И. Б., Карпенкова В. В., Вельмин С. А., Варзин О. Н.,
Скручин И.

Первомайский район

Давыдов А. С., Павленко М. А., Горбатов А. В., Михайловский
А. В.

Перовский район

Заборщиков А. Л., Рыдлевич Т. Е., Кузьмин Е. П., Башковский
В. П., Смирнов И. В., Берзинь Г. А., Шиманович В. С., Киселев В.
В., Романов С. В.

Пролетарский район

Сибиряк И. О., Яковлева Н. Д., Фадеев В. В., Лазутина Т. М.,
Малай Т. Г., Ремизова О. А., Саркисян Л. А., Боганцева И. В.,
Сорвин К. В., Боганцев А. А., Дихтярь А. Б., Буркевич Л. Б.

Свердловский район

Линовицкий А. Е., Поляков С. А., Громов В. К., Никитина Л.
Д., Титов В. К., Поляков А. В., Королева М. Л., Лазарева Т. Ф.,
Табачков В. А.

Севастопольский район

Хавкин Ю. Л., Черных С. Г., Шалтаян А. А., Румянцев О. Г.,
Котова Е. В., Дерксен Л. А., Гудилина В. Д., Тонконогов В. Д.,
Севостьянов И. С., Волков Г. Л., Поляк В. С., Яченас Н. А.

Советский район

Трубаев В. А., Катушенко В. И., Судакова Т. М., Коровикова Л.

И., Родин Ю. А., Нефидов П. П., Кудашев Б. Д., Баташов Ю. М., Бузин А. Ю.

Сокольнический район

Борисова Е. Г., Панов С., Глотов Б. А.

Солнцевский район

Хохлов А. Г., Алтухов В. А., Кожарский В. В.

Таганский район

Кригер В. Ф., Синянская Г. П., Рябов А. К., Шраго З. Ж., Русаковский Б. Л., Хамидуллин Х. М.

Тимирязевский район

Ризо Ю., Семенова Н. А., Качанов В. Д., Резников М. Б., Исакаев И. Х., Комарова А. А., Перфильев О. К., Шевченко А. Л., Шишков Е. В., Лукаш В. Э., Могилевский П., Колужный М., Изотов Е. Н.

Тушинский район

Федотов Д. М., Кудин В. Н., Картаев Р. И., Мысловский Е. Н., Артемьев А. М., Шматин Э. Г., Заславский А. Ю., Коротун М. М., Портер О. А., Щекочихина Р. Л., Потапов В. П., Павлов Н. В., Карлашов Г. С., Кантаев П. И.

Фрунзенский район

Смирнов Б. А., Овсянникова Т. Ю.

Черемушкинский район

Петров Р. В., Макагонов П. П., Соколов А. Б., Осин А. И., Мельникова А. М., Вишнякова А. В., Макагонов В. П., Зинченко С. П., Харичев И. А., Соколов С. С., Петров М. В., Погорилый А. И., Костомаров Ю. Ф., Петрова Л. Р., Темина Л. В., Ярилова Л. С., Федорова О. И., Сигалов И. С., Мохов В. Е., Дорожкина И. К., Демидов А. Н., Кобелев В. В., Соркина И. М., Беспалов М. Д., Шоппо Л. Н., Подольный, Козлов, Елагина М. С., Будник Е. Ю., Романова М., Артемьев А., Горицкий В. М., Шнейдер М. Я., Абрамова Ю. Б., Казаков А. А., Бурдин В. Г., Сизова Н. А., Мартынов А. Д., Соловьева Т. А., Авхинков А. П., Соловьев А. В., Горобец А. А., Гиммерлинг Г. А., Годунова А. Н., Садовский В. Н., Спasiбко Ю. И., Киященко Н. И., Блиновская Л. М., Метелев А. И., Юнатов С. В., Татарский А. А., Ярославский Б. Л., Малич А. Ф., Шуляк А. П., Реуцкая А. С., Нестеренко В. М., Онсин А. В., Мишанин А. И., Зародов Е. Д., Швецов В. Н., Пеньков В. Г., Беркман Л. Л., Ломако Г. А., Ломако Е. И., Агафонова Л. Ю., Резина С. Н., Егорова Т. А., Солопов А. Б., Затесов А. Е., Эльманович С. С., Иванов П. Г., Висков Б. С., Нодис Я. Я., Сергеев А. П., Костюхин Ю. В., Александрович М. А., Усова И. Н., Перова Т. Т., Молодянец А. П., Кунин А., Иванцов Г. С., Бескин В. С.

Зеленоградский район (г. Зеленоград)

Кузнецова Н. П., Кудря А. И., Митина В. А., Гарнак А. Е.,

Жаров А. К., Червонцев Р. Р., Горбадей Я. А.

Комитет Девятнадцати(представители предприятий, выдвигавших опальною Б. Н. Ельцина в депутаты)

Хачатуров С. А., Тремлин В. И. (завод «Ангстрем»); Пименов А. М. (трест «Моссантехстрой»); Ролдугина Т. М. (ЦКБ «Дейтон»); Гусев А. А. (НПО «Геофизика»); Луниякин Ю. В. (НИИТМ); Баркова Л. С. (завод «Элион»); Горбадей Я. А.; Скороходова О. М. (хлебозавод № 28); Иоффе С. Л. (ИОХ); Янушковский А. А., Брежнева Л. В. (ЦКБ «Алмаз»); Котеленец Г. В. (ЦНИИАГ);

Чертогоров Г. (НИИ НЦ); Орлов Ю. К., Кучумов В. А. (госцентр «Природа»); Лазутина Т. М. (НПО «Комета»); Леонов В. В. (Московский институт теплотехники); Сухоруков С. А. (завод «Эра»).

Активисты клубов избирателей организаций, входивших в структуру АН СССР

Дмитриев И. Б., Мазо М. А., Борисевич Ю. Е., Вахнина Л. В., Савостьянов Е. В., Головков А. Л., Горбулев В. Г., Белкселарская С., Корсунов В. А., Санько Н. Ф., Дравин В. А., Шабад А. Е., Дубровинский Л. С., Хелимский Е. А., Плотникова Е., Маслов С. В.

Журналисты — активисты избирательных кампаний 1989–1991 гг.

Малаш Л. Н., Карпов М. В., Пущинский С. В., Клиш Б. Л., Мостовой А. А., Кагарлицкий Б. Ю., Радзиховский Л. А., Панков А. С., Третьяков В. Т., Логунов В. А., Островский Г., Выжutowич В. В., Малыхина Т. Н., Орлова Г. М., Остальский Д. В., Терентьев А. С., Шакутин Ю. Н., Панушкин Г. П., Пенькова Е. М., Волкова Л. В., Ларин О. И., Додолев Е. Ю., Леонтьева Е. А., Топоровская И. Я., Масаиля К. Р.

Анархо-синдикалисты

Губарев В., Исаев А., Рябов П., Реутт Е., Шубин А., Гурболиков В. А.

Первый временный Координационный совет Московского объединения избирателей (1988 г.)

Шемаев Л. С., Музыкантский А. И., Трубе С. Е., Орлов О. И., Горбадей Я. А., Янушковский А. А., Иванцов Г. С., Макагонов П. П., Пономарев Л. А., Попов В. В., Боксер В. О., Катаев Д. И., Шабад А. Е., Боганцева И. В., Кригер В. Ф.

Доверенные лица Б. Н. Ельцина на выборах народных депутатов СССР (1989 г.)

Музыкантский А. И., Суханов Л. Е., Демидов Л. М., Михайлов В. А., Давыдов М. А., Сухоруков С. А., Еремеев И. П., Митина В. А., Гарнак А. Е., Камчатков В. Ф.

«Ельцин меня личным другом назначил»

Не везет мне, увы, с журналистами. Я уж привык: кто бы ни брал у меня интервью, обязательно мои мысли будут искажены. И мое мнение о представителях СМИ стало меняться в худшую сторону. Однако украинский журналист Дмитрий Гордон доказал, что не все журналисты утратили профессионализм — он произвел на меня впечатление человека, свободного от влияния на него идеологических и политических пристрастий.

Он приезжал ко мне в Молоково, я дал ему развернутое интервью, и мои слова не обкорнали. Вот этот текст с небольшими сокращениями.

* * *

— Добрый день, Александр Васильевич, очень приятно оказаться у вас в гостях, на подмосковной даче...

— Ну, не совсем так: это не дача, а мой дом — единственное место, где я прописан и постоянно живу.

— В любом случае спасибо за приглашение — давно мечтал с вами поговорить, поскольку вопросов накопилось немало. Скажите, на похоронах Ельцина вы побывали?

— Увы — в тот день уехал в командировку. Конечно, ее можно было и отложить, но я все равно не пошел бы.

— Что вы почувствовали, когда узнали, что Ельцина больше нет?

— Как это ни удивительно — ничего. Настолько он умер во мне за 11 лет, минувших после нашего расставания, что физический его уход ничуть меня не всколыхнул.

— У вас, как я понимаю, накопилось по отношению к нему немало обид. Не было желания чисто по-человечески, по-христиански его простить?

— Нет, я об этом даже не думал. (Пауза.) Знаете, я его уже давно простил... Какие счеты могут быть к человеку, когда тот не в своем уме, а ведь после 65 себе Борис Николаевич практически не принадлежал и даже своими мыслями, кажется, не руководил.

Когда Ельцин был первым секретарем Московского горкома КПСС, частенько, приходя с Политбюро, он очень сильно ругал старейшин: Громыко, Соломенцева, — и иногда у нас возникали по этому поводу дискуссии. Я говорил: «Есть точка зрения, что

после 70 люди только приобретают мудрость. В Китае, например, тех, кто этого возраста не достиг, вообще в Политбюро не включали — считалось, что лишь человек, доживший до преклонных лет, может думать о стране и народе. Ему уже не нужны ни женщины, ни вино, поэтому мыслит он более широко, масштабно». Ельцин придерживался противоположного мнения: «Нет, это не так. В 70 лет все превращаются в маразматиков, которых совершенно нельзя допускать к руководству державой».

Такие споры происходили у нас неоднократно, и я всякий раз спрашивал: «Какой же, по-вашему, предельный для политика возраст?» Ельцин всегда отвечал одинаково: «65 лет», и настолько себе эту мысль внушил... Как бы там ни было, встретив Бориса Николаевича утром 2 февраля 1996-го, на следующий день после 65-летия, я его не узнал. Передо мной был страшно постаревший и подурневший человек с явными признаками если не маразма, то какого-то дебилизма. Спустя время он смог постепенно встряхнуться, воспрянуть, но, видимо, это было только частичное восстановление. Впоследствии Борис Николаевич был лишь марионеткой в руках «семьи», Чубайса, Юмашева, Березовского и кого хотите еще, но сам уже не руководил.

— **Вы написали книгу, которая стала бестселлером и разошлась фантастическим тиражом, — если не возражаете, позволю себе на нее сослаться и приводить оттуда цитаты. Ну вот, для начала: «На службу охраннику положено выходить подготовленным — со свободным кишечником, с пустым мочевым пузырем... Я мог днями не есть, — пишете вы, — часами стоять на ногах и целый день не пользоваться туалетом». Как человеческий организм выдерживал такое над ним издевательство?**

— Помогал тренинг — больше ничего.

— **Вы принимали какие-то специальные препараты, лекарства?**

— Нет, что вы — просто был молодой, крепкий... Сейчас такие нагрузки мне уже не под силу.

— **Длительная работа в охране первых лиц не отразилась на вашем здоровье, не сделала вас инвалидом?**

— В советском государстве, когда год службы засчитывали за полтора, два или три, последствия определяли и с медицинской точки зрения, так вот, имея такую выслугу, люди и жили так же: год за полтора, два, три. К сожалению, я уже потерял многих своих ровесников — немало ушло и тех, кто был моложе.

— **Скажите, а как вообще относились партийные вожди к собственным телохранителям?**

— Юрий Владимирович Андропов, например, был носителем

высочайшей культуры. Не то что грубого слова ни разу не произнес — голос ни на кого не повысил.

— Сегодня в России идет некая переоценка личности Андропова, и все чаще ему дают положительные характеристики. Говорят, что это был прогрессивный реформатор и, если бы не его преждевременная смерть, страна могла пойти по совершенно другому пути...

— Согласен, ведь если Китаю это удалось, то чем мы хуже? Просто государству нужно было повернуться к человеку, как у нас говорили (но не делали!), лицом.

— Вы испытывали к Андропову уважение?

— Безмерное. Одно всегда вызывало у меня тревогу: он чересчур доверял своим людям, и многие беззастенчиво этим пользовались. Яркий пример — доктор Архипов, который был специалистом низжайшей квалификации, но Юрий Владимирович вверил себя в его руки, и тот был с ним до конца, до последних минут. Ну, хорошо, Андропов скончался, и где оказался Архипов? Его, личного врача Генерального секретаря, никто на работу не взял, даже не предложил трудоустроить. По идее, он должен был получить хорошую должность в Четвертом управлении Минздрава (так было заведено), но его тихо убрали и тут же забыли...

— Как же так получилось, что врач столь невысокого, по вашим словам, уровня стал лейб-медиком руководителя огромной страны?

— Когда-то Андропов с ним просто сдружился, а к людям Юрий Владимирович очень привязывался — таким уж он был. Начальнику Службы охраны КГБ СССР Плеханову, скажем, доверял безоговорочно, его шефу Крючкову — тоже, хотя в последние часы жизни Андропова тот же Плеханов его сдал — по-другому его поступок назвать не могу.

— Это правда, что вы присутствовали при агонии Андропова и что умирал он на ваших глазах?

— В принципе, было ясно, что это конец, но смерть не при мне наступила — позже. Агония могла продолжаться несколько месяцев — никто не имел права на эвтаназию, но приехали Черненко с Плехановым...

— ...при вас?

— При мне... Виктору Иванову, начальнику подразделения охраны Андропова, они приказали сдать ключи от сейфа и все, что положено, а ведь больной был хоть и без сознания, но еще живой. Увы, его выдвигенец Плеханов, обязанный охранять и охранять Юрия Владимировича до последнего вздоха, оказался одним из тех, кто тут же решил выслужиться перед Черненко.

— Мне приходилось слышать, что Андропов не своей смертью умер, дескать, его кончину приблизили — это так?

— Ситуация несколько странная... У Юрия Владимировича, когда он лежал в ЦКБ, постоянно дежурили три реаниматора, но если два из них настоящие профессионалы, выбрали эту специализацию еще в мединституте и с первого курса готовились вытаскивать больных с того света, то третий был терапевт (может быть, и хороший), который всего лишь соответствующие курсы окончил. Именно в его дежурство Андропов скончался, причем сменщики в один голос твердили, что, если бы там находились, не дали бы ему умереть...

— Если уж речь зашла о последних минутах генеральных секретарей, спрошу: это правда, что Брежнев умер во сне и, если бы рядом была, как обычно, его супруга (в те дни отсутствовавшая), «верного ленинца» можно было спасти?

— Так говорили ребята из его охраны. С их слов, Леониду Ильичу не хватило сил, чтобы дотянуться до звонка и вызвать дежурного...

— Вы, Александр Васильевич, и Брежнева охраняли?

— Да, много раз: брали практически во все большие командировки — на подмогу. Начальник его личной охраны Александр Яковлевич Рябенко отлично ко мне относился и очень хотел взять к себе, но мое руководство было категорически против. Будучи хорошим спортсменом, я выступал (и, как правило, удачно!) в нескольких видах, поэтому из моего подразделения отпускать не хотели.

— Какое впечатление производил на вас Брежнев?

— Самое замечательное — из всей той верхушки он был наиболее человечным. К людям, которые его окружали, независимо от того, офицер это, сотрудник, который стоит на посту у ворот, парикмахер, повар или официантка, Леонид Ильич относился душевно, всегда был удивительно дружелюбным.

Вспоминаю, как однажды я поставил на место его парикмахера Толю. В недавно показанном российским Первым каналом сериале «Брежнев» этого персонажа сыграл покойный Краско, но совершенно неправильно (хотя что-то от прототипа там все-таки было — тот тоже всегда себя вел нахально). Это был маленький тщедушный человечек, с утра до вечера пьяный, но, брея Леонида Ильича опасной бритвой, Толя, со своими дрожащими руками, умудрился ни разу в жизни его не порезать.

— Как же такого пьянчугу к высочайшему лицу допустили?

— А он только утром работал — остальное время искал, где бы глотнуть. Однажды в Ливадии вечером я поехал собирать

после увольнения опаздывающих ребят. Еду, гляжу по сторонам и вижу — Толик, естественно, в доску пьяный. Усадил я его к себе и покатил дальше — за остальными, а он распалился: мол, обойдутся другие, главное — скорее его довезти. «Успокойся, — сказал я ему, — ты не один», а брадобрей давай меня оскорблять. Ну, остановил я машину, вышел и выкинул его на обочину.

Все были уверены, что завтра же меня вызовут на ковер и уволят к чертовой матери, ведь он на всю Ливадию орал, что сотрет Коржакова с лица земли, но на следующий день сам ко мне подошел и сразу: «Саня!» — будто мы с ним друзья закадычные. Понял, что получил заслуженно, тем более при свидетелях...

— В фильме «Брежнев» главного героя блистательно, на мой взгляд, сыграл Шакуров, а какое впечатление произвел этот сериал на вас?

— Мне картина очень понравилась, и особенно игра Шакурова: я дал бы ему за эту роль Ленинскую премию.

— Вернемся к Ельцину. В своей книге вы написали, что Борис Николаевич вел себя как настоящий партийный деспот — в чем это выражалось?

— Если ради показухи или в назидание другим нужно было кого-то унижить или, как у нас сейчас на блатной манер говорят, «опустить», он никого не щадил, несмотря на то что иногда разнос был несправедливым. Ельцин спокойно мог через человека переступить и не поинтересоваться, какова его дальнейшая судьба. А ведь многие в результате попадали в больницу с инфарктами, даже заканчивали жизнь самоубийством — был и такой случай. Ему это было безразлично — дескать, отработанный материал, и если снимал с должности, то раз и навсегда. За 11 лет нашей совместной работы было только два случая, когда Ельцин беседовал с сотрудником после того, как принял решение о его увольнении.

— Вы о себе?

— Нет, я в число этих счастливицев не попал. Речь о Баранникове, бывшем министре безопасности. Все-таки Борис Николаевич очень ему симпатизировал и с сожалением его отстранил, когда тот был уличен в злостной коррупции. Я фактически слушал последний их разговор — вынужден был, потому что Баранников мог заявиться с оружием и неправильно себя повести.

— Застрелиться?

— Нет, застрелить!

— Ельцина?

— А почему бы и нет? Он страшно не хотел покидать пост

министра безопасности, который придумал, создал «под себя», и вдруг так вляпался на каком-то проходимце Бирштейне...

— «Сиабеко»?

— Да-да, «Сиабеко», Бирштейн, Якубовский — одна была шайка. Это дело мы раскрутили, Ельцин ткнул Баранникова физиономией, а тот уже ничего не мог сделать. На прощание Борис Николаевич решил побеседовать с ним по душам, но экс-министр не смог убедить президента в своей невинности (я это знаю, потому что, повторяю, все слышал — стоял за приоткрытой на всякий случай дверью).

— Вы были с оружием?

— Тогда с ним не расставался.

Это была одна такая прощальная встреча, а вторая состоялась с Николаем Дмитриевичем Егоровым — главой ельцинской Администрации. Кстати, во многом за счет его энергии и здоровья Борис Николаевич победил на выборах в 96-м. Не благодаря Чубайсу, — не верьте его рассказам! — просто СМИ были у этих ребят в руках: вот они себе все заслуги и приписали. На самом деле избирательную кампанию выиграла Администрация президента совместно со Службой его безопасности — первая организовала выборы, а вторая чемоданами деньги возила.

— Хм, а я слышал, что коробками из-под ксерокса...

— Это Чубайс доллары себе в них тащил, когда воровал бюджетные средства, а мы все, что вносили на предвыборную кампанию банкиры и предприниматели, доставляли по назначению. Потом уже штаб распределял, кому сколько.

Президентские выборы Ельцин-то выиграл, но у него не осталось ни грамма сил, чтобы руководить страной, — вот и решил главой администрации назначить Чубайса.

— Не секрет: Ельцина в Москву пригласили Горбачев с Лигачевым, и, судя по всему, Михаила Сергеевича на первых порах Борис Николаевич боготворил...

— Так на самом деле и было. К телефону прямой связи с Генеральным он летел со всех ног — бросал все, чем бы ни занимался. Ну, представьте: за столом идет совещание, мы где-то в сторонке сидим — и вдруг звонок. У него стул падал, так он вскакивал, чтобы бежать к аппарату... Только и слышно было: «Михал Сергеич, Михал Сергеич, Михал Сергеич...» Он даже на «вы» к нему не обращался, исключительно по имени-отчеству. Как заладит через каждое слово...

— Почему между ними пробежала черная кошка?

— Я не хочу строить догадки — исчерпывающий ответ мог дать только Ельцин, и в своих мемуарах он кое-где этой темы

коснулся. Борис Николаевич хотел улучшения сегодня, сейчас, а поскольку такие вещи быстро не делаются, что-то из задуманного не получалось, и виноваты были, как водится, все вокруг. Вроде бы все хорошо, замечательно, но палки в колеса партийная номенклатура ему, тем не менее, ставила, а он с этим смириться не мог. Ему же и с демократией надо было все и сразу... После провала путча Ельцин обещал людям: «Через год заживете прекрасно. И зарплата у вас будет хорошая, и еды вдоволь — у каждого полный холодильник». Увы, ни одно из его обещаний исполнено не было.

— Когда будущего царя Бориса с треском выгнали с поста первого секретаря Московского горкома партии, его личные охранники должны были, согласно инструкции, от него отмежеваться, занять позицию по другую сторону баррикад. Вы, тем не менее, поступили как настоящий мужик: остались с ним и возили его на своей «Ниве». Почему? Ощущали перспективу или просто сочувствовали опальному боссу?

— Вы немножко форсируете события. С должности первого секретаря Московского горкома его сняли в ноябре 1987 года и лишь в феврале 88-го вывели из состава Политбюро. Черный от горя Ельцин лежал в больнице, а потом ему предложили стать первым заместителем председателя Госстроя СССР, оставив при этом членом ЦК.

— Почетная ссылка?

— Ну, что-то вроде того, но когда его вывели из Политбюро, он, естественно, перестал быть охраняемым лицом, то есть формально мы расстались. К нам, помню, приехал Плеханов и приказал: «Сдайте оружие. Пока все по домам, а потом мы вас вызовем».

В этот период у нас остались чисто внеслужебные отношения: позвонить, в гости прийти... Никто еще никого не возил — я вернулся на службу, попросился дежурным. Меня очень устраивал график работы: сутки через трое, потому что я обожаю свое Простоквашино (деревня Молоково в 90 километрах от Москвы, родина матери Коржакова и где он сейчас живет. — *Авт.*). Дома вообще мало бывал: на трое суток сбегал сюда и полностью отключался от дел. С Ельциным, между тем, мы продолжали общаться. Он приезжал ко мне в гости, когда выходные у нас совпадали (а их у меня при таком графике хватало), я бывал на его госдаче в Успенском...

1 февраля 1988 года у Ельцина был очередной день рождения — вот мы с напарником Виктором Суздалевым (несколько лет назад он погиб — разбился по дороге на дачу) и поехали его поздравить. Кроме подарков и цветов, взяли с собой вина и

закуски. Все было душевно: помощник Бориса Николаевича Лева Суханов играл на гитаре, мы пели. И загуляли в Госстрое до утра. Естественно, кабинеты «бунтаря» прослушивали, а мы дифирамбы ему пели. Какие? Нет, мы не думали, что когда-нибудь он поднимется, — наоборот, говорили, чтобы держался и не переживал, потому как жизнь продолжается и не так уже все плохо. Его же не в лагерь отправили, не в лефортовскую тюрьму...

— **Вас после этого вызвали?**

— Через несколько дней спокойненько попросили.

— **В смысле, уволили?**

— Ну, разумеется! Конечно, для меня это была трагедия: с 68-го в органах — 20 лет! — и делать больше ничего не умел. К тому же я был всегда в числе первых — что называется, ходил в отличниках, и вдруг ни с того ни с сего... Мне и в голову не приходило, что за такое можно слететь с работы. Мы же не с врагом народа общались, и когда меня переубеждали, я говорил: «Ребята, он — член ЦК, министр, почему с ним нельзя посидеть по-мужски? Идите куда подальше, не буду вас слушать».

После увольнения стало проще — устроился в кооператив, и мы стали встречаться еще чаще. Так продолжалось до осени, когда его якобы с моста сбросили. Тогда-то и было принято решение о том, что надо Ельцина охранять, а раз охранять, то, естественно, и возить. Видите, сколько всего случилось...

— Я хорошо помню, как с трибуны Съезда народных депутатов СССР прозвучало, что враги сбросили Ельцина с моста, совершив, так сказать, покушение. Но годы спустя люди, тоже входившие в ЦК, уверяли меня, что на самом деле все обстояло не так. Ельцин, дескать, поехал к своей зазнобе, которая работала поварихой на одной из успешных госдач, бросил в окошко ей камешек, но вышла к нему не она, а мужчина, который как раз у нее был. Завязалась якобы драка, а кончилось дело тем, что озверевший мужик бросил некстати объявившегося соперника в лужу, что Борис Николаевич и представил всем как падение с моста. Что же произошло в действительности?

— К сожалению или счастью, никто, кроме Ельцина, пролить на эту историю свет не мог. Что-то докладывал Бакатин, который был тогда министром внутренних дел и занимался этим вопросом, но он тоже мямлил, мямлил... Ни одна версия фактами не подтверждалась. Да, костюм был мокрым и грязным, может, к нему прилипли и водоросли, но никто не исследовал, откуда они: из лужи или из реки.

На следующее утро я приехал на то место, где, по словам Ельцина, его сбросили в воду, и увидел: там уцелеть при падении

вряд ли можно, потому что высота моста — метров шесть, а река мелкая — глубина максимум около метра.

— С его-то ростом и весом!..

— Да, причем он рассказывал, что чуть не утонул, пока мешок, в который злоумышленники его затолкали, с головы стягивал. До дна доставал ногами и выпрыгивал, пытался глотнуть воздуха... Так и скакал до берега (помните, бег в мешках у нас раньше практиковали?) и только на суше эту дерюгу с себя снял. Попробуй теперь докопайся до истины... Думаю, или его не там сбросили, или все это сказки, плод больного, так сказать, воображения.

— Я не могу не спросить у вас о переломном в истории Советского Союза событии — так называемом августовском путче. Мне приходилось не раз слышать, что заговор гэкачепистов был осуществлен с ведома и под руководством Горбачева...

— Михаил Сергеевич эту версию отрицает — говорит, ничего не знал и не предполагал, однако те генералы и высокопоставленные чиновники, которые до и после переворота к нему приезжали, утверждают обратное. Пускай остается на их совести, но, как показывают дальнейшие события, скорее всего, было именно так, как вы говорите.

— Все тогда думали, что Ельцина арестуют немедленно, чуть ли не первым, — вы этого ждали?

— Конечно, хотя для нас все оказалось неожиданным. Многие потом недоумевали: «Как же так — почему вы со своей службой не предусмотрели это заранее, не просчитали?» Никто даже представить не мог, что службы как таковой не было — маленький отдел безопасности Председателя Верховного Совета Российской Федерации. В штате народу всего ничего — дай бог личную охрану Ельцина организовать и того места, где он проживал, ведь мы противостояли всемогущему КГБ СССР.

— В ночь с 18 на 19 августа 1991 года Ельцин пребывал в Казахстане с официальным визитом?

— Да, в Алма-Ате. Возможно, Назарбаев или что-то наверняка знал, или о чем-то догадывался, потому что умышленно затягивал наш отъезд. Застолье, застолье... По расписанию пора улетать, воздушный коридор уже предоставлен — нет, давай еще! Задержались на несколько часов, прибыли очень поздно, поэтому сразу легли спать, а в шесть утра меня разбудил дежурный по приемной: «Александр Васильевич, включайте телевизор — в стране переворот!» Щелкнул кнопкой, а там «Лебединое озеро». Пока собрался, оделся, навел справки. Побежал к Ельциным, стал их будить...

Конечно, мы ждали, что людям расскажут, в чьих интересах переворот-то. Я знал, как тяжело шли переговоры между республиками, как непросто тянулся новоогаревский процесс, но в конце концов компромисс был найден. Горбачев практически на все согласился, и через два дня должны были подписать новый союзный договор.

Единственное смущает меня до сих пор: что-то не помню, чтобы к этому подписанию как-то готовились... Обычно пропагандистская шумиха заранее поднимается, газеты артподготовку ведут. Скоро, мол, договор будет подписан, уже прибыл такой-то (Ниязов или кто-то еще — первым приезжает всегда самый дальний), а здесь тишина. Завтра вроде уже подписание, а в планах у нас не указано, где это произойдет: в Ново-Огарево, Кремле или, может, в Доме приемов на Ленинских горах. Никакого движения не было — именно это вызывает у меня сомнения и косвенно подтверждает, что Горбачев знал: церемония не состоится.

— Как человек опытный и искушенный в подковерных играх, что вы почувствовали, когда услышали о путче? Не было страха?

— Некогда было об этом думать, потому что задача передо мной стояла одна: Ельцина уберечь. Решение охранять его приняли в 88-м, а это был 91-й, то есть я к тому времени три года при нем состоял. Сначала один был, а потом потихонечку-помаленечку... Когда Бориса Николаевича Председателем Верховного Совета России избрали, мы официально смогли набрать в свой отдел охраны людей, вооружить их и хоть какую-то создать видимость защищенности.

— Борис Николаевич испугался?

— Нет, вел себя абсолютно спокойно — складывалось впечатление, что просто еще не соображал, что к чему. Сперва Нурсултан Абишевич потчевал, потом в самолете добавили... Домой уже приехали никакие. А в полседьмого я его разбудил: «Подъем!» — «Какой подъем, какой путч — вы че здесь, ребята, придумали?»...

— Видные в прошлом чекисты в беседах со мной утверждали, что и Горбачев, и Ельцин смертельно боялись силовых структур...

— Горбачев, наверное, да — смертельно, а Ельцин просто старался с ними дружить. У себя в Свердловске он всегда приближал к себе начальников УКГБ и УВД и прикармливал их: на любых пьянках, любых мероприятиях те были рядышком. Вместе с тем, и Борис Николаевич, и Михаил Сергеевич не просто боялись органов — ни тот, ни другой методов их работы не

представляли, и обоим постоянно казалось, что все там про них знают. Мои коллеги всегда любили (и сейчас любят!) показать, что они всезнающие и всеведущие, а если у тебя рыло в пуху, если ты в чем-то замешан, конечно, будешь трястись и оставаться зависимым. Они же — и один, и второй — не безгрешные были.

— До Ельцина в конце концов дошло, что его могут арестовать?

— А как же — да оно так и было! Потом подтвердилось, что группа «А» была рядом, в лесу — ждала только команды...

— «А» — в смысле, «Альфа»?

— Ну, «Альфой» ее журналисты потом окрестили, а официально она называлась группа «А» Седьмого управления КГБ СССР.

— Действительно ли представители американского посольства, которое располагалось недалеко от Белого дома, предложили Ельцину укрыться на их территории?

— Я сам вел об этом переговоры: не с послом, но со вторым или третьим лицом неоднократно. У нас, в частности, была четкая договоренность, что на случай штурма Белого дома задние ворота американцев круглосуточно будут открыты. Так продолжалось три дня — если что, можно было спокойно туда перебраться...

— Почему же Ельцин не воспользовался гостеприимством?

— Мы с ним условились: если начнется штурм, есть два пути. Первый — спуститься в подвал Белого дома, где находилось огромное современное бомбоубежище, способное защитить от любой бомбы. Там было вполне реально несколько недель просуществовать, но потом все равно надо было вылезать, выкуриваться. Второй вариант — территория американского посольства, где жить можно было хоть год и на весь мир вещать, что здесь творится (лично мне больше второй вариант импонировал). Ельцину я доложил: так, мол, и так — и услышал в ответ: «Сами решайте».

Когда началась пальба и погибли три парня, на пятом этаже Белого дома было все хорошо слышно. Впечатление, что везде, как на Новый год, взрывались петарды — оружия на руках было уже много. Руцкой хорошо сработал: то, что принадлежало Белому дому, раздали плюс еще и со стороны привезли — непонятно откуда. В общем, палили кому не лень.

Ну вот, я Ельцина разбудил: «Давайте на выход». Он спал в одежде: набросил пиджак — и вперед! Полусонного в машину его посадил, открываем ворота, ребятам команду даю, чтобы разобрали на пути баррикады, и тут Борис встрепенулся: «Куда

это мы едем?» — «Как куда? В посольство, к американцам». Он сразу очухался: «Никакого посольства!» — «Тогда в подвал?» — «Идемте».

— **Как вы думаете, в нем сработала интуиция?**

— Кто его знает... Просто не захотел ехать — и все, хотя у нас с американским послом были прекрасные отношения.

— **Ельцин тогда казался этаким мощным русским медведем, рыцарем без страха и упрека...**

— Когда хорошо принимал, он и впрямь был бесстрашным.

— **Кто, интересно, был идеологом путча? Председатель КГБ СССР Крючков?**

— Да, безусловно. Это очень умный человек, очень сильный, другое дело, зачем было таким путем поворачивать историю вспять? Строй, который свое отжил, силой вернуть нельзя.

— **Это правда, что за несколько дней до путча Ельцин встречался с Крючковым у него на Лубянке и тот, протянув на прощание руку, сказал вам: «Александр Васильевич, очень прошу — берегите Бориса Николаевича»?**

— Так и было... Накануне отъезда к Назарбаеву в Казахстан.

— **Иезуитом был товарищ Крючков?**

— Я не могу так сказать. Слышал, что уволили меня из КГБ якобы по его команде, но не думаю, что он отслеживал, как я с Ельциным выпиваю и как мы с ним в бане паримся. Это были нормальные мужские отношения — ничего особенного.

Конечно, Крючков эти вопросы отслеживал, но был еще один интересный момент. Я близко дружил с бывшим патроном по Афганистану Владимиром Степановичем Редкобородым, которого впоследствии, после ареста Плеханова, по моей протекции назначили начальником Девятого управления. С ним я был исключительно откровенным, потому что тех, с кем прошел Афган, считал братьями: там отношениям «начальник — подчиненный» места нет. Редкобородый же был очень близок с Крючковым, поэтому многие вещи до того, разумеется, доходили.

— **Кадры хроники, где Ельцин обращается к москвичам, забравшись на танк, стали символом победы демократии над путчем...**

— Это потом их сделали символом, а на самом деле все было прозаически... Около одиннадцати (или чуть позже, может, в полдвенадцатого) кто-то, скорее всего, Бурбулис, подбросил идею: мол, пойдемте с народом поговорим. «Пойдемте, пойдемте!» — тянет... Ну, пошли, а там танки стоят невдалеке. «Айда к танкистам!» Ну, подошли, а дальше-то что? Тут и возникла мысль забраться на броню, только как? Я не танкист, Борис Николаевич никогда рядом с этой техникой не стоял.

Сообща как-то залезли...

— Когда в очередную годовщину создания ГКЧП по телевизору вы видите себя с Ельциным на танке, какие возникают мысли?

— Горько становится оттого, что люди, которые были вдали от событий, называют путч опереточным. Особенно неприятно слышать это от питерских, которые просто нас одолели. Захватили в стране власть, а кто они, собственно, такие? Ни в 91-м году рядом их не было, ни в 93-м — они выжидали. Как историки говорят: в то время, когда пролетариат проливал свою кровь на баррикадах, буржуазия медленно карабкалась к власти. Здесь напрашиваются прямые аналогии, потому что люди, которые к этой борьбе отношения не имеют, сейчас главные демократы: ордена за заслуги друг другу вешают.

— Я вспоминаю детективную историю вокруг плотно набитой деньгами коробки из-под ксерокса. Накануне второго тура выборов-96 она туда-сюда путешествовала — куда это в ней несли полмиллиона долларов?

— Начну издалека. Когда мы организовывали избирательный штаб, каждый предложил свою схему: я одну, Илюшин другую (он, например, ввел в нее Лисовского и Чубайса). Я настаивал, что контролировать финансовые потоки должна Служба безопасности президента, но Ельцин меня не поддержал — принял план, при котором реальных рычагов мы лишались. Причем на меня он самые трудные вопросы повесил, а Службу охраны вообще задвинул, хотя без нее и шагу нельзя было ступить — она сыграла в избирательной эпопее огромную роль.

Деньги в коробке из-под ксерокса, как потом оказалось, были бюджетные, а изымал их из казны первый замминистра финансов Герман Кузнецов. Не знаю, откуда он их отрезал, но проворачивал эту операцию, видимо, не один раз. Когда в его сейф залезли, обнаружили там наличными два миллиона долларов и платежки на сотни миллионов в Латвию, на какие-то экзотические острова (изготовление печатной продукции оплачивалось вообще на Багамах). Интересные вещи открылись... Всё, как есть, мы решили оставить в сейфе и поймать хозяина с поличным, когда он станет оттуда что-нибудь доставать, но вот незадача — деньги исчезли бесследно. Несмотря на то, что была установлена техника и велось круглосуточное наблюдение, два миллиона буквально испарились — так их и не нашли (надо отдать Герману должное: умел уходить от опасности).

Полмиллиона в коробке из-под ксерокса, о которых вы спрашиваете, должен был получить Евстафьев, а он взял с собой (просто так, совершенно без задней мысли) Лисовского: мол,

пойдем за компанию. У Евстафьева был пропуск, с которым можно было ходить везде без проверки и проносить все, что хочешь, но мы-то знали, что эти ребятки несут, и я отдал команду их задержать...

Накануне я Ельцину прямо сказал: «Вас постоянно и систематически обворовывают». Он насупился: «Дайте мне доказательства». Мы их и предъявили — пожалуйста! Не стали неделю искать, месяц ловить — на следующий же день схватили воров с поличным.

— **Шум сильный поднялся?**

— Скандал раздула вся эта банда: Березовский, Юмашев, Дьяченко, Чубайс, Киселев... Решили тех, кто их вывел на чистую воду, задавить криком.

— **А зачем ночью Ельцина разбудили — он ведь почти уже ничего не соображал и вдобавок очень плохо себя чувствовал?**

— Об этом надо спросить Наину с Татьяной. Он только-только с трудом уснул, а его растолкали. Какой смысл? Пусть человек отдыхает — утром во всем разберется. Мы же не собирались куда-то передавать материалы, сообщать о происшествии прессе... Евстафьева с Лисовским уже допросили, они абсолютно во всем сознались. Вот протокол, где написано: откуда деньги, кто взял, — успокойтесь! Нет, все равно подняли старика с постели. Ну, позвонил он мне: «Что стряслось?» Я: «Борис Николаевич, спите, пожалуйста, отдыхайте. Все нормально, у нас под контролем», но тут разве уснешь?

— **Почему же Чубайс и К° взяли верх?**

— За ними стоял капитал: Березовский, десять банкиров плюс Танечка, которая сидела у них «на ухе». Мы президенту одно говорили, а дочка, с другой стороны, плела свое. Она же ему напропалую врала!

— **Получается, деньги государственный подход пересилили?**

— Конечно, это рычаг мощный, а если человек не соображает, не оценивает сам свои действия, он просто беспрекословно выполняет то, что ему скажут. Как дочка родная напела, так Ельцин и поступал, а чего обо мне тогда напридумывали! Филатов с Гайдаром даже наплели шефу, что я хочу стать президентом России. Стоило мне только заикнуться, что выборы нужно перенести, они тут же ему свою версию — пожалуйста! Когда я об этом услышал, мне плохо стало.

— **А что же Борис Николаевич? Поверил?**

— Конечно — а чего вы хотите, если он маразматик? Сначала сами мне высокий рейтинг нарисовали, а потом им же душили:

«Видите, какая у Коржакова популярность? Это все потому, что он за вас оставался, а теперь подомнет и будет первым». Да кто выводил эти цифры, кто опрашивал людей, знают они Коржакова или видеть не видели?

— За несколько недель до второго, решающего тура последних в своей жизни выборов Ельцин громогласно объявил, что увольняет Коржакова, Барсукова и Сосковца, и сопровождал это заявление загадочной фразой: «Они много на себя брали и мало отдавали». Что вы почувствовали, услышав такие слова после стольких лет верной и преданной службы?

— Сейчас, если честно, уже ничего не чувствую, а тогда... Большое облегчение испытал: слава богу, такой хомут сняли. Работать с Ельциным — это была мука, 11 лет мучений! Я же семьи не видел, фактически без меня младшая дочь выросла — просто забыла, как отец выглядит. За старшей я еще успел присмотреть, довести ее до ума: она с медалью школу окончила и поступила куда хотела. А младшую из школы выгнали: пришлось потом устраивать в медучилище.

— Скажите, а вы не боялись, когда решили издать мемуары?

— Опасался единственного: идя на свою первую пресс-конференцию, думал, что меня арестуют и не дадут даже слова сказать. После того как этот придурок Чубайс заявил, что они забили последний гвоздь в гроб (до сих пор непонятно чей), мне пришлось вести полулегальный образ жизни. Я знал, что дана команда меня задержать, не допустить в гостиницу «Рэдиссон-Славянская», где была намечена встреча с журналистами, поэтому просто на три дня уехал. Мне подобрали конспиративную дачу, гулять выходил только ночью. Там и готовилась пресс-конференция, а после этого меня уже ничем нельзя было запугать: вышел и объявил, что все нормально и я живой... В общем, что хотел, то и сказал.

— Слышал, что после прочтения вашей книги Ельцин получил очередной инфаркт...

— Вранье.

— Цитата из вашего интервью: «То, что он мог получить от моей книги инфаркт, — бред, потому что он ее не читал. Он не читал никаких книг уже лет двадцать, с тех пор как Ленина закончил штудировать»...

— Думаю, к концу жизни Ельцин и буквы забыл, потому что, когда ему приносили для ознакомления документы, он пробегал глазами только «собачку», которую Илюшин писал. Два слова о том, какую резолюцию должен наложить: согласен — не согласен, а в текст он вообще не заглядывал.

— В «Записках президента» Ельцин назвал вас своим личным другом — он действительно таковым вас считал?

— Он меня личным другом назначил... Поймите, всю жизнь Борис Николаевич был начальником. Практически только первый год после института проработал, так сказать, рядовым, а потом сразу пошел на повышение и с тех пор на грешную землю уже не опускался. Я же руководителем вообще никогда не был, пока он меня не поставил. Точно таким же волевым решением Ельцин определил меня и в друзья.

— Вы были на «ты»?

— Нет, я никогда с ним не фамильярничал. Он со мной быть на «ты» мог — иногда. Я был для него когда Александр Васильевич, когда — Александр, а в подпитии и Сашей.

— Это правда, что дважды вы с Ельциным резали вены и смешивали кровь?

— Пожалуйста (показывает руку) — вот один шрам, а вот другой.

— При каких обстоятельствах это происходило?

— Ну, знаете, трезвым он никогда не был...

— И чем же вы резались?

— Ножом: он мне, я ему... Первый раз все получилось случайно, в бане. Мы были в Якутии, и там ему подарили специальный якутский нож для разделки рыбы, чтобы сырой ее есть. Ельцину часто дарили ножи, и он любил ими пугать приближенных: бывало, повернет резко лезвие и тыльной стороной так — вжик! — махнет по запястью. От неожиданности люди, естественно, дергались, а я его фокусы знал и, когда Бородин вручил ему нож, подумал: «Сейчас точно будет меня полосовать». Так и получилось: он раз! — но я даже не шелохнулся. «Что, не боишься?» — спросил. «Ни капельки». — «А если по-настоящему?» — «Да пожалуйста». Он и чиркнул, а потом испугался: хлынула кровяшка, залила простыни. «Нет, не могу так, — сказал, — давай теперь ты меня». Ну, я у него кожу на кисти немножко надрезал.

— И что, смешали кровь?

— Ну да... Обычный пьяный базар — ничего серьезного. Второй раз это произошло в Президентском клубе, тоже неожиданно. Сидели, пили пиво, и вдруг, ни с того ни с сего, у него бзик случился: взял у поваров хлебный нож. Я: «Борис Николаевич, мы уже с вами резались». — «Да? Что-то не помню. Давай еще...»

— Однажды Наина Иосифовна сказала: «Мы Александра Васильевича любили, считали членом семьи, а он нас предал». Вы с этим согласны?

— Одна газета поместила обо мне статью под названием «Преданный предатель»: то ли я, дескать, был предан Ельцину как человек и потом предал его, то ли меня предали... Я, честно говоря, готов был разойтись по-джентльменски, молчать, но началась травля в прессе, надо мной нависла угроза физической расправы, до моего сведения довели, что «семья» дала разрешение на арест Коржакова — так кто здесь предатель? Наина Иосифовна же провокаторша, не говоря о том, что она меня не любила. Лицемерки — и она, и Татьяна, а самая порядочная, как ни парадоксально, старшая дочь Елена.

— Как сегодня думаете, вы любили Ельцина как человека?

— Когда его сместили с должности первого секретаря Московского горкома, я считал, что он за дело страдает, хочет вроде, чтобы нам, москвичам, хорошо было, а его за это полощут. Тогда, видя, как ему тяжело и как он по этому поводу переживает (Борис Николаевич же и напивался, и голова у него часто болела), конечно, я его очень жалел. Но это была не сыновняя любовь, а, скорее, человеческое сострадание к несправедливо обиженному. Вот так, наверное, а любить его было не за что — по большому счету, он малокультурным был человеком, хотя матом и не ругался. Практически не ругался...

— Что для начальника такого уровня весьма удивительно...

— Если надо было, как бывший строитель, Ельцин, разумеется, мог крепкое словцо употребить, и здесь, в Москве, иногда у него что-то проскакивало, но он не терпел, когда кто-то рядом допускал, так сказать, выражения. Поэтому мы все в этом плане себя сдерживали, но хватало других моментов, которые свидетельствовали о его низжайшей культуре. Ну что теперь сделаешь...

— Смотрите, Горбачев ко всем подчиненным, даже людям старше себя, обращался на «ты», а Ельцин — на «вы»...

— Да, если так сравнивать, внешней культуры в Горбачеве было меньше, но когда первые лица хорошенько принимали на грудь, тут уж из каждого вылезала своя свинья. Правда, я никогда Горбачева пьяным не видел...

— Неужели он вовсе не напивался?

— Просто при этом я не присутствовал. Наверняка напивался, раз Раиса за это его мордовала, тем более ставропольское гостеприимство известно — туда столько всегда гостей приезжало...

Ваш Кучма тоже, кстати говоря, был не дурак выпить. Помню, приехал как-то раз в президенты проситься...

— Не понял: куда?

— В 94-м году Леонид Данилович хотел стать президентом Украины, и ему позарез нужна была помощь России. Вместе с Борисом Николаевичем они так хорошо посидели тогда в Старом Огареве, что я страдаю из-за этого до сих пор. Кучму-то кое-как донесли, хотя он потом всю машину Барсукову обгадил, а Ельцин летел головой в дверной косяк, и я его еле поймал. Все бы ничего, но незадолго до того меня прооперировали, и под таким весом швы разошлись — все труды хирургов пошли насмарку.

Как сейчас помню, у них такая была любовь — целования, обещания... В итоге получили 100-процентное исполнение обязательств со стороны России и нулевое — со стороны Украины.

— Неужели Леонид Данилович обвел Россию вокруг пальца — пообещал и не выполнил?

— Однозначно обвел. Надо было с него расписки взять, чтобы потом, когда время придет, выдать — к откровениям Мельниченко добавка была бы хорошая...

— А что, Кучма получил от России под выборы какие-то деньги?

— А как же, причем немалые! Мне Сосковец рассказывал, как ему пришлось нефть продавать — излишки искать, повышать квоты, чтобы за счет перепродажи выручить живую наличку. Я не могу рассказать, как все технически происходило, — лично Кучма доллары брал или кто-то из его команды, но тот факт, что Россия в этом участвовала, никто сегодня не отрицает. Договоренность же о поддержке была достигнута, как раз когда Леонид Данилович очень хорошо с Борисом Николаевичем поддали.

— Однажды, характеризуя Березовского, вы сказали, что он сумасшедший...

— Думаю, это давно всем понятно.

— Сумасшедший?

— Ну а как еще назвать человека, который начинает вдруг уговаривать кого-то убить, застрелить? Сперва мне казалось, что это шутка, но нет — все было всерьез. Он же ко мне приходил и просил, чтобы я Кобзона «пришил», Лужкова, Гусинского... Я-то совсем по другим вопросам общаться хотел, но он сразу переходил на «мокрые» темы.

— А каким образом вы должны были устранить, предположим, Кобзона?

— Я себе этого не представлял, поэтому сразу его обрывал: «Слушай, парень, соображай, что несешь!»

— Существует ли аудиокассета, где он вас просит кого-то убить?

— Теоретически она, может, и есть, потому что у меня в кабинете писалось практически все, но я не могу рыться в архивах, искать, где там и что. Согласитесь, летом 96-го я уходил достаточно неожиданно.

— Когда трагически погиб Листьев, в организации этого дерзкого по сути теракта заподозрили Березовского...

— Заказчиками его убийства я однозначно считаю Березовского и Лисовского — эти люди сначала, якобы, вдрызг разругались, а потом, когда Влада не стало, сразу объединились. Дело в том, что Листьев был против засилья рекламы и готовил серьезные изменения на ОРТ, которое Борис Абрамович практически приватизировал. Березовский рассказывал мне: «Все, рекламы больше не будет, и замечательно, тем более что Лисовский — сволочь, его надо похерить к чертовой матери». Это, впрочем, не помешало им после того, как главная преграда была устранена, создать отдельную компанию и стать друзьями по гроб жизни. Чего же они спелись — просто так, что ли?

— Когда в Великобритании уничтожили отставного полковника ФСБ Литвиненко, вы заявили, что это мог сделать только Березовский. И сейчас так считаете?

— По-моему, здесь, в Москве, уже все так считают. Первым такое мнение высказал я, а нынче вся наша пресса с этим согласна.

— А почему умер Собчак — его, случайно, не того...?

— Может, это и было косвенным убийством, если довели до смерти умышленно: зная, что слаб сердцем и равнодушен к женскому полу. Много ли ему было надо: дали «Виагру» — и достаточно. Сердечникам это средство для усиления потенции противопоказано.

— Ходили слухи, что Анатолий Александрович скончался на даме...

— Какие слухи — об этом весь Калининград знает.

— Что вы думаете о Ходорковском?

— Если честно, по-человечески мне его жаль, потому что из олигархов он не самый плохой. Далеко не самый! Там снова следствие, ему предъявили одно обвинение, второе, третье, но почему взяли за него одного? Я понимаю, если бы выбрали человек пятьдесят хотя бы и всех так душили, а то что: его за решетку, а остальные — хорошие? Где-то Ходорковский перемудрил: была у него идея-бзик войти в Думу, создать свою фракцию, потом стать спикером, а в будущем и президентом (он об этом не мне, а другим говорил). Думаю, из-за этого первое лицо его невзлюбило.

— Ваше мнение об Абрамовиче?

— Если бы он другом Путина не был, его, конечно, можно было бы тряхануть. Меня удивляет другое: почему у человека, который нажился на российском достоянии, государство наше же общее добро выкупает? «Газпром» (государственная компания!) 17 миллиардов выложил ему за «Сибнефть», а нужно было просто экспроприировать. Оставить ему чуть-чуть, чтобы, как говорится, детей обеспечивал, а остальное забрать. Подобные состояния честным путем не сколачивают, но он — друг ВВП, Татьяны и «семейки» — этим все сказано.

— Это правда, что Путин является прямым выдвиженцем Березовского?

— Не только. За ним целая команда стояла — вместе с «семьей» его двигала. Никто этого и не скрывал, но в итоге Ельцин назначил его сам.

— По слухам, именно Березовский приехал к Путину и сообщил, что тот будет президентом России, чуть ли его не назначил...

— Таких подробностей я не знаю. Это их дело, к кому ездить, но к назначению преемника и Юмашев, и Абрамович, и Чубайс — все имеют непосредственное отношение. Иначе они бы на своих постах не остались.

— Говорят, бывших работников спецслужб не бывает — это так?

— Наверное... За годы работы формируется особый менталитет, и по-другому ты уже мыслить не можешь. Некоторые люди из этой организации возмущаются, что я их не понимаю. Просто я хоть и выходец из спецслужб, но с демократическим уклоном, а у нас там такие реликты есть, что лучше не надо...

— Приходилось слышать, что самые классные сотрудники КГБ оттуда давно уволились, и сейчас в органах служат люди совершенно не того уровня...

— Надеюсь, что за время, прошедшее после 91-го года, там воспитались отличные кадры. Во всяком случае, судя по тому, как мы с терроризмом боремся (в общем-то, достаточно успешно), ребята подросли неплохие. Таких в советские времена не было. А вот по части борьбы с коррупцией и должностными злоупотреблениями паралич полный — все на нуле.

— Много ли компромата на видных политических деятелей современной России сохранилось у вас в голове, а может, и еще где-то?

— Те политические деятели, на которых у меня имеется компромат, щенки по сравнению с новыми. Но на нынешних и папарацци не надо — на каждого в Интернете досье, так что новое поколение давно уже переплюнуло прежнее, и передел

собственности продолжается...

Дни опричников

Я уже писал здесь, в одной из предыдущих глав, что участвовал в трех заговорах против кремлевской верхушки. Уголовных дел, по которым я проходил в разных статусах, было в два раза больше — шесть.

Это одна из традиций отношения российской власти к тем, кто отбилсЯ от стаи. Мало просто уволить — обязательно нужно подставить подножку и попинать лежащего, чтобы ему жизнь медом не казалась.

Боярин своего дворецкого или окольничего, если те вдруг не ко двору пришлись, в лучшем случае просто за ворота выкидывал — в худшем мог и на кол посадить в назидание другим, даже если вина была высосана из пальца.

Помещик на приказчика вешал всю недостачу по хозяйству, хоть и воровали в поместье все, кто мог. И отправлялась вчерашняя правая рука, закованная в железо, по Казанско-Сибирскому тракту куда-нибудь в Нерчинск киркой махать.

В 30-е годы прошлого века еще проще стало. Будь ты хоть комдив, хоть командарм — не важно, вывел на чистую воду по службе какого-нибудь мелкого жулика или ленивого штабиста, он тебе это припомнил, написал донос, и вот уже тебе в подвале пересчитывают зубы, добиваясь признания работы на японскую разведку.

Ну а уж если отстраняемый от дел является носителем некоего массива информации, что может (пусть даже теоретически) навредить начальству, если человек был допущен к секретам и внутренней кухне — тут уж в ход идет вся тяжелая артиллерия. Когда ставший неугодным — не мальчик для битья, то у него есть шансы уцелеть, ну а если хилый, то, как пел Высоцкий, — сразу в гроб...

Так вот, поддавшись уговорам свой дочки Тани и Чубайса, Ельцин меня беспардонно и беспричинно уволил — после того, как именно я обеспечил его физическое существование, безопасность и возможность, не оглядываясь за спину, строить новую Россию. Об этом я не раз уже рассказывал, но коротко повторюсь. Причина моего увольнения была проста: Таня Дьяченко возомнила себя хозяйкой России, а Чубайс — начальником финансовой службы всей страны, хотя ему и деньги ЖЭУ нельзя было доверять — дворники без зарплаты останутся.

А я им мешал, как мог, много знал и представлял угрозу самим своим пребыванием возле Ельцина — Служба безопасности президента (СБП) обнаружила немало такого, что прямая дорога

этим жуликам была — на скамью подсудимых. Поэтому вместо почетных грамот и орденов за службу, обычно дающихся при уходе с должности, мне вослед полетели повестки и как подозреваемому по уголовным делам, и как обвиняемому, и как свидетелю (до статуса подсудимого, правда, не дорос).

Этой компании, присосавшейся к стране с ее ресурсами, было от чего нервничать и суетиться. Фигуры, которых СБП разрабатывала, неформально входили в число неприкосновенных. Информации у нас было много, а поскольку в этом змеином клубке, который опутал Кремль, вся и все переплелись, то Березовский, Чубайс, Таня (тогда — Дьяченко), Юмашев и прочие персонажи опасались, что эта бомба когда-нибудь рванет и не задетых не останется.

Одно дело Виктора Илюшина чего стоило. Мало кто так радовался разгону СБП, как этот высокопоставленный чиновник.

Ельцин таскал его за собой со Свердловска. В Москве карьера Илюшина была стремительной: инструктор ЦК КПСС, помощник 1-го секретаря МГК КПСС, руководитель секретариата Ельцина, а затем — 1-й помощник Президента России. Самый что ни на есть приближенный и во все тайны посвященный кадр. Понятно, что интерес для западных спецслужб люди такого уровня, входящие в ближний круг главы государства, представляют всегда. Вот и Илюшина итальянская разведка зацепила — нашлись крючки. Я до сих пор, по понятным причинам, во многие подробности вдаваться не имею права. Но скажу только, что такие, как Илюшин, попадают обычно на наживку самую примитивную — деньги, женщины, тщеславие. Если есть слабости у человека, то ими обязательно воспользуются.

Илюшин тихий такой был, улизливый, в глаза не смотрел — канцелярщина ходячая, нарукавников только не хватает. Но это только с виду. Мы обратили внимание на то, что, начиная с 1993–1994 годов Илюшин, как подорванный, стал брать в банках кредиты. И, что самое интересное, их там ему давали под смешные 10 процентов. Почти как в Европе. В одних банках брал, в другие клал на депозиты, но уже под 25 процентов. Скопилось у него этих депозитов больше чем на 60 миллионов рублей (при зарплате в 2 миллиона).

Откуда дровишки? Подключился 7-й отдел (наружное наблюдение) СБП. Он в то время производил впечатление даже на ФСБ: федералы завидовали материальному обеспечению нашей наружки (только автомобилей разных марок около 20), кадрам, квалификации сотрудников. Без преувеличения, это был самый сильный отдел такого плана в стране. Он и вел Илюшина.

Мы обнаружили его тесные отношения с теннисисткой

Викторией Соколовой. Она — мастер спорта, в юности была финалисткой чемпионата Европы, чемпионкой Москвы. А в начале 90-х годов стала московским корреспондентом итальянской газеты «Република». Вышла замуж за итальянца.

Она была женщиной высокой, на лицо не очень красивой, но с потрясающей фигурой. А Илюшин — никакой: серый и лицом, и телом. Ну, подумалось сначала, что тут просто «половая психология»: известно ведь, что всякий маленький мужичок страстно желает поиметь женщину выше его ростом. Потом заметили, что он с собой ее повсюду таскает, в том числе и на протокольные мероприятия. А та явно стремилась оказаться поближе к президенту.

Выяснилось, что с Илюшиным, который тоже в теннис поигрывал, ее познакомил Ш. Тарпищев. Ну а Виктор Васильевич — это уже совсем рядом с президентом. Первый помощник развил бурную деятельность: уговаривал шефа с Соколовой сыграть, настаивал буквально. И вот однажды на корте Президентского клуба игра состоялась. Ельцин играл в паре с Тарпищевым, а Илюшин — с Соколовой. Президенту, как я заметил, она не понравилась. Все же у него чутье имелось: почувствовал неестественность поведения теннисистки-журналистки. Но совместное фото после игры было сделано: Соколова обеспечила присутствие фотографа. По этому эпизоду стало понятно, что барышне зачем-то очень нужно было фото с президентом. Так бывает, когда, например, нужно перед кем-то отчитаться о своей работе, предоставив снимок в компании с лицом, интересующим работодателя.

Ну а потом наше наружное наблюдение зафиксировало, как однажды Илюшин возле метро «Аэропорт» пересел из своей машины в иномарку к какому-то мужчине, открыл свой «дипломат» и на протяжении нескольких минут демонстрировал иностранцу некие документы. Все это сотрудники «наружки» зафиксировали видео- и фотосъемкой.

Через некоторое время выяснили: это был резидент итальянской разведки. Тут наши подозрения превратились в уверенность: 1-й помощник Президента России оказался агентом западных спецслужб. После этого мы завели оперативное дело, дав фигуранту Илюшину кличку «Кабан». Хотя ему этим сильно польстили: хрюкать-то — хрюкал, но клыков там отродясь не было.

ФСБ не решилась бы разрабатывать Илюшина — он же с ЕБН в теннис играет, практически святой. Я мог себе это позволить. Да что толку... Пришел к президенту и предложил ознакомиться с материалом. ЕБН отмахнулся. Невиданное дело: руководителю

страны докладывают, что его ближайший помощник завербован иностранной разведкой, а тому, как говорит молодежь, всё по барабану...

Не завидую Илюшину. Думаю, до него дошла информация, что он попал в нашу разработку. А рыло в пуху — спишь спокойно. Жил, наверное, дни и ночи ожидая, что за ним придут, как в 1937-м. Но не пришли. А когда Службу безопасности президента разогнали, а меня уволили, у этого «клиента» был очень большой праздник. Я знаю, как они его отмечали со своим подельником — заведующим секретариатом президента В. Семенченко. В стране, где побольше порядка и законности, судьба этих людей была бы незавидной.

Не знал Илюшин, что, когда СБП расформировывали, я дал команду уничтожить многие из бумаг, касающихся разрабатываемых лиц. Какие-то документы перевели в электронный вид, но большую часть просто сожгли, чтобы потом на нас не повесили еще и проведение незаконной оперативно-разыскной деятельности (ОРД). Впрочем, если по букве закона, то мы, как и ФСБ, могли и прослушивать, и осуществлять наружное наблюдение за фигурантами, но только не по месту жительства, а на рабочих местах — в любом кабинете на Старой площади, в помещениях Дома правительства и Кремля. Закон об ОРД вышел чуть позже, чем образовалась СБП, и запросто могли «притянуть за уши» и противоправные розыскные действия.

Меня в вузе учили, что все должно быть с санкции прокурора. Если санкции на ту же прослушку не было, то проблемы не исключались. Ведь эта коррумпированная публика из штанов выпрыгивала, чтобы злейшему врагу Коржакову, отравлявшему их существование, предъявить хоть что-то. Поэтому мы в 1996-м уничтожали содержимое сейфов. «О чем вы, господа, какая ОРД, какие документы, нет у нас ничего. Вы бредите, наверное...» Визитеры обозлились неимоверно — уж очень хотелось им самим документы те уничтожить, чтобы концы в воду. И открыли уголовное дело, где я был одним из фигурантов — о пропаже документов в Службе безопасности президента. Так я впервые в карьере получил процессуальный статус обвиняемого.

Летом 1996 года СБП прекратила существование в том виде, в каком я ее создавал. Когда мы узнали, что Чубайс назначил главой кадрового управления Администрации президента разоблаченного коррупционера, негодяя и бывшего начальника Управления ФСК по Москве и Московской области Е. Савостьянова (кстати, одного из липовых «соперников» Путина на президентских выборах), все сразу поняли: дни СБП сочтены. Назначение в Администрацию проворовавшегося человека,

кормившегося с руки Гусинского, пролоббировали Таня с Чубайсом, прекрасно знавшие, что на Савостьянове пробы ставить негде. Но именно такие востребованы на госслужбе. Он очень хотел у нас хоть что-то накопать, но ничего не нарыл, поэтому людей выгоняли со службы просто по степени близости ко мне, квадратно-гнездовым способом: если Георгия Рогозина увольняют, то и весь курируемый им отдел — взашей на улицу, несмотря на высочайшую квалификацию офицеров.

Когда я работал над созданием Службы безопасности президента, из всех силовых структур мы забирали к себе лучшие кадры, в том числе и из ФСБ (тогда — МБ, ФСК). К слову, меня до сих пор 20 декабря, в День сотрудников органов госбезопасности, заваливают поздравительными телеграммами и телефонными звонками. Приходится вновь и вновь объяснять: большое спасибо, однако я — не чекист, просто наше 9-е управление в свое время входило в систему КГБ, но мы занимались другими делами. Хотя, учитывая приведенную выше историю, работали не менее эффективно, чем органы госбезопасности — профессионализм кадров позволял. Отдел «К» (контрразведка) контролировал Администрацию президента. Отдел «П» работал против коррупции в правительстве, отдел «В» осуществлял контроль за торговлей оружием. 7-й отдел — «наружка». Центр спецназначения (ЦСН) — лучший спецназ в России, а может, и в мире. Аналитический отдел. Технический отдел (Техцентр)... В ФСБ этим занимались тысячи сотрудников, а в СБП — единицы. Но это были «штучные» специалисты.

По сравнению с теми, кто организовывал потом налоговую полицию, госнаркоконтроль, Следственный комитет, я находился в более выигрышном положении. Когда Ельцин попросил меня создать СБП, я ответил: сделаю все, но только при условии вашей помощи. Мне нужны кадры, и не абы какие, а те, на кого я укажу. И чтобы жильем их обеспечить. Президент дал указание Ю. Лужкову выделять моим ребятам, вызываемым из регионов, квартиры в столице. И подписал именной указ о моих неограниченных полномочиях в части привлечения кадров. Уникальный, замечу, документ. Таким образом, из Службы безопасности президента получилась сборная спецслужб страны.

А в налоговую полицию, госнаркоконтроль, СК людей набирали по принципу «хоть шерсти клок». И их отдавали по принципу «на тебе, боже, что нам не гоже». Кто же хорошего кадра «за так» отдаст. Отдавали или провинившихся, или бестолковых, или детей знакомых, которых надо пристроить. Поэтому и службы получились такие же по эффективности, как, например, расплодившиеся нынче всевозможные Академии

гинекологии, пчеловодства и прочей экстрасенсорики, где академики школьную программу едва знают. Так и те «силовики»: звание и пистолет дали, а служить не научили. Есть и были, конечно, и в этих структурах пахари, которые тянули лямку и за себя, и за того парня. А парни те — без царя в голове или молодежь, ни к какому разумному делу не приспособленная. 30-летние начальники отделов на полковничьих должностях без опыта — где такое еще встретишь.

Отсюда и морально-психологический облик соответствующий. Если борьба с наркотиками — значит, наркотики. «Кто что имеет, тот тем и торгует». Или подбрасывают пакетики, чтобы раскрываемость повысить. Так что в телесериалах, хоть они и дилетантские, немалая доля правды есть. В 2016 году в Москве два опера госнаркоконтроля отравились кокаином, потому что не подозревали, что дилер, у которого они отняли наркотик, его еще не разбавил, как это обычно делается в этой «профессии». Говорили сначала, что это «прикол», что такого не может быть, чтобы опера госнаркоконтроля отравились отобранной у преступников «дурью». Но я в эту историю сразу поверил. Это, увы, признак кадровой деградации, что отмечается во всех силовых (и не только) структурах.

Таким «кадрам», на мой взгляд, прямая дорога — в Росгвардию. Не думаю, что там другой контингент будет.

Или вот еще о профессионализме. Уже на протяжении 7 лет по моему заявлению о нарушении авторских прав дело ведет томная девица, начальник межведомственного отдела УМВД — полковничья, вообще-то, должность. Какое там... Ей по квалификации и до старшего лейтенанта еще расти и расти. Я обратился в полицию с заявлением о том, что некие издатели по фамилиям Николаев и Трусевич обманным путем издали мою «новую книгу». Нового в ней — только обложка из дешевой бумаги. Примитивное вокзальное чтиво. Они надергали кусков оттуда-отсюда, из уже опубликованного, дали броское название и пустили в продажу, о чем я узнал от посторонних.

Был очень удивлен — издатели со мной, как обозначено в договоре, ничего не согласовывали. Примитивно нажились на моем имени, дав везде рекламу о выходе новой книги Коржакова. А люди ведь думают, что это я такой неразборчивый в способах зарабатывания денег. Поэтому откупиться от меня у Николаева и Трусевича не вышло — это вопрос принципиальный.

Чтобы отстоять свое честное имя и наказать аферистов за нарушение моих авторских прав, еще будучи депутатом Госдумы, я написал заявление на имя главы МВД и генпрокурора, и в итоге

делом занялась девочка, у которой, боюсь, оно — первое. А эти издатели — «коммерсанты» опытные. Николаев уже выиграл суд у Никиты Высоцкого, пытавшегося опровергнуть содержащуюся в одной из книг издательства «Алгоритм» информацию о том, что Владимир Высоцкий работал на КГБ. И против этих ушлых деятелей — девочка, у которой еще краска на дипломе не высохла...

Затем, когда образовался Следственный комитет, я снова обратился с этим заявлением, но только уже в СК. Делом занялась следователь Тараканова. Увы, несмотря на такую солидную фамилию, никакого отношения к известному роду она не имеет и совсем не аристократически волынит это дело уже много лет, несмотря на многочисленные протесты прокуратуры.

В те полгода 1996-го, пока избирался депутатом на первый срок, я проходил и по другим уголовным делам. К примеру, по факту смерти лучшего друга и выдвигенца-заместителя самого Шамиля Анвяровича Тарпищева — президента Национального фонда спорта Б. Федорова. Который на встрече Березовского, Юмашева и Тани накануне сказал, что, мол, у Коржакова «руки по локоть в крови». Почему-то (хотя понятно почему: а вдруг сработает?) увязали эти слова с его смертью. Можно подумать, это я ему очередную дозу наркоты подсовывал.

И еще было уголовное дело по факту «разглашения гостайны» — о том, что тележурналист Евгений Киселев сотрудничал с органами госбезопасности под конспиративной кличкой «Алексеев», продавал с потрохами своих коллег. Киселев пожаловался на меня генеральному прокурору — дескать, Коржаков гостайну выдал. Было возбуждено уголовное дело. Хотя совсем не понятно, на каких основаниях. Я носителем этой тайны не был. Попали ко мне документы — я их опубликовал. Что тут можно сказать: лучше храните свою информацию, чтобы ее никто не обнародовал. На мой взгляд, сотрудничество Киселева с органами — просто сотрудничество с органами, и не более того. Это — метод работы КГБ-ФСБ, что тут такого?

Знаю, что ходят разговоры вполголоса о том, что, мол, у Коржакова где-то в заначках столько всяких документов еще хранится, что легендарные одиннадцать чемоданов компромата Александра Руцкого детским лепетом покажутся. А я и не спорю, материалов у меня полно — пленки с разговорами, видеозаписи, копии бумаг и много чего еще интересного. Все сроки давности прошли, но множество мелких и крупных воров и мошенников до сих пор плохо спят из-за этого. Служба безопасности президента могла записать в кабинете кого угодно, даже президента. Хотя мы не делали этого без очень веских оснований и работали точно.

Почему, к примеру, вышли на главу Администрации президента (1993–1996) С. Филатова как на персонажа, угрожающего безопасности президента? Коррумпированный чиновник легко управляем извне. А Филатов то в одно дерьмо, то в другое вляпывался. Одна история с его дочерью, входившей в преступную группу отморожков-уголовников, чего стоила. В довесок пошла выявившаяся связь Филатова со ставропольскими бандитами, построившими ему в Подмоскowie великолепный особняк — один забор оценен в 400 000 долларов. И это помимо дачи Андропова с участком в 17 гектаров, где Филатов жил. Этот деятель «пальцы гнул»: мол, Коржаков — это гестапо, он «слушает» везде и постоянно, и приходится суммы на салфетках ручкой писать. Боялся в своем кабинете говорить что-либо «интимное». Шпионских фильмов насмотрелся и записочки писал, когда принимал у себя в кабинете высокопоставленных посетителей, крупных бизнесменов и так далее. Этим и привлек внимание.

Так что когда начинаются разговоры типа «а что ты сделал для Родины», с полным основанием отвечаю: СБП при мне сделала больше для очищения страны от разной мрази, чем многие спецслужбы. У кого есть в активе то, что он разоблачил в коррупции и снял главу Администрации президента? Или 1-го помощника президента? Или 1-го заместителя председателя правительства (речь — об А. Шохине)? 14 высших чиновников было уволено по собранным нами материалам, в том числе лишились должностей и управделами председателя правительства РФ, и начальник УКГБ по Москве и Московской области Е. Савостьянов. Это «священные коровы» были. Но не для СБП. Результатом являлся, как правило, вызов их на ковер к первым лицам, которые им говорили: или пиши заявление об увольнении, или публичный разбор полетов со всеми вытекающими. Второе никто не выбирал. И это при том, что СБП существовала менее трех лет.

В Румынии самым популярным политиком в 2015 году стала молодая женщина — глава Национального антикоррупционного управления Лаура Кодруца Ковеси. За год сотрудники управления сняли с работы 1250 госчиновников высокого и среднего уровня. Но там это происходило с большой помпой и привлечением СМИ, а мы делали то же самое, но тихо, без прессы. Да даже если бы и захотели предать огласке, не вышло бы: почти все основные СМИ, так или иначе, контролировались или крупными олигархами (Березовский и Гусинский), или «подчубайсниками» — бизнесменами, заработавшими состояния благодаря этим доходам.

Время было такое, вся правоохранительная система менялась на ходу. Ельцин требовал результата: давайте сюда коррупционеров! И борьба шла за закрытым занавесом, главным было — отстранить от управленческих функций высокопоставленных казнокрадов. А они меру почти утратили. Если у Касьянова было прозвище «Миша — два процента», то того же Шохина можно было звать «Саша — десять миллионов»: именно столько он спокойно просил (в валюте, естественно) у бизнеса за свою подпись на документах. Это оперативным путем было добыто, а не следственным, уголовных дел никто не открывал.

Черномырдин по Шохину тогда сразу принял решение, лишь попросил меня: «Александр Васильевич, не надо только Борису Николаевичу об этом рассказывать, у него и так голова забита проблемами, зачем ему еще и это, сами разберемся...» У нас не было полномочий следствия — только оперативные функции, и надо было передавать материалы в прокуратуру или милицию. Там развалили бы все, что угодно. Поэтому и увольнение нечистого на руку руководителя считалось хорошим результатом. Кстати, никто из выявленных нами коррупционеров в суд не подал на нас, потому что они знали: доказательств — выше головы.

Нынешним силовикам, казалось бы, все карты в руки: законодательная база, материальная база несравнимы с тем, что было у нас 20 лет назад. Но в сегодняшней избушке — свои погремушки. Правоохранители погрязли в бизнесе. В силовых структурах идет борьба кланов за влияние, в том числе и на финансовые потоки, и на центры принятия решений. ФСБ борется с МВД, СК — с Генпрокуратурой, а все вместе они — с «ястребами» в Кремле и с Кадыровым. На все это сверху взирает президент, не очень-то вмешиваясь: наверное, думает, что это система сдержек и противовесов. Но это называется по-другому: банка с пауками.

Ельциным рулили дочь и Чубайс, а его преемник Путин всегда подчеркивал, что он — самостоятельный в решениях. Хотя на старте его карьеры как главы государства на него влияла, и значительно, та же «семья» — Таня Дьяченко, Юмашев, Волошин и Березовский, потом даже из-за рубежа. Это было заметно по его действиям, по робости, которую он демонстрировал, когда дело касалось каких-то деталей, имеющих отношение к бизнесу ельцинской «семьи». Ну а получив «взад» кресло от Медведева, он начал демонстрировать, что «пакт» с «семьей» можно считать расторгнутым — он слово сдержал, бизнес-интересы семьи соблюл, безопасность обеспечил и теперь может быть свободен.

Моя книга «От рассвета до заката. Послесловие» вышла в 2004 году, о Путине я там практически ничего не писал. Думаю, и его моя книжка мало интересовала. Но вот семейка испытывала сильное любопытство: нет ли там у Коржакова каких-нибудь чемоданов компромата на них? Я сдал в печать текст в 2003-м и узнал, что «семья» копию рукописи уже заполучила. Убедились, что ничего нового криминального там нет, но все равно на всякий случай дали команду, и магазины (кроме двух) книжку продавать поначалу отказались без объяснения причин. Равно как и меня пускать для представления книги читателям.

Ну да я привык уже к тому, что «благодарная» «семейка» старалась навредить мне везде, куда только могла дотянуться. Используя и суд в том числе.

Суды в России — не исключение из общего правила «ты начальник — я дурак». Не ветвь власти, а ветка, которая болтается в зависимости от того, куда ветер сверху подует. Лишний раз рассказывать, как у нас награждают виновных и наказывают непричастных — только бумагу тратить. В любом регионе страны масса примеров, и все о них знают. Вспоминаю одну только историю, которая разворачивалась у меня на глазах — в Рязани. Там в конце 90-х — начале нулевых царило полное беззаконие, и действовала целая организованная группа, куда входили губернатор, председатель областной Думы, прокурор области, председатель СУ СК. Они объединились, чтобы сожрать первого мэра города Рязани Валерия Васильевича Рюмина. Причина обычная, из-за этого и я был уволен: Рюмин знал всю подноготную этой властной команды.

Он — подполковник-десантник, «афганец», четырежды орденоносец, его легко выбрали депутатом Съезда народных депутатов РСФСР, и мэром города Рязани он стал всенародно избранным. Когда в 1993 году Ельцин подписал указ о демонтаже памятников Ленину, только двое руководителей федерального уровня, несмотря на давление на местах, его выполнили (не хочу здесь обсуждать, хорошо это или плохо — памятники сносить). Барсуков, при полном молчании коммунистов, из Кремля убрал изваяние Ленина «в позе сидя», находившееся между 14-м корпусом и колокольней Ивана Великого. А Рюмин, единственный из российских мэров, убрал памятник вождю пролетариата в Рязани. Тоже при полном непротивлении общественности.

А потом в Рязани стал губернатором коммунист В. Любимов, и на В. Рюмина начались массированные нападки в прессе: такой-сякой, Ильича в утиль отправил. Но ничего более криминального на него накопать тогда не удалось. Рюмин учредил газету

«Вечерняя Рязань» и критиковал нещадно областную власть, на волне чего был несколько раз избран депутатом. Затем губернатором области назначили (Путин) выдвиженца «Единой России» Ковалева. И верхушка региона решила уничтожить зарвавшегося «афганца». Придумывали несусветную ахиною. Дескать, Рюмин просил 2 миллиона рублей у председателя областной Думы за то, чтобы не печатать на него компромат. Посредником «назначили» персонажа, только что освободившегося из мест лишения свободы, больше свидетелей «шантажа» не было.

И вот тут мы подходим к теме суда. Местная Фемида с пониманием относилась к деятельности Рюмина, но тут, видимо, судейские чиновники получили сверху жесткое указание: Рюмин должен сидеть в тюрьме. Причем в свое время он в газете и с депутатской трибуны критиковал прокурора области (тому, на самом деле, на лесоповале было самое место). И тут организуют Следственное управление Следственного комитета, где начальником ставят того самого прокурора, а вместо него — его заместителя, такого же негодяя. Кстати, Рязань, наверное, была единственным местом в стране, где прокуратура и сбежавшее из-под ее крыла следствие сосуществовали мирно, везде между ними — лютая и грязная война.

Меня эта история задела за живое, от Рюмина мне ничего не нужно было, просто я возмутился совсем уж откровенным беззаконием. И обратился к председателю Верховного суда Вячеславу Михайловичу Лебедеву с личным конфиденциальным письмом, как рядовой военный пенсионер, с рассказом о рязанской эпопее. Но человека это, увы, не спасло — в 2015 году 65-летний В. Рюмин, инвалид, отец малолетнего и несовершеннолетнего детей, был приговорен к 7,5 года лишения свободы в колонии строгого режима. Красноречивый пример того, как судебная власть может идти на поводу у власти исполнительной и выносить приговоры, которые судьям сверху по телефону диктуют.

Точно по этой же причине в 1996 году мой иск о защите чести и достоинства к Ельцину не принял Кунцевский межмуниципальный народный суд города Москвы (подавал иск как сосед Ельцина по месту жительства). Я требовал не денег, а только публичного опровержения бреда о том, что я якобы оклеветал президента и его семью. Если бы мы жили в правовом государстве, я бы выиграл, конечно. В странах, где суд независим, он однозначно встал бы на сторону человека, который высказал свое мнение, пусть даже и о президенте. Но в России, где творится судебный беспредел, это не проходит. К слову, точно так

же по надуманным и нелепым основаниям отказали в иске А. Навального к Ю. Чайке: кто такой генпрокурор, и кто такой «осужденный» оппозиционер? Они для российского суда только на словах граждане с одинаковыми правами, а на деле один гораздо «правее» другого.

Вообще, первым после моего увольнения начал пытаться «оттоптаться на Коржакове» Анатолий Собчак. Хотя эта «икона демократического движения» обязана была мне своей карьерой. И я к нему относился хорошо, с уважением, как к эрудиту, талантливому политику и оратору, способному говорить долго без бумажки. Мы много раз с ним, что называется, сжививали. Труднее всего было привыкнуть к тому, что его и без того приличное косоглазие от алкоголя усугублялось, и начинало казаться, что он смотрит по углам, но не на тебя.

У нас сложились дружеские отношения. Хотя сначала я был не очень доволен тем, что он упросил Ельцина дать ему охрану «как себе». Людей у меня было тогда всего ничего, и резать приходилось по живому, когда ЕБН распорядился организовать охрану Собчаку. Хотя все-таки самых лучших, профессиональных, честных и надежных ребят я в Питер тогда не отдал. Набрал в 1991 году шесть сотрудников для командирования в город на Неве к Собчаку. В том числе, кстати, и Виктора Золотова, которого в 2016 году Википедия назвала «российским военным деятелем». Не знаю, как насчет военного, но «деятелем» он уже в 90-е был выдающимся...

Надо заметить, что Собчака «пробило» на охрану, когда он услышал от своего московского коллеги Гавриила Попова, что ему Коржаков безопасность организовывал. Гавриил был таким безбидным накопителем, занятым тем, что набивал подвалы своей дачи, безвкусной и огромной, импортными продуктами, маслинами, сырами, пивом в банках, вином и прочим, что положено иметь в запасе миллионеру и греку-скопидому. Путь на его дачу лежал по Внуковскому шоссе, но потом нужно было сворачивать в лес и ехать по нему около километра. Если бы там его кто-то прижучил (только вот кому это в голову могло прийти?), деваться было бы ему некуда, а его личный водитель — охрана никудышная. Ельцин распорядился: дай Гавриилу ребят...

Я подобрал двух хороших сотрудников — рослых, крепких, владевших рукопашным боем, отличных стрелков. Попов на них с восторгом снизу вверх смотрел. Много ли человеку для счастья надо? Ну и, естественно, похвастался перед заклятым другом Собчаком: со мной, мол, два громилы теперь повсюду ездят, меня даже не видно из-за них. Собчака это зацепило, и он тоже выпросил у президента охрану.

Вообще-то, я был в недоумении: зачем в Питере Собчаку охрана из Москвы, если там свой отдел «девятки» имеется, который члена Политбюро Романова охранял? Они там живут, мужики — надежные. Один Витя Смирнов по кличке Кувалда чего стоил (кулаки — как Ксюшина голова). Но Собчак заявил, что в его Отечестве пророков нет и он местным не доверяет. Хотя вот те-то как раз ни с какими хозяевами бандитского Петербурга не являлись, в отличие от некоторых их коллег. Напротив, писали мне потом недоуменные рапорты о том, что отдельные «деятели» охраны, прибывшие из Москвы ради безопасности Собчака, в открытую раскатывают по городу в компании с видными бандитами и их покровителями из мэрии.

У меня сохранилось постановление Ленгорисполкома о назначении окладов московским прикомандированным охранникам Собчака. Мало того, что в Москве им шла зарплата в размере 300 рублей (инженер получал тогда 120–150), так и в Питере у них были плюсом те же 300 руб-лей от ленинградских властей. Жили они в гостинице «Ленинград» — наверное, лучшей в городе в то время. Днем и ночью — шведский стол. Служба — сутки через двое, но им еще и местные сотрудники «девятки» помогали. А на выходные москвичи, если не было задач по службе, могли укатить в Москву домой. Мало у кого тогда такие условия службы были.

По части самой охраны все было организовано на достойном уровне, и Собчак выказывал чрезвычайное удовлетворение своей «крутизной». Хотя потом я понял, что эта охрана была нужна не столько ему, сколько его жене Людмиле Нарусовой. Тоже живая иллюстрация того, что жены первых лиц, где бы то ни было, похожи друга на друга. Это какое-то стихийное бедствие. Вот и Нарусова из того же племени российских «первых леди», которые самоутверждаются под прикрытием мужей. И пытаются во все влезать, решая какие-то свои вздорные вопросы, что часто пагубно влияет на карьеру супругов.

Прошло полгода, первая смена моих сотрудников в Питере при Собчаке отработала, послали им на замену следующую команду. Вернулись пятеро, хотя уезжали шестеро. Спрашиваю: а где же Золотов? И выясняется, что «деятель» завис в городе на Неве при Нарусовой — ему там понравилось, несмотря на наличие в Москве устроенного быта, супруги и т. д. Нарусова его «сделала» старшим следующей смены телохранителей: «Мы Вите доверяем». Правда, не уточнила: «мы» — это кто персонально? Она и Собчак? Или какая-то другая петербургская «элита»? Этого она не пояснила.

Так что Золотов поднялся не по служебной, а по карьерной

лестнице благодаря Нарусовой и, возможно, тем, кто находился тогда рядом с Собчаком (одну фамилию мы все с вами знаем). В целом же Собчак был больше по части «поговорить», а тыл — все эти квартиры с бассейнами и прочие излишества, из-за которых он и «пролетел» на выборах — обеспечивала своими распоряжениями его жена.

Я все это наблюдал своими глазами, когда «ставил» Собчаку охрану и практически через выходной мотался в Питер. Ельцин меня спокойно отпускал, особенно если сам в это время в Завидово сидел. Собчак встречал по высшему разряду, с помпой, хотя я никогда этого не любил. Все встречи отменял: «Александр Васильевич едет — второй человек в стране» (какой-то недалекий человек это придумал, и все подхватили). Садись с ним за щедро накрытый стол и основательно ужинали, каждый раз — несколько часов, без этого Собчак не отпускал. Мы с ним напротив друг друга на стульях, а с торца стола на низком диванчике обычно пристраивался тот, кто потом («спасибо» Березовскому) стал президентом страны. Пили только водку, которую помощник наливал нам с Собчаком в рюмки. «Володя, ну ты сам-то выпей», — приставал к нему начальник. Однако Володя дежурно отнекивался, пригубит и поставит. Но аккуратно поедал и закуску, и наши с Собчаком разговоры. Которые после нескольких похожих на фужеры рюмок были весьма откровенными...

А когда наши с Собчаком тарелки пустели, моментально раздавался стук в дверь — входила официантка с новыми блюдами. Словно там, в диванчике, у Володи кнопка для ее вызова имелаась. Кстати, это модно тогда было. Первой звонки для вызова персонала стала использовать Раиса Максимовна — она же не баба какая-нибудь, чтобы криком обслугу звать. С нее и пошло: обязательно звонок под рукой был, чтобы «человека» вызвать, куда бы ни приезжали Горбачев с женой.

Потом Володю я видел еще несколько раз, когда его Чубайс с П. Бородиным уже забрали в Москву заместителем управляющего делами президента. Дали ему казенную дачку в Архангельском, где и я когда-то жил. Случайно пересекались с ним в большом бассейне «Газпрома», где я плавал два-три раза в неделю. Потом Володе дали квартиру в доме Управления делами президента на улице академика Зелинского, 6. Кстати, в этом доме тогдашний управделами президента Бородин предлагал мне две квартиры с условием, что я освобожу свою в доме на улице Осенней, через стенку с Ельциными.

Пользуется ли теперь Володя звонком, чтобы вызвать человека для смены блюд, — не знаю, но другие номенклатурные

традиции, принятые в высших эшелонах отечественной власти, он усвоил, кажется, в полной мере. И умение складно говорить по бумажке, изредка поднимая глаза, и способность убедительно отвечать на вопросы, умело избегая сути того, о чем спросили. Это — талант, который оттачивается в бесчисленных совещаниях, которые давно уже стали болезнью наших руководителей, в том числе и нынешнего. Совещания собираются бесконечно и по ничемным поводам. Причем не только в Москве, но и в Сочи, во Владивостоке и бог еще знает где. Все это — потерянные время и деньги. Полчища чиновников летают бизнес-классом за бюджетный счет по необъятным просторам страны с совещания на совещание, где им ради телевизионной картинки зачитают по бумажке то, что могли бы прислать по электронной почте. По Москве невозможно проехать из-за пробок, которые собирают «членовозы» с мигалками, с утра до ночи везущие начальство на совещания «об усилении расширения». Мука, скука и тупость.

С патрона берут пример руководители министерств и ведомств, также собирающие подчиненных на многочасовые посиделки. В том числе и в силовом крыле, где время в разы важнее денег. Вот в октябре 2016 года в «отстойнике» — Совете безопасности России — проходит совещание по вопросу фальсификации истории революции 1917 года (а то больше нет никаких угроз для безопасности страны). В МВД собирают совещание, чтобы обсудить, как праздновать очередной День сотрудников полиции. И так далее, и тому подобное. Начальник ФСО, в которую после моего увольнения влились остатки Службы безопасности президента, тоже постоянно совещался. Это я, когда возглавлял Службу, собрал всего одно совещание, а Муров заседал с подчиненными в круглосуточном режиме.

Сначала заслушают такого-то, потом поднимут другого, затем пригласят третьего... Зачем повару знать, что будет завтра делать заведующий гаражом, а переводчику — куда поедет интендант? Зачем их собирать в кучу на пятиминутку, которая длилась у Мурова до трех часов? Патология какая-то. Подчиненные теряют время. У меня его отнимал ЕБН, ежедневно в 11 утра задавая один и тот же вопрос: «Ну что, Александр Васильевич, пообедаем?» После чего работа кончалась — что успевал сделать с раннего утра до 11.00, тем дело и ограничивалось. А у огромного количества нынешних руководителей ФСО время крал начальник.

Еще одна беда силовиков — и прошлых, и сегодняшних — раздутые штаты с огромным количеством генеральских должностей. У Мурова тогда чуть ли не в каждом кабинете по генералу сидело (чтобы сам Муров в итоге маршалом стал). Мне,

когда создавалась Служба безопасности президента, принесли проект штатного расписания, где я — генерал армии. Заместители — генерал-полковники. Я говорю: ребята, вы что, с дуба рухнули, у вас по десять тысяч бойцов личного состава, что ли?! Завернул тот проект сразу.

А к середине 2010-х годов в ФСО было уже около 70 (!) генералов: в коридорах рябило от лампасов. Причем они разные там — в том числе и такие, кому одной зарплаты маловато будет. В конце 2016 года в Сочи был задержан и доставлен в Москву для дачи показаний следователям генерал-лейтенант ФСО Геннадий Лопырев. При обыске у него в квартире нашли миллиард рублей наличными. Конечно, по подозрению во взятках «за общее покровительство при заключении и исполнении государственных контрактов на проведение ремонтно-строительных работ». За что же еще.

А еще каждый генерал — это кабинет, секретарши, машины, водители, дачи, пенсионное и прочее обеспечение. А потом жалуются: денег нет, но вы держитесь... Меня в годы службы, как генерала, тоже прикрепили к «6-й терапии» — так называлось отделение поликлиники КГБ. Диваны мягкие, пальмы развесистые, хорошие врачи под руки в туалет водят... Правда, это только по рассказам: сам я не был там ни разу и об этом не жалею.

Силовики сегодня получают «эксклюзивные» права на отстрел людей, на любые жесткие действия по отношению к собственным гражданам. Конечно, в поголовную народную любовь Кремль не верит и испытывает страх. Там понимают, что все может внезапно взорваться. Отсюда и этот жест отчаяния — по-другому не назову — в виде создания Росгвардии.

В частных разговорах выясняется, что в МВД никто не одобряет появления этой структуры, больше похожей на кремлевский спецназ. Полицию ослабили, но полноценную «нацгвардейскую» структуру не создали: это процесс долгий. А страдает текущая правоохранительная работа. Если до сей поры проводили, к примеру, операцию по захвату вооруженных грабителей, то вызывали ОМОН и СОБР. Бойцы в бронежилетах, тренированные на захваты и штурмы, шли на бандитские стволы. А теперь полицейские, сплошь и рядом не имеющие специальной подготовки, вынуждены сами идти под пули. Учитывая взаимодействие между нашими спецслужбами, уже понятно, во что выльется обращение полиции в другое ведомство, к Золотову, с просьбой прислать ОМОН или СОБР, переведенный из ОВД в Росгвардию. Там ответят: да мы теперь больше по демонстрантам специализируемся, офисных «ботаников» по асфальту

размазывать и недовольных пенсионерок с улиц светошумовыми гранатами разгонять. Как освободимся — пришьем кого-нибудь...

Позорище. До чего опустили звание гвардейца! Настоящая, не раженная гвардия, с гражданскими на улице никогда воевать не станет, лучше пулю в лоб. А этот «засадный полк», думаю, себя во всей красе еще покажет.

Опричнина на Руси при правлении Ивана Грозного имела целью отторжение имущества у граждан в пользу государства и царского двора. Царь тогда тоже со всем миром пытался воевать, увяз в Ливонской войне и погрузился в глубокую паранойю. Никому не верил, ему повсюду мерещились враги, замышляющие отобрать власть. Очень эта картина из глубокой истории напоминает мне наши дни. С той только разницей, что опричников было около тысячи всего, а в Росгвардии планируется 340 000 бойцов, вооруженных современными средствами подавления больших групп людей (например, заказали разработку пулемета для уничтожения живой силы в условиях города). 340 000 — это половина численности российской армии на 2016 год! Команда для охраны начальства от людей...

Извлекут ли нынешние деятели уроки из российской истории? Никто не знает. Надеюсь, они вспомнят, чем кончилась опричнина: этот аппарат насилия вышел из-под контроля творцов, которые сами и оказались его последними жертвами. Монстр сожрал создателя.

В какой позиции имеют оппозицию

Анекдот из новых.

— Владимир Владимирович, а не принять ли нам закон о порнографии в Интернете?

— Мысль правильная, но не надо перегибать палку. Народ нас не поймет. Вот на днях зашел я на несколько порносайтов, и что я там увидел — одни только голые бабы. А вот сайты оппозиции — явная порнография!..

Первым оппозиционером в истории новой России, я думаю, была дочь Ельцина — Татьяна Хайруллина-Дьяченко-Юмашева. Никто столько не сделал для деформации государственных институтов, сколько она. Надо сказать, возможности у нее были для этого уникальные — это вам не Навальный, которому хода никуда нет. Она вредила, не выходя из кабинета отца-президента: немощный умом и телом, он надувал щеки в кресле, а она за его спиной проворачивала такие дела, от которых всю страну трясло.

Горничные тоже тряслись — Таня, изображая из себя боярыню, могла уволить любую из них: поглядела не так, говорила слишком громко или каблуки носила неправильной формы. В Кремле за ней прочно закрепилась репутация бездушной стервы, никто ее не любил, только боялись и старались лишний раз не попадаться на глаза «Салтычихе».

Официальных браков у Татьяны было три. Неофициальных, конечно, больше, если считать «временных попутчиков» Чубайса, Тарпищева и других, а также Лесина, ставшего миллионером благодаря вхождению в «семью» через постель в апартаментах «Президент-отеля», а потом внаглую — через квартиру № 10 президентского дома на Осенней улице. Используя Таню, Лесин мог провести любой нужный ему указ Президента России. Потом Таня, Юмашев и Березовский сделали его сначала начальником управления информации Администрации президента, а спустя какое-то время и министром печати. Лесин и до того был не бедным парнем: машины менял, как носки. Ну а в Кремле развернулся вглубь и вширь. Я считаю, что Михаил Лесин, первым уловивший запах сверху, — именно тот человек, с которого началось удушение демократии в стране и сползание к авторитаризму: сначала в газетах и на телевидении, а потом все это спроецировалось на общество в целом.

И российский телевизор именно при Лесине стал превращаться в помойку. Я, кстати, смотрю только художественные фильмы и не обращаю внимания на

истерические программы с одними и теми же сумасшедшими «экспертами», которых «комсомолец» А. Мельман назвал евнухами, равно как и на новости, где одно лакейство и вранье. Власть отвлекает людей ура-патриотическими шоу от обостряющихся материальных проблем, растущей нищеты. Телевизор должен показывать россиянам только победы, и не важно, где они: в Сирии, Донецке или на спортивных соревнованиях. Это как анестезия, отключающая у населения нервы и голову. Разгромили в хоккее «пендосов» — и у телезрителей уже на втором плане тот факт, что пенсий им не хватает даже на еду. Кремль посредством телевизора, побеждающего холодильник, умело играет на травмированном самолюбии россиян.

А ведь лучший в начале 90-х годов телеканал НТВ стал тем, кем он тогда стал, благодаря мне. Если бы я только намекнул Ельцину, что телевизионщики меру утрачивают, их бы в эфире не было в помине — ни Евгения Киселева, ни Татьяны Митковой, ни самого канала. Я, наоборот, тогда твердо высказал президенту свою точку зрения, когда он ею поинтересовался: «Борис Николаевич, нельзя зажимать, нужно такое острое телевидение. И критика нужна, и правдивое освещение чеченской войны, и «Куклы» нужны. Это — отдушина. И в глазах всего мира мы выглядим цивилизованной страной».

Ельцин согласился, и перечить тогда никто не посмел, хотя независимые СМИ и свобода слова «семье», конечно, мешали.

С 1980 по 1982 год мужем Тани являлся Вилен Хайруллин. Неплохой был парень, хотя и бесхребетный абсолютно. Борис Ельцин-младший — сын Татьяны от того брака. Леонид (также известный как Алексей) Дьяченко — второй муж Татьяны, замужем за ним она была с 1990 по 2002 год. Третьим, кто отвел ее в загс, был Валя Юмашев, известный также в наших кругах как «Прыщавый Обмылок».

Надо ли говорить, что второй и третий мужья Татьяны Дьяченко стали миллиардерами — рублевыми, правда. Клан Ельциных — Дьяченко — Юмашевых обладает крупными активами и счетами, однако в России эти люди ничего не держат. Тут они только «получают». Да и проводить свое время эти «патриоты» предпочитают не в России — показательно, что дочери и внуки Ельцина живут в Германии и в США.

На Леню Дьяченко в свое время вышел и подружился с ним некий Виктор Хроленко. Он давно уже живет в США и получил американский паспорт (который за красивые глаза, как известно, не дают). А в молодости, пару лет послужив в армии и окончив факультет экономики МГУ, Хроленко основал компанию Belka

International, которой руководил до 1990 года. В 1991 году он создал компанию Belka Trading International, куда, к слову, назначил Леонида Дьяченко директором. Профиль — поставки продовольствия, торговля нефтью и цветными металлами. Я бы сказал, что потом в окол Кремлевских кругах «по специальности» Хроленко стал работать гражданин Финляндии и друг нашего нынешнего президента Геннадий Тимченко.

Главная цель людей такого рода, как Хроленко и иже с ним, — продать за границу как можно больше природных ресурсов России, оставив на родине как можно меньше следов, налогов и денег, для чего используются офшорные зоны, «фонды роддугиных» и прочие хитрые инструменты.

Американский журналист Уайнс писал, что «мистер Хроленко основал две нефтяные маклерские компании, пользовался услугами Дьяченко и подружился с семейством Ельциных... Бизнес Дьяченко в Омске и Манхэттене через Москву поднимает вопрос о его прибыльных взаимоотношениях с магнатами, которые колоссально выигрывали в результате личного вмешательства президента Ельцина, тестя Дьяченко».

Газета «Нью-Йорк таймс» писала, что в 90-е годы «Сибнефть», по-видимому, «одаряла семейство Ельцина и ключевого помощника Хроленко прибыльными контрактами по размещению ее нефтяной продукции... Комиссионные от незаконных сделок идут на подпитывание коррупции, набивая карманы политиков и заправил компаний. В частности, как признают и российские, и иностранные нефтяные дельцы, Министерство топлива и энергетики РФ, которое контролирует экспорт нефти, почти что бесстыдно коррумпировано. В 1997 году, рекордном для российского нефтяного экспорта, 97 миллионов тонн сырой нефти были проданы — на бумаге — в такие налоговые райские кущи, как Гибралтар, Лихтенштейн, Багамы, где нет даже нефтехранилища.

Я помню, как Хроленко приезжал в Москву, намереваясь втереться в околпрезидентские круги — со мной познакомился, с руководителем ФСБ Барсуковым. Больше всего Хроленко интересовал нефтяной бизнес. Они с Лешей Дьяченко выпрыгивали из штанов, организуя подписание контрактов на экспорт углеводородов. Требовалось, например, выбить квоты на поставку за рубеж, условно говоря, 10 миллионов тонн нефти. К кому сунуться? Леша был парень недалекий, здоровался, неизменно представляясь: «Дьяченко. Зять Ельцина». Он выполнял функции тарана и «открывалки для дверей», а мозговым центром этой парочки был, конечно, Хроленко.

Как-то раз они договорились о встрече с С. Кириенко,

незадолго до того ставшим заместителем министра топлива и энергетики. Для министра и вице-премьера Б. Немцова вопрос был мелким: какой-то десяток миллионов тонн — не его уровень, пусть заместитель занимается. Когда записывались на прием, в трубке замминистра прозвучало: «Вам звонит зять Ельцина». А Кириенко недавно приехал из Нижнего Новгорода в столицу, где позднее получил несолидное «погоняло» «Киндер-сюрприз». Зять Ельцина просится на прием! Ладони, наверное, вспотели у вчерашнего комсомольского работника: сам зять президента пришел!

Дьяченко и Хроленко, минуя секретаря, сразу прошли в кабинет. Хроленко вел деловую часть переговоров, а Дьяченко — представительскую: как сегодня в народе говорят, сидел, мордой торговал. Будущий премьер-министр, конечно, подписал все документы, какие коммерсанты принесли.

Когда визитеры вышли из кабинета, Леша Дьяченко, будучи в полном восторге, сказал компаньону:

— Замечательный малый этот Кириенко! Все подписывает, откатов не просит...

Хроленко только хмыкнул:

— Ну-ну, поглядим. Это он сейчас с испугу так. Опомнится — попросит. Не может быть, чтобы о своем интересе не подумал...

Тане Дьяченко Кириенко тоже очень понравился. Дочь Ельцина все-таки как была, так и оставалась свердловской провинциалкой в душе: интеллигентный, в очках и с манерами молодой человек, знающий всякие экономические слова, произвел на нее впечатление. Кириенко, как и всякий бывший комсомольский вожак, мог говорить красиво, долго и ни о чем. Это сыграло большую роль в его карьерном росте.

К Ельцину уже никого из заслуживающих внимания людей к тому времени не водили. Таня Дьяченко и Юмашев сами всех кремлевских новичков «тестировали». ЕБН, хоть уже плохо соображал, но испытывал чувство определенного вакуума. А тут дочь приводит к нему нового человека: грамотный, говорит с президентом немного об экономике и побольше — о его исторических заслугах, то есть уважает... Короче, «Киндер-сюрприз» смог запудрить остатки мозгов ЕБН, и тот вынес вердикт: «Умный парень!» Конечно, умный. Дурака губернатор Немцов в Нижнем Новгороде не сделал бы личным банкиром. Кириенко, после «Росатома» в 2016 году ставший заместителем руководителя Администрации президента, наверняка неохотно вспоминает об этом факте.

Таню пробило на мысль: а что мы с этим Черномырдиным, старым вредным грибом, возимся — вот же Кириенко есть,

современный, лощеный, финансово подкованный и управляемый — чем не премьер? Борису Николаевичу залили дозу за воротник, подсказали идею, и на следующее утро Кириенко проснулся председателем правительства. Вот таким образом тогда решались важнейшие для государства кадровые вопросы.

Черномырдин мне говорил впоследствии: «Дефолта никакого в 1998 году не было б, если бы не Кириенко». Таня Дьяченко с Юмашевым и Гайдаром его подтолкнули к этому шагу, а противиться тот не посмел — они же его премьером сделали. Но когда правительство возглавил Е. Примаков, его обработать не удалось. Евгений Максимович, насколько смог, выправил ситуацию и, по сути, спас страну от экономического краха. Вся эта гоп-компания около трона испугалась того, что Примаков может пойти к президенту, и на этом закончится лавочка и Березовского, и Тани с Юмашевым. Ельцина запугали растущим влиянием Примакова, поэтому с ним так подло поступили потом, внаглую вытолкав из большой политики.

Примаков был фигурой, не сопоставимой с шантрапой, занимавшей при попустительстве Кремля руководящие посты в правительстве. Когда человек в очках мог получить преимущество при назначении, «потому что сразу видно: умный». В конце 2016 года резонанс в обществе вызвало дело министра экономического развития Улюкаева, посаженного под домашний арест по подозрению в получении взятки от «Роснефти». А тоже ведь слыл умным... «Подстава» это была или нет — не берусь судить, но то, что в скандал вляпался именно этот чиновник, лично для меня сюрпризом не стало.

Еще в начале 2000-х, когда председателем Комитета по обороне Госдумы был генерал Андрей Николаев, к нам этот Улюкаев приходил. И после пары часов общения с ним все было ясно: хоть цифры в глаза — всё божья роса. Заседание комитета тогда собралось по вопросу бюджетного финансирования военных пенсионеров и социальных выплат военнослужащим, пострадавшим при выполнении воинского долга. Лучший министр финансов всех времен и народов А. Кудрин на то обсуждение побоялся к нам прийти, прислав вместо себя циника Улюкаева. И тот беззастенчиво врал, как впоследствии врал этот «водолаз» про очередное дно, которого достигла наконец наша многострадальная экономика. Денег на увечных воинов в бюджете нет ни рубля, убеждал нас с наглой улыбкой этот деятель.

При этом персональный состав кабинета министров мало влиял и влияет на общую картину упадка. Хоть снова поставь вице-премьером Кудрина, а премьером, например,

физкультурника Мутко — от перемены мест слагаемых ничего не изменится. Ясно, что верховная власть в стране в 2015–2016 годах зашла в очередной тупик, стратегия развития России отсутствовала. Ельцин в 1999 году привел к руководству страной человека, который должен был, по замыслу «семьи», обеспечить ее физическое сохранение. Он это сделал. Клан Ельциных — Дьяченко — Юмашевых наворовал и отполз в сторону, как любовник под балконом в старом анекдоте. Но возникли другие «семьи», которые заняли освободившееся место у кормушки. И как выбраться из этого замкнутого круга, общество не знает. Народ в общей массе своей аполитичен, его не интересует суть происходящего в верхах, он убежден, что вся власть состоит из воров, которые используют свои должности для того, чтобы набивать бумажники. И это чуть ли не карма для страны, ее никак не изменить.

Те, кто убежден в обратном, делятся на «теоретиков» и «перекрасившихся». Первые могут только рассуждать о том, что все прогнило и надо менять систему, но пятую точку с дивана не поднимут — и хлопотно, и страшно. Вторые были у власти, но их отодвинули от нее по тем или иным причинам. И они объявили себя оппозицией. Может, у кого-то это искренне, допускаю. Человеку свойственно иногда меняться. Но тот же Немцов имел почти миллиардное состояние, которое законным образом на госслужбе не заработаешь. Он мне лично говорил: «Я — обеспеченный человек, но у меня все в акциях, в ценных бумагах — счетов в банках не держу». Первый вице-премьер, отвечающий за топливно-энергетический комплекс, — это во все времена было в нашей стране самое сытное «корыто». Экспорт, квоты, откаты...

Я в свое время снял с работы А. Шохина, который, будучи вице-премьером по ТЭК, за каждую свою положительную резолюцию брал 10 миллионов в валюте, и у меня нет оснований считать, что подпись Немцова стоила меньше. Таковы были правила игры. Если бы не брал — и месяца не продержался в должности, от белых ворон система безжалостно избавляется.

Исключение — Виктор Степанович Черномырдин в пору, когда был премьер-министром. Ему уже было все равно и ничего не нужно — зачем рисковать положением и репутацией человеку, у которого в 1996 году официально имелось активов на 11 миллиардов долларов?

Убийство Бориса Немцова 27 февраля 2015 года заставило сомневаться в том, что Кремль (вернее, его первое лицо) на 100 процентов контролирует соперничающие властные группировки. Он всегда играл роль строгого арбитра, а в этой ситуации сложилось впечатление, что обошлось без учета его мнения. «Не

факт, что нужно было убивать человека» — это красноречивая реплика, говорящая о многом.

Немцов часто заходил ко мне в кремлевский кабинет. Мы сразу перешли на «ты». Не стал рассказывать ему, что ведь это я в первую поездку Ельцина в Нижний Новгород подсказал президенту:

— Борис Николаевич, вы ищете преемника, а вот он, уже готовый. Молодой, образованный, иностранный язык знает, энергичный. Вы еще на Олимпе пробудете лет десять, но если начнете Немцова воспитывать, то за этот срок сумеете вырастить нового президента...

Ельцин Борю полюбил, в отличие от его дочери — Таня нахалов (то есть не смотрящих ей в рот людей) не переваривала. Хотя, вообще-то, для политика нахальство — это нормальное поведение, иначе затопчут.

Испытание властью — не из легких. Покоробила, к примеру, чисто популистская эпопея с инициативой Немцова по сбору подписей против чеченской войны. Собрал миллион подписей нижегородцев. Притащил эти папки к президенту, и тогда я его спросил:

— Боря, так кто же у нас за войну и за цинковые гробы? Назови хоть одного человека! Все 150 миллионов тебе подпишут этот листок. И что ты этим доказал?..

Про Немцова говорят, что он в последние годы жизни стал принципиальным либералом, не боялся говорить правду о сущности власти. Может, и не боялся, но о многом умалчивал. Думаю, он шел на власть с открытым забралом потому, что понимал: лучшая защита — это нападение. А защищаться ему было от кого: в первую голову, от злопамятных людей.

Немцов был в той компании, которая брала у будущего президента клятву верности «семье». Это было на даче в Зубалово, которая только-только досталась Абрамовичу — конец 1998-го или 1999 год. Когда было принято решение двигать никому не известного питерца в президенты и его еще не показывали даже Ельцину, на даче Сталина — Абрамовича назначили общий сбор команды «серых кардиналов».

К РOME приехали вице-премьер Немцов, Таня Дьяченко, Волошин, Березовский, Чубайс, Юмашев и другие. Гусинский взял с собой на всякий случай телевизионщика Евгения Киселева. Тот, кстати, и разболтал первым обо всем: обиделся, что его в коридоре продержали, к разговору не допустили. «Кардиналы» совещались, Киселев сидел в «предбаннике» с видеокамерой. А Путин ходил по холлу взад-вперед — волновался, не зная, чем совещание государственной «братвы» закончится, одобряет его

кандидатуру в президенты или нет.

Ну, о дальнейшем все знают. Путина, перед ФСБ и Кремлем, сначала поставили на Контрольное управление президента, чтобы запись в трудовой книжке была: «Администрация Президента РФ». Контрольное управление — это контроль выполнения указов президента. А что там контролировать: что при Ельцине, что при Путине 3–4 процента их выполняется.

Это мое личное мнение, но мне кажется, что тот эпизод на даче Абрамовича потом всю жизнь висел над Немцовым дамокловым мечом. Есть такие люди, которые ничего не забывают и не прощают, и Боря это понимал.

Уверен, что «семейка» все знает об убийстве Немцова, но ее никто не беспокоит, и она катается в свое удовольствие по всему миру: Чили, Аргентина, Бразилия, Африка. Я же могу только предполагать, но у меня сразу после этого преступления возникла параллель с убийством в 1994 году корреспондента «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова. Каждая его громкая статья про «Пашу-Мерседеса» — и мне это доподлинно известно — отзывалась в Минобороны пьянкой министра с приближенными. И Грачев при собутыльниках кипел от негодования: «Что этот пацан себе позволяет! Как он достал меня уже своими писульками!»

И подчиненные, думаю, сигналы уловили и приняли к исполнению, хотя прямого указания — «а взорвите вы его к такой-то матери» — вслух произнесено, конечно, не было. И очень культурно неизвестные специалисты сработали, выполняя чье-то желание угодить Грачеву. А мальчишка Холодов — просто наивный балабол. Он не сталкивался близко с могущественной машиной подавления и не руководствовался принципом выживания в этой среде: если ты влез туда — будь предельно осторожен.

Так и с Немцовым было, думаю. Собралась высокопоставленная банда, выпивала или нет — не знаю, но прозвучало: «Сколько же можно терпеть Немцова! Про шефа гадости говорит, а без шефа мы никто, и звать никак». Этого было достаточно, чтобы инициативные люди, молча, без команды, взяли и отработали прямо не прозвучавший заказ.

Касьянов, кстати — еще один как бы оппозиционер — уже испытал на себе, что такое прессинг: куда бы ни приезжал, его преследовали «хунвейбины» из провластных организаций. Хотя понятно, что тортом и зеленкой в физиономию или яйцами в спину — это цветочки и легкий испуг. Никто всерьез за него не брался еще. Когда называют его фамилию, кто-то вспоминает про два процента, в которые обходилась его подпись в Минфине, кто-

то — про «порнофильм» с его участием, который «энтэвэшники» показали всей стране. А мне сразу в голову приходит эпизод, когда Михал Михалыч задарма пытался приватизировать госдачу в Сосновке-5, на которой когда-то жил наш великий полководец Г. К. Жуков. Уникальный исторический памятник. Мы мечтали сделать там музей, а Касьянов хотел для себя «отжать». Но не дали тогда. Не знаю, что с той дачей потом стало. Может, бывший премьер-министр все же смог переоформить ее на себя.

А по большому счету, по итогам 2015–2016 года настоящим оппозиционером я бы назвал только А. Навального. Но это до той поры, пока он интересы «семьи» не затрагивает, сосредоточился на действующих высокопоставленных коррупционерах и не роет вглубь — в том направлении, откуда ноги нынешней власти растут. А там такое можно выкопать...

А лояльный чиновник, пусть и погрязший в коррупции, может сегодня спать спокойно. Его никто не привлечет к ответственности за участие в разграблении страны, если не мочился против ветра. В крайнем случае, послом куда-нибудь отправят. Или на пенсию в разных Фондах штанами трясти, как бывшего главного железнодорожника Якунина. Или в совет директоров госпредприятия, как экс-министра обороны Сердюкова. Они же не оппозиция, чтобы в тюрьму садиться.

Кто на самом деле «отвечает за базар»

Об отечественной преступности много уже написано. Люди защищают диссертации по «преступной» тематике, есть целые научные школы в разных сферах правоведения, и я вряд ли тут могу сказать что-то новое.

Мы знаем, что была и есть общеуголовная преступность, ставшая системой задолго до революции 1917 года. Она ничего не изменила: хоть и говорили комиссары, что настал новый дивный мир, но остались шпана, карманники-медвежатники-форточники. «За что забрал, начальник, отпусти» и прочая блатная романтика. Хотя некоторые изменения произошли. «Достижение» поздней Советской власти — экономическая преступность. Цеховики создавали теневую экономику и набивали карманы, обманывая государство. То есть делали то, чем сейчас заняты Чубайс с Абрамовичем, с той только разницей, что теневиков сажали на 15 лет, а то и расстреливали, а наших героев капиталистического труда награждают возможностью и дальше паразитировать на стране.

В 90-х годах появляется новая форма преступности — «спортсмены», они же «бандиты». Первые организованные группировки состояли из бывших и действующих спортсменов, прошедших «горячие точки» военных, уволенных силовиков и т. д. Отари Квантришвили и его многочисленные друзья и знакомые в свое время пытались зарегистрировать Партию спортсменов России. В нее, хоть и неформально, входили некоторые из бывших и действующих депутатов Госдумы, и, если бы не Минюст, возможно, в парламенте была бы и «спортсменская» фракция.

Новые «понятия» потеснили старую уголовщину. Тогда и родилась классическая коррупция современной России. Это не врачи, берущие тысячу рублей за больничный лист, и не педагоги, собирающие со студентов деньги за зачет. Коррупция — это когда на набережной в Питере съезжаются два «шестисотых» «Мерседеса», в одном из которых прибывает на «стрелку» начальник из мэрии, а в другом — «авторитет», обладающий не меньшей властью и деньгами. И они «перетирают вопрос» о том, как, допустим, «братве» прибрать к рукам городской нефтеналивной терминал, чтобы и мэрскому начальнику из потоков что-то капало.

Как говорится, плох тот бандит, который не мечтает стать бизнесменом. Как и чиновник, который не хочет получать что-то,

кроме зарплаты. Разница между ними только в том, что первые иногда дают показания, а вторые — зачитывают с трибуны послания о правовом государстве и патриотизме.

«Малышевские», «солнцевские», «тамбовские», «измайловские», «ореховские», «таганские», «подольские», «люберецкие» и прочие коллективы не совсем законопослушных граждан, что бы о них ни говорили, встроились в конструкцию государственного здания. Сегодня никого не удивляет взаимопроникновение и тесное сотрудничество представителей власти и криминалитета. Прокуроры «крышуют» подпольное казино, генералы Следственного комитета помогают ворами в законе «отмазывать» их подельников, близкие к руководству регионов люди проводят регулярные «консультации» с местными «авторитетами». Нельзя сказать, что это — примета только нынешних времен. И в 90-е годы, и до них негласные отношения с «авторитетными» людьми власть поддерживала. Но лично я, работая при Ельцине на достаточно высокой государственной должности, не сближался и не встречался с главарями организованной преступности.

Впрочем, если быть совсем точным, один эпизод был. Мой помощник в начале 90-х привел ко мне видного столичного «авторитета». У того, дескать, важный политический вопрос...

Гость в двух словах объяснил ситуацию, которая, в общем-то, и без него на поверхности лежала. В Москве, говорил представитель «неформальной общественности», сложилась тревожная ситуация на рынках, которые заполонили те, кого потом стали называть «лицами кавказской национальности». Приезжие устанавливают свои порядки и начинают диктовать правила, а это не нравится ни населению, ни власти. Столичная «братва» просила передать президенту: «Дайте нам три дня, не пресекайте и не вмешивайтесь, и обстановка на улицах и рынках Москвы полностью нормализуется. Гарантируем: будет, как раньше — справедливо и по понятиям, но — по нашим, а не кавказским». Отдельно гость заострил мое внимание на том, что инициаторы операции гарантируют: обойдется без убийств и других «беспределов».

Я Ельцину рассказал за обедом об этом визите. Президент, конечно, мог бы послать меня с такими предложениями, но он задумался на несколько рюмок. А потом произнес: «Идея, конечно, хорошая, заманчивая идея. Но я же президент всех россиян, а не только русских. Может, на Лужкова переложим принятие решения? Его же город». Но Юрий Михайлович к тому моменту и сам немало поспособствовал нашествию «гостей»: одних азербайджанцев к тому моменту прописал в столице около

полутора миллионов душ. И надеяться на него в этом плане было нельзя. Короче, как ни крути, а предложение принимать нельзя. Так и передали «авторитетам».

Когда меня «сократили» из Кремля, горизонт моих знакомств и связей расширился. Причем качественно. По старой памяти я посещал разного рода алкогольно-спортивные мероприятия наподобие теннисного Кубка Кремля и турнира «Большая шляпа». Теннис был, как сейчас говорят, в тренде, а «авторитетные» люди всегда следили за тем, что нынче актуально, и старались участвовать в светской жизни через занятия тем, что модно в тот или иной период времени.

Один из господ, «курирующий» крупный подмосковный город, был несколько раз моим партнером в теннисных баталиях. Кстати, он хорошо играл, а не просто ракеткой махал, чтобы «потусоваться». Мы с ним одного возраста, и отношения хорошие сложились.

Другой, написавший во время отбытия наказания книгу, неожиданно прислал мне ее в подарок с доброй дарственной надписью на мое 50-летие. К слову, этого человека президент наградил именными часами.

Третий, также широко известный в определенных кругах, к несчастью, трагически погиб, занимаясь экстремальным спортом, к которому был склонен. Нам с ним тоже было интересно общаться.

У людей из этой, скажем так, социальной группы ко мне всегда было какое-то человеческое, особое отношение. И после увольнения из Кремля, когда я стал депутатом Госдумы, — тоже. Я задумался: почему? Ведь я никогда не жил по их «понятиям» и общих дел с ними не имел. Наверное, потому, что, хоть и попал по воле судьбы на самый верх, никогда не воровал, не «крысятничал» (не люблю жаргон, но эти слова часто очень точные и образные). А еще, может быть, потому, что считалось: Коржаков — «кардинал Ришелье», теневой правитель при живом президенте и жуткий злодей, который многих сжил со свету. То есть как бы социально близкий этим кругам, что у них вызывало желание пообщаться со мной «за жизнь».

И еще я размышлял: каким образом эти люди выжили в 90-е? Ведь тогда было как на фронте: в пятницу неизвестно, доживешь ли до понедельника. Но они уцелели. Про них говорят: добились жизненного успеха, материальных благ незаконными методами. Но давайте сравним: Таня Дьяченко и Валя Юмашев, Чубайс, все эти зятя Ельцина — они что, честным трудом и умом заработали состояния? Они такие высокоморальные и законопослушные? Не использовали близость к президенту в корыстных целях?

Чем, например, отличался от бандита Березовский, занимавший под занавес посты заместителя секретаря Совета безопасности и исполнительного секретаря СНГ? Да ничем. Правда, по-настоящему авторитетным, без кавычек, он не был никогда. Ни один уважающий себя деятель организованной преступности с ним бы доверительных отношений не стал строить: «Береза» мог «кинуть» кого угодно. Всероссийского масштаба был жулик. Ошибку он сделал, когда полез в политику и, благодаря Юмашеву, начал заводить связи в высших кругах руководства страны. Прибрал к рукам Всероссийский автомобильный альянс, «Сибнефть», несколько СМИ — ОРТ, ТВ-6, «Независимую газету», «Коммерсантъ», «Наше радио». Двигало им только одно: подобраться к корыту на минимальное расстояние. Он понимал, что чем ближе к Кремлю, тем больше нулей на банковском счету.

Но, в отличие от «авторитетов», большинство из которых меру знают, а потому и на плаву держатся, Березовский был настоящим «беспредельщиком». В одном из интервью я рассказывал, как в 1993 году он начал уговаривать меня убить Гусинского. Утром кофе с ним пил, а вечером рассказывал мне про него гадости, компроматом тряс. Тогда он еще видел во мне союзника, хотя я им никогда не был. Потом у него появилась новая версия насчет того, кто враг — это, мол, Лужков. А затем возникли Кобзон и Лисовский. Он придумал какую-то чумовую операцию по их устранению, и мне стало казаться, что Березовский «поехал крышей». Бандиты — просто порядочные и добрые ребята по сравнению с ним. Спортивные костюмы «Адидас» и золотые цепи в палец толщиной Березовский не носил, но если бы он вдруг начал гнусаво «ботать по фене» и «пальцы гнуть», это никого бы не удивило. Кстати, уже в 2017 году меня вызвали в Высокий суд Лондона в качестве свидетеля по делу «Аэрофлота» — эта грандиозная афера не состоялась бы, если б не Березовский. А вы говорите — «авторитеты»... Хотя и считается, что деньги не пахнут, но иной раз вонь от них стоит за километр, поэтому лучше подальше держаться.

Жизнь есть жизнь, и на хлеб насущный зарабатывать надо, если ты мужик. Когда нас в 1996 году уволили, мы надеялись, что нам предложат какое-то трудоустройство — семьи же у всех. Сидели первое время и ждали, в теннис играли, пиво пили... Но становилось понятно, что наша история намного хуже, чем справка об освобождении, с которой на работу никуда не берут. И тут «Альфа-групп» предлагает мне работу по специальности (сфера безопасности) с окладом в миллион долларов в год. Я отказался по ряду причин — не об этом сейчас речь. Затем

предложили поехать в Словакию представителем МВД (для чего нужно было в это министерство перейти, что тоже было не так просто). Потом начались переговоры о Брюсселе — на этот раз с переводом в министерство обороны и работой в аппарате представительства МО в НАТО. Но тоже все только на уровне разговоров.

Да отправьте меня на пенсию, в конце концов, ответил я. Однако сидеть в своей деревне Молоково, разводить гусей и собирать грибы был еще морально не готов. И принял решение баллотироваться в депутаты Государственной думы от Тулы — там мандат освободился в связи с тем, что генерал Лебедь депутатские полномочия сложил. А туляки — целая делегация во главе с руководителем Тульского геолого-разведочного предприятия Виктором Ивановичем Власюком — предложили занять место генерала-десантника в Госдуме от города Тулы.

Первые три года в Думе я отработал, не жалея себя, и тульские избиратели меня попросили баллотироваться в следующий созыв. Потому что мою работу было реально видно в избирательном округе: помог сотням людей решить их проблемы. Причем часто на свои деньги помогал. Все свои гонорары за книги раздал в Туле людям. На меня надеялись. А если так, то как можно обмануть надежды? За 15 лет депутатства более 40 тысяч туляков на личном приеме побывали, я отправил десятки тысяч запросов по инстанциям, и многие из них были результативными.

Да и материальные следы моего депутатства в Туле остались. Построил на свои деньги единственный в городе закрытый современный теннисный корт, где тренировался и откуда вышел в мир большого спорта Андрей Кузнецов — одно время — первая ракетка России. И никогда бы не было «шлема» — здания нового музея оружия в Туле, знаменитого нынче на всю страну, если бы не мои усилия в Госдуме второго созыва. По приглашению руководства тульского музея побывал у них, с удовольствием осмотрел уникальную оружейную экспозицию. Потом сели поговорить о проблемах. Музейщики пожаловались, что церковь выгоняет их из музея (он в местном кремле был расположен, где собор стоит), надо строить новое здание, но никто не хочет заморачиваться, «денег нет, но вы держитесь» задолго до Медведева было сказано.

И я решил проблему. Впервые в моей депутатской карьере я, как член думского комитета по обороне, добился бюджетного финансирования большого проекта. Строительство нового здания музея оружия в Туле было включено в федеральный бюджет отдельной строкой с ответственными в виде Минобороны и

Минкульту. Первый транш на начало проектных работ был всего около 6 миллионов рублей. Как потом я понял, в этом деле главное — чтобы был старт, чтобы телега сдвинулась, потом она пойдет вперед по инерции. Никто не мог этого сделать до меня — ни губернаторы Севрюгин и Стародубцев, ни чиновники от культуры. У меня получилось. На следующий год больше средств было выделено, а потом проект стал жить своей жизнью, финансирование уже невозможно стало прекратить.

И новый музей состоялся. Спасибо В. Груздеву — когда был он губернатором в Туле, довел начатое мною дело до конца. Теперь величественное здание музея оружия в виде древнерусского шлема — одна из главных местных достопримечательностей. А меня даже на торжественное открытие не пригласили.

И подобных примеров можно привести еще немало. Вновь и вновь убеждаешься в том, что у нас прославиться легче дурными делами. Впрочем, я не ради славы в Туле работал, зачем она мне. Власть забыла — люди помнят.

Я четырежды избирался в Госдуму от Тулы, уверенно побеждая на выборах денежных мешков с административным ресурсом и болтунов-популистов. И знаю четко: если ты избираешься в парламент по одномандатному округу и планируешь идти в следующий созыв, то надо работать для людей. Не занимайся показухой, а принимай избирателей, вникай в проблемы стариков с копеечной пенсией и заводских рабочих, сидящих без зарплаты, воюй за людей с ЖКХ, собесом и бездельниками-чиновниками.

Но если ты не намерен снова участвовать в избирательной кампании, то «отбивай» деньги, которые затратил на выборы, и сиди в зале на Охотном Ряду, пей коньяк в буфете, нажимай кнопки и не лезь за пределы МКАДа. Когда будут снова выборы, тебя не изберут, если партия какая-нибудь не подберет. А подобрать она может в том случае, если у тебя есть как минимум 10 миллионов евро для партийных боссов — по-другому у нас в партийные списки на выборах редко кто попадает.

Так вот, возвращаясь к моему первому депутатству. За три года я многое для избирателей сумел сделать, но денег не нашёл. Подсудорпил еще и дефолт 1998 года. Впереди маячила вторая избирательная кампания, а мои накопления, оставшиеся от книжных гонимых, были, в основном, проедены и потрачены на избирателей. Но немного осталось. И вот в это время сложилась ситуация, которая свела меня еще с одним крайне влиятельным в «неформальной» среде человеком.

Началось с того, что в 1999 году очень сильно подвел меня

громкоголосый генерал Лебедь. Я собирал средства на выборы. Спонсоры немного дали, подсобрал долги — худо-бедно, на старт кампании хватало. И тут звонит Лебедь:

— Александр Васильевич, одолжи на месяц триста тысяч долларов. Десантура в Наро-Фоминске голодает без зарплаты, надо выручать. На тридцать дней, не больше, банкир мой вернется с отдыха — отдам. Ну, ты меня знаешь...

Как раз примерно эта сумма и составляла весь мой стратегический запас для формирования предвыборного фонда. Я был в курсе, что Лебедь — в тесных отношениях с Малкиным из «Российского кредита», у генерала офис в этом банке был. Да и Лебеда я знал с 1990 года. Поэтому спокойно отдал ему всю свою заначку, триста тысяч.

Проходит месяц — Александр Иванович не звонит, более того, начинает прятаться, избегает встреч, не отвечает по телефону. Я воспитан в родителей, те всегда соблюдали неписаный человеческий закон: взял деньги, хоть рубль, — расшибись в лепешку, но отдай в срок. И я видел это своими глазами: всю жизнь мать в долг жила, но всегда своевременно расплачивалась, если даже и голодать потом семье приходилось. Это было делом чести. А тут — суровая харизма, боевой генерал-лейтенант, орденосеиц, а вот так себя повел по отношению к старому товарищу и тоже генералу. Так поступали в 90-е годы не «авторитеты», а стремящиеся к этому статусу стажеры, скажем так. Взять денег и не отдать: у их старших товарищей такое было не в чести, там слово многое значило, и за него приходилось нести ответственность, а начинающие не находили в этом ничего зазорного.

Я был не то что разочарован — шокирован. И почти в отчаянии: проводить избирательную кампанию не на что. И тут один мой питерский знакомый во время случайной встречи в поезде говорит мне:

— На носу выборы, а я слышал, у тебя финансовые проблемы. А ты не хочешь пообщаться с Володей Барсуковым?

— Это тот, который был Кумариным? — ответил я первым пришедшим в голову вопросом.

— Он, конечно. Вдруг найдете точки соприкосновения, может помочь в беде чем-нибудь...

Конечно, было заманчиво. Мне бы хоть десятку найти, а то агитаторам платить нечем. А основной противник — начальник тульского УВД с огромным бюджетом и милицейским аппаратом. Под ружье были поставлены все участковые и гаишники. Теленовости начинались милицейским кандидатом и им заканчивались. Бюджетников сгоняли в залы для встреч.

Типографии печатали его агитацию тоннами. А я только одну листовку крохотным тиражом смог издать к тому моменту, да и ее срывали отовсюду милиционеры, забросившие борьбу с преступностью ради победы начальника. Забегая вперед, замечу, что бесполезно: я со своими скудными ресурсами победил, потому что за меня народ был, а не подневольные участковые.

Отвечаю знакомому: мне было бы интересно поговорить с этим человеком. Даже безотносительно к моим выборам. Я про него, конечно, многое слышал. Знаю, что он тесно контактировал в Питере с В. Золотовым. А от того был прямой мостик к его неформальному шефу, который «шеф страны» сегодня. Днем в городе был губернатор Собчак, ночью — Кумарин-Барсуков. Хотя, думаю, и в дневное время мало что происходило в городе без его ведома.

Группировка «тамбовских» считалась одним из самых мощных теневых формирований, действовавших в Санкт-Петербурге в то время. В 1990 году Кумарин с компаньонами отбывали срок за вымогательство. После их освобождения потенциал «коллектива» резко возрос, стали налаживаться контакты с политиками, крупными бизнесменами. Экономические интересы «тамбовских» простирались от чисто «спортсменских» сфер деятельности до топливно-энергетического сектора, импорта-экспорта и реального производства.

Я согласился на встречу.

В назначенный день за мной прибыл «Мерседес» с водителем. Приехали в популярный ресторанчик на Невском проспекте — каждый ленинградец-питерец его знает. Спускаюсь по крутым ступенькам, ожидая увидеть кого-то наподобие громилы из «Бриллиантовой руки», который в ресторане допытывался у дурика Семена Семеновича, зачем тот усы сбрил.

В большом зале мне открылась такая картина: там стояло какое-то невероятное количество столов, но все они были пустые. Посетители отсутствовали. В самом центре зала сидел только один человек. Провожатые подвели меня к нему и незаметно (как специалист скажу — профессионально) куда-то исчезли.

Он встал из-за стола, мы поздоровались рукопожатием. Ниже меня на голову, одет очень просто. Открытый и прямой, но цепкий взгляд. Сели.

— Я постарше, можно называть тебя Володей?

— Да без проблем, как вам будет удобно...

Стол был скромным, без черной икры. Выпили по рюмке, перебросились ничего не значащими фразами, какими сопровождается любое знакомство. Постепенно разговор становился откровеннее. Володя говорил не много, но очень

предметно. Ясная логика, последовательное изложение фактов, точные детали. Никаких намеков — все вещи назывались своими именами. Как я понял, он из тех людей, которые лучше промолчат, чем будут недосказывать.

Много интересного он рассказал про Золотова и его непосредственного на тот момент начальника Собчака. Я не могу сказать, что был поражен — многое из этого уже знал от своих ребят, работавших в Питере после разгона Службы безопасности президента по линии ФСО. Но прозвучавшее было еще одним и очень весомым подтверждением: не зря кино такое сняли — «Бандитский Петербург». На самом деле не разберешь, кто там бандит был, а кто — государственный деятель. И про тот период, когда мои сотрудники охраняли Собчака, я узнал немало интересного.

«За жизнь» тоже поговорили. Поскольку дело было в Питере, я не мог не вспомнить про самых известных на тот момент представителей этого города — двух популярных артистов кино и музыкальной эстрады. Барсуков вдруг хитро так улыбнулся:

— Александр Васильевич, если они вам интересны, вы сейчас их живьем увидите, дайте только звонок сделаю. А пока они едут, еще по рюмочке выпьем...

Проходит буквально полчаса, и вот уже два знаменитых питерских артиста, чьи пышные черные усы знает и регулярно видит по телевизору вся страна, поочередно поют под гитару для двух человек в ресторане, да с таким вдохновением и отдачей, словно в концертном зале выступают и от этого их дальнейшая артистическая судьба зависит.

С одним из них я потом часто сталкивался в Госдуме, но он меня избегал почему-то...

Разговор получился увлекательным и не бесполезным для меня. Владимир Барсуков очень интересным собеседником оказался. Я почувствовал расположение к нему и был не прочь продолжить общение. Ограничений по времени у меня не было никаких, и я с удовольствием принял предложение побывать на следующий день на яхте «ночного губернатора Санкт-Петербурга».

На дачу меня доставили на том же «Мерседесе». Я сразу заметил возле дома теннисный корт. Пневматический — надувается воздухом. Технологическая новинка произвела впечатление: такие тогда в Европе только-только появились. Правда, он был сдут и уныло лежал мешком. Усадьба находится на полуострове, то есть часть территории выходит на воду. Встречал меня сам Володя, позади которого выстроилась вся стриженная дачная гвардия в кроссовках и кожанках. Хозяин был в

хорошем костюме без галстука. К слову, я свой последний депутатский срок так проходил, и вслед за мной пол-Думы галстуки сняла. А при спикере Володине опять все в удавках оказались — униформа как в казарме, боязно дресс-код нарушить.

Яхта небольшая, по нынешним-то временам, до олигархов наших, побеждающих со своими судами в международных яхтенных конкурсах, далеко. Но внутри была полноценная комфортабельная кают-компания, где мы обедали. Вышли в море и прошли Финский залив, продолжая беседу за столом. Пил Барсуков в меру, а для меня тем более это была не доза — после такой-то заправки — мы с Ельциным могли по три литра водки (да-да, по 6 бутылок!) уговорить с 11 утра до 9 вечера, так что мне обычное застолье тогда было что слону дробина.

Спал я в отдельной каюте. На борту имелась и сауна, куда Володя не постеснялся со мной пойти париться — его тело сильно изуродовано автоматной очередью. После того покушения он долго лечился за границей, здоровье там ему поправили, но руку уже не вернешь, и глубокие шрамы не уберешь.

И вот возвращаемся, яхта подходит к даче. На большом деревянном причале застыл почетный караул — все войско встречало босса с депутатом Госдумы: выстроились на краю причала, будто парад чекистов в кожанках. «Маузеров» только не видно. Капитан вел яхту к берегу быстро и, видимо, решив произвести впечатление, слишком резко переложил реверс. Мы с командой уже перепрыгнули на причал (хозяин яхты оставался пока на борту), когда в пристань ударила волна от судна. Я почувствовал, что причал уходит из-под ног, и успел запрыгнуть обратно на борт, а причал с «братвой» боком ушел под воду — сваи не выдержали, их вывернуло из грунта. Барсуков, невозмутимый, как статуя командора, наблюдал с борта яхты за тем, как его «морская пехота» в перепачканных «адидасах» с веселым ржанием (но без мата — не положено) карабкается на крутой берег.

Вечер продолжился в беседке возле дома. Мы разговаривали о многом. И было ощущение, что взаимно интересные темы далеко не исчерпаны.

Я, кстати, так и не стал просить его помочь мне с избирательной кампанией. Потом выяснилось, что тот человек, который меня с ним познакомил, все-таки предложил Барсукову выделить мне «десяточку». Денег не пришлось, но я не в обиде: лично мне Володя ничего не обещал.

Так кто из них по-мужски порядочнее — он или генерал Лебедь? Для меня ответ очевиден.

— Васильич, ты извини, меня пригласили в губернаторы Красноярского края. Поэтому пока не могу отдать тебе то, что брал на месяц. Это на моей совести. Но ты мне помогай в Красноярске давай, — услышал я спустя какое-то время в телефонной трубке голос Лебеда. У меня были неплохие отношения с Толей Быковым — тоже «ночным губернатором», только Красноярского края. Я туда ранее летал по делам и встречался с Быковым и его командой. Принимали с сибирской широтой и гостеприимством, с традиционным нырянием в ледяную реку после парной, самогоном на кедровых шишках (виски отдыхает) и пельменями с медвежатиной.

А после выборов губернатора края Быков и Лебедь стали врагами. У генерала спросили: как же так, Александр Иванович, вы же перед выборами вместе везде появлялись с Быковым, расположение друг к другу проявляли... Лебедь, говорят (сам я этого не слышал), ответил так: «Это была военная хитрость. Мне надо было войти в край». Через полгода в отношении Быкова возбудили уголовное дело, а спустя год после вступления в должность Лебеда, весной 1999 года, Быков оказался в Лефортово. Но нейтрализовать его влияние на Красноярск Лебедю так и не удалось.

У генерал-губернатора было сложное положение накануне инаугурации, дилемма — кого из Москвы пригласить? Да, Коржаков помог, чем мог, в выигранной избирательной кампании, но как выбрать между ним и Березовским, который его тоже поддерживал в агитационный период? Лебедь поступил не по справедливости, а исходя из соображений полезности. Я был уверен, что он меня пригласит, подарок тульский приготовил. Помощники свежеиспеченного губернатора на меня выходили: мол, они думать изволят, кого приглашать на инаугурацию. Я ответил: если приглашать, то обоих, я Березовского не трону, много чести. Но приглашение получил один Березовский.

Был такой нечистоплотный персонаж по фамилии Грибов, тот самый, который «организовал» в поддержку генерала перед выборами в Красноярске Алена Делона. Ну, пусть его, на то и избирательная кампания — хоть папуасов привози, если будут полезны в агитации. И этот Грибов, изображавший из себя представителя группы «Вымпел» (а на самом деле только ее позорящий) и также не отдающий никому долгов, говорил, что свои 50 тысяч долларов заплатил за визит французской кинозвезды. Но я не верю в это. Вполне может быть, что Ален Делон прилетал в Красноярск на мои деньги. Потому что тех трехсот тысяч долларов долга Лебеда я так и не увидел никогда.

Прошло полгода. Я был очень дружен со знаменитым борцом

Иваном Ярыгиным, погибшим в автокатастрофе на Кавказе. Его жена Наташа стала президентом мастерского турнира по борьбе в честь Ярыгина. Она пригласила меня в Красноярск. Я прилетел — это было незадолго до гибели Лебеда. Посмотрел соревнования, собрался обратно в Москву. VIP-зал аэропорта, я взял кофе, сел в кресло, и тут подходят «трое, одинаковы с лица»:

— Александр Васильевич, в самолете вас ждет Александр Иванович Лебедь...

Оказывается, он тем же рейсом летел в Москву. Да еще и наши места в бизнес-классе оказались рядом. Вряд ли случайно, конечно.

Взлетели, и — на колу мочало, начинай сначала: «Васильич, ты меня прости, не могу пока долг отдать». Он коньяк пил, у меня изжога от него, но я рукой махнул — ладно, наливай. Четыре часа полета мы молча пили рюмку за рюмкой, думая каждый о своем. Из самолета выходили порознь. В Шереметьево ко мне опять его помощник подходит и в бизнес-зал приглашает: «Генерал очень ждет, без вас сказал не возвращаться». И снова коньяк: часа за три мы с Лебедем выпили минимум шесть бутылок «ХО». Почти без закуски.

Мы с ним не раз и семьями сживали, но он всегда норму знал — 3–4 рюмки выпьет, и хорош. А тут, словно воду, коньяк льет в себя. То ли слишком тяжела оказалась шапка губернатора, то ли предчувствовал что-то и никак со мной расстаться не мог. Было ощущение, что он запутался в жизни и ничего не понимает, что вокруг происходит. Но не всякому же расскажешь. А я собеседником оказался удобным: молчу, не перебиваю.

— Я все понимаю, ты прости, что пригласил не тебя на инаугурацию, а «Березу»...

У Лебеда были на Березовского большие виды, но тот его примитивно «кинул» после выборов.

— Васильич, тяжело... Прилетают какие-то лысые макроэкономисты из Москвы целыми самолетами, с ноутбуками. Что они говорят — не всегда даже понять могу. Я же военный...

Посочувствовал ему. А что я еще могу: все его поступки после армейской службы — это был его выбор.

А спустя две недели Лебеда не стало. Авария вертолета случилась глупо, не из-за отказа техники — в чистом виде человеческий фактор. Был снежный заряд, это обычно ненадолго в тех краях, но Лебедь же не мог ждать и рыкнул на командира: «Я и не в такую погоду летал, выполнять приказ!»

Вертолет напоролся на ЛЭП, погибли девять человек, Лебедь скончался по пути в больницу.

На меня выходили журналисты с ряда телеканалов и из газет

накануне даты, когда Лебедю исполнилось бы 60 лет. Просили интервью с воспоминаниями о нем. Но я всем отказал. Знаю, что и Толя Быков в Красноярске тоже неохотно вспоминает о генерале. По крайней мере, никаких его пространных интервью о Лебеде мне в прессе не попадалось.

Так называемые «авторитеты» не лезут в публичное пространство и живут, сверяя свои действия с набором неписаных законов и правил. Хороши они или плохи — оставим за скобками. Но эти люди уверены, что живут правильно. Есть высший закон, который всех нас неминуемо в свое время рассудит, а человеческий суд очень часто над некоторыми людьми не властен, ибо есть в них какой-то стержень, мешающий «нагнуть».

А что касается юридического аспекта — в те же 90-е годы ведь и «серые», и «черные» схемы, чтобы прибрать собственность к рукам, использовались всеми. Законов практически никто не соблюдал. Сначала их не было, а потом они переписывались и подзаконными актами «корректировались». Но не ответил за это почти никто, кроме нескольких человек, которых можно пересчитать по пальцам одной руки.

По инициативе, думаю, первого лица сначала Ходорковский оказался за решеткой, а потом и Кумарин-Барсуков. Первое лицо же требовало «посадок». Но посаженными оказались отнюдь не те, кто грабил и грабит страну, выводя активы за рубеж, а те, кого легче посадить. Если у руля в стране сейчас такие нравственные и уважающие закон люди — так, может, они в зеркало посмотрят? Питерские команды — они ведь разные. Хотя раньше были одним целым...

Недавно был я на традиционном вечере ветеранов Службы безопасности президента. Выступали заслуженные люди, вспоминали времена становления службы, говорили о том, что им дорого. Не слушали выступавших только с десятков очень шумных, развязно себя ведущих молодых людей, сдвинувших в углу несколько столов.

— Кто эти наглецы? — поинтересовался я у коллеги.

— Это фэсэошники, выездники (личная охрана. — **Авт.**) семьи Ельцина, — вздохнув, ответил мой старый товарищ.

— Как, они до сих пор их охраняют?..

Я потерял дар речи.

По закону о гарантиях президенту, госохрана полагается только жене (вдове) бывшего главы государства. Каким боком охраняемыми лицами оказались Валя Юмашев, Таня Дьяченко и прочие «семейные»?! Почему государство, то есть налогоплательщики, должны обеспечивать покой этих жуликов и негодяев, за какие такие заслуги? Ответ вряд ли кто-нибудь даст

— это к вопросу о том, может ли влиять «семья» на руководство страны.

К слову, когда Трампа избрали президентом США, его жена заявила, что не поедет с супругом в Вашингтон. Стало известно, что Меланья хочет остаться жить в 58-этажном небоскребе «Трампа-тауэр» в центре Манхэттена, а Secret Service ведет переговоры по вопросу создания в «Трампа-тауэр» специального отделения безопасности. Тут же, моментально, около 100 000 жителей Нью-Йорка подписали петицию с требованием к властям, чтобы супруга избранного президента после инаугурации мужа уехала с ним. В петиции подчеркивалось: охрана семьи президента обходится налогоплательщикам Нью-Йорка в миллион долларов в сутки, и люди этого не хотят. Подписанты посоветовали первой леди «собрать свои дизайнерские чемоданы» и «немедленно переехать в Белый дом». Авторы петиции были согласны оставить Меланью в Нью-Йорке, если бремя по содержанию ее охраны будет переложено с городского бюджета на плечи самого Трампа. А освободившаяся сумма пойдет на дороги, школы, больницы и организацию новых рабочих мест.

Интересно, как выкручивались бы Юмашев и Дьяченко, если бы народ потребовал от них соблюдать российские законы. Но мы, увы, не в Нью-Йорке...

Не трожь — он и пахнуть не будет

Ученые провели исследование, которое показало: каждый человек хотя бы раз-два в день врет. Для чего? Причины у всех разные. Одни — для приобретения каких-то благ и преимуществ, другие — просто ради красного словца, третьи — для того, чтобы казаться лучше, чем они есть на самом деле. При этом в отдельную категорию выделены политики: существует мнение, что этим-то врать приходится по характеру их деятельности. Политика, мол, всегда была и будет делом грязным, и в ней невозможно выжить, если не умеешь городить чушь с честным выражением лица. Но это — для тех, кто заматерел уже, у кого политический капитал наработан. Я убежден, что начинать политическую биографию со лжи, стартовать нечестно — нельзя. Ведь потом все тайное станет явным, и будет стыдно. Всплывшая на поверхность старая ложь может стать впоследствии рычагом влияния на политика. Или элементарно выставить его в смешном виде.

Борис Ельцин порой врал ради самого вранья — чтоб «красиво было», хотя можно просто промолчать.

Многие врачи и медсестры в Центральной клинической больнице в курсе, что у Ельцина была попытка суицида. После пленума ЦК КПСС 1987 года, на котором будущий президент подвергся обструкции, он впал в такую депрессию, что дома по распоряжению жены от него спрятали все колющие и режущие предметы. В кабинете Ельцина в горкоме КПСС оставили только ножницы для бумаги с тупыми концами. Но он и их попытался использовать, чтобы свести счеты с жизнью: приставив их к груди в районе сердца, упал грудью на пол. Однако только располосовал кожу на ребрах. На порез в ЦКБ наложили швы.

Я часто парился с ЕБН в бане. Однажды он, почесывая шрам на груди, поинтересовался:

— А вот вы знаете, Александр Васильевич, откуда у меня этот шрам?

Естественно, я знал, но ответил отрицательно, чтобы выслушать версию ЕБН.

— Это было, когда с меня сняли охрану, — начал Ельцин свой рассказ. — Ну, думаю, не дождетесь: слабины не дам! Ходил, как обычный советский гражданин, по улицам, ничего не боясь. А чего бояться — я же мужик. Один раз иду по подземному переходу через улицу Горького, и вдруг навстречу выскакивает вот такой амбал! Вытаскивает нож, замахивается и бьет меня! Но у меня же реакция — о-го-го-го! Отмахнулся, и нож только вот на

груди кожу зацепил...

— Борис Николаевич, да вы герой! А амбал куда делся?

— Да убежал. Увидел, что против меня нет у него приемов, не на того напал, и смотался. То ли подосланный был, то ли просто хулиганье...

Проходит месяц, и снова мы в бане, и опять та же тема:

— А вот вы знаете, Александр Васильевич, откуда у меня этот шрам?..

И я выслушиваю очередную версию про злодея с ножом и героического ЕБН, давшего негодяю квалифицированный отпор. Правда, уже с другими координатами места происшествия и временем: «Это было, когда я был депутатом первого съезда народных депутатов, и жили мы все в гостинице «Москва». Вот рядом с гостиницей и набросился он, подлец, на меня с ножом. То ли заказ был, то ли просто наркоман. Но не на того напал!»...

Думаю, что если бы снова эта тема возникла, была бы и третья версия покушения на видного деятеля перестроечного движения. Зачем он врал? Не знаю. Может, и сам уже поверил, что не было никакой малодушной попытки самоубийства, а был враг с ножом. Это такой пацанский фольклор из серии «они подошли из-за угла, их было семеро, а я один».

Из той же оперы: Ельцин повсюду рассказывал, что он два раза прочитал все 50 с лишним томов собрания сочинений В. И. Ленина. Я спрашивал его: «А зачем это было вам нужно?» Он задумался, но не привел никаких аргументов в пользу того, что в практической жизни ему те знания хотя бы разгодились.

Хвалиться прочитанными томами Ленина — это примерно то же самое, что гордиться количеством бутылок коньяка, выпитого в 1991 году в белорусской Беловежской Пуще. К слову, я тогда был сильно удивлен тем, что не очень большая компания пожилых мужиков, язвенников и диабетиков, способна столько выпить...

О принятых там решениях, которые отправили в корзину истории страну СССР, много уже написано. Скажу лишь, что именно из того леса растут ноги дичайшего социального расслоения в России. Спустя 100 лет после Октябрьской революции с ее незабвенным «Фабрики — рабочим!» примерно один процент населения России владеет 9/10 всех национальных богатств. Нигде в мире такого больше нет.

В Беловежском лесу Россия получила независимость от окраин, а присосавшиеся к Кремлю персонажи — возможность безнаказанно грабить страну. К той приватизации намертво прилепилось определение «грабительская», и с этим трудно не согласиться. Кто-то с кем-то в бане парился, или в одном классе

учился, потом подсуетился вовремя, поучаствовал в мошенническом залоговом аукционе и приехал, допустим, на огромный металлургический комбинат. И сказал рабочим: товарищи, вы всю жизнь гнули спину на коммунистов, а теперь все изменилось — будете гнуть спину на меня. Чтобы мои дети за границей учились, а у меня был самый большой коттедж в Подмоскowie и самая комфортабельная на Лазурном Берегу яхта, потому что я больше вашего понимаю в экономике, а значит, я — более эффективный собственник.

Таким вот образом раздербанили самые лакомые куски национальной экономики. И первое, что сделали «эффективные менеджеры», — задрали цены и тарифы. Это вообще наша национальная идея: если представилась возможность, надо немедленно хапать, и как можно больше, пока по рукам не дали.

В Кремль и в правительство, как тля, полезли какие-то люди, которые (я доподлинно знаю) платили десятки и сотни тысяч долларов только за возможность попасть в кабинет Ельцина, Филатова, Чубайса, Юмашева, Волошина и пр., чтобы «продать» нужное бизнес-решение, неслыханно обогащающее за бюджетный счет очередной «коллектив единомышленников». Это была не экономически оправданная приватизация, а именно захват национального достояния группой лиц, имеющих доступ в коридоры власти.

Цель была не укрепить и развить экономику, а «наши гордые дать имена» лучшим предприятиям, чтобы высосать из них все соки, поматросить и бросить обратно государству. Правильно в этой связи заметили по поводу Чубайса и его «реформы РАО ЕЭС»: это была передача предприятий частнику по формуле «приватизация прибыли и национализация убытков». И так — во всех отраслях, какую ни возьми.

И все это продолжалось не год, не два — десятилетия. В 2014 году началась «вторая волна приватизации»: надо доесть то, что не сожрано было в свое время по каким-то объективным причинам. У руля уже новое поколение «прихватизаторов»: детишки подросли у олигархов 90-х...

И ведь что более всего обидно, есть масса совестливых, образованных, современных ребят, патриотов в полном смысле этого слова, которые готовы работать в России, связать с нею свое будущее. Но, глядя на все это шакалье пиршество у трупa российской экономики, они закономерно делают вывод: нет, ЭТИ жить и работать здесь не дадут. И вот уже в середине 2010-х пошла очередная волна эмиграции. И на этот раз уезжают не те, кто смог, а — лучшие. Думающая молодежь с мозгами, не отшибленными ток-шоу-телевизором, нужна везде, и она повсюду

в мире — как у себя дома. Потому что мир кардинально изменился, о чем не догадывается наша замшелая властная верхушка, пытающаяся изолировать страну, пугая Западом, желающим нас зачем-то захватить (а то у них своих проблем мало).

А мы прописались у разбитого корыта с разваленными промышленностью и сельским хозяйством, «убитым» образованием, «ползучей» платной медициной и десятками миллионов нищих. Богатейшая по природным ресурсам страна болтается на задворках списка стран мира по всем социально-экономическим параметрам. Не можем создать сами ни компьютер, ни мобильный телефон, ни автомобиль нормальный, а овощи закупаем в Израиле. Обнаглевшие от безнаказанности чиновники себе строят виллы на Средиземноморье и в Альпах, а оставшемуся в России народу — бомбоубежища.

Знали бы, что так будет, те, кто поднимал в Беловежской Пуще 18-й тост «за будущее наших стран»... Смешно было наблюдать, как вчерашние функционеры КПСС, завсегда и партхоз-активов, вдруг ставшие убежденными демократами, пытались под «Зубровку» с маринованной кабаниной на вилке выговаривать еще вчера идейно-вредные слова «интеграция», «международное разделение труда», «рынок», «технократия». Это были те еще технократы... Как в старом анекдоте.

Поехал Чапаев поступать в институт. Через месяц Петька его встречает:

— Ну что, Василий Иванович, сдал?

— Да понимаешь, кал сдал, мочу сдал, а математику завалил.

— Чего так?

— Да спросили про трехчлен в квадрате. А я такого даже представить не смог...

Вспоминаю в этой связи одну из поездок «технократа и демократа» Ельцина в северокавказскую республику, какую — не важно. Это был обычный визит государя в подведомственный регион. Прилетели вечером. Лишним будет даже говорить, что хорошо посидели по приезду — кавказское гостеприимство еще никто не отменял.

Утром начиналась официальная часть визита.

Совещание с участием местного директорского бомонда было назначено на 10 часов. Ну, поскольку это — Кавказ, а приехал к ним ЕБН, вкусы которого по части меню на завтрак уже были известны, то прямо с утра подали спиртное. Высокий гость опохмелился, хотя и в меру — выступать же нужно было, рассказывать о рыночных преобразованиях и планах по подъему гор Кавказа и расширению предгорий.

Кортеж подъехал к республиканскому «белому дому» — стандартному зданию с претензией на монументальность. Зал уже был заполнен ответственными джигитами во французских костюмах. Прибывшее руководство разместилось в комнате президиума за занавесом. ЕБН взял текст доклада, подготовленного помощником В. Илюшиным, открыл и сделал вид, что читает. Хотя было заметно, что мысли его — не в процентах и планах, а где-то еще. Поскольку мы его уже изучили, то по озабоченному сопению поняли: думает ЕБН о том, о чем обычно думает с утра «поправивший здоровье» человек — то есть «а где здесь туалет?» Которого при комнате президиума вообще не оказалось: с этим на Кавказе всегда нелегко было, почему-то без почтения там к естественным нуждам относятся.

Кстати, когда я работал руководителем охраны президента Финляндии Мауно Койвисто и возил его в Азербайджан, в Нахичевань — на родину клана Алиевых, то ровно та же задача встала. Туалет там был, но без цивилизованной «инфраструктуры»: бумаги, салфеток и мыла. Кувшин с водой только стоял. Но финский президент — не индус же, и пришлось в пожарном порядке заниматься «туалетным вопросом». А куда деваться: это — оборотная сторона любого визита. Остается обычно за кадром масса, казалось бы, мелочей, каждая из которых, однако, может нарушить порядок всей работы и скомкать важные мероприятия.

А тут вообще не было соответствующего помещения. До начала заседания — минут десять. Выхожу, обращаюсь к офицеру охраны и выясняю, что туалет имеется один на весь этаж, в конце коридора. По краю ковровой дорожки, вдоль подоконников выстроились нафары (в переводе с восточного — человек, лицо). Это тоже незыблемая южная традиция: будь хоть начальник цеха или знатный бригадир колхоза, при нем обязательно должен быть «человек» — портфель носить, пальто подать и пр. Ельцин и я позади просквозили мимо них, как вдоль строя. Нафары подобострастно кланялись и заинтригованно глядели вслед...

ЕБН, заходя в туалет:

— Сколько до заседания?

— Семь минут.

— Ладно, успею...

Заскочил в сортир и — «завис». Надолго. Я стою снаружи, так положено по всем инструкциям, мною же утвержденным — народ вокруг чужой, не проверенный, неизвестно, кто там в коридоре толчется.

Когда мое терпение иссякло — уже минут пять, как должно идти совещание — я заглянул в туалет. Там было четыре

раковины, возле каждой — зеркало, полотенце крахмальное, мыло «Земляничное» (стоило в СССР 12 копеек — дешевле не было). Поразил имевшийся одеколон «Шипр». Даже по тем временам это был уже раритет, только в сельской местности где-то еще можно было увидеть в продаже, да и там употреблялся он чаще не по прямому назначению, а вовнутрь. «Шипр» — это легенда. Известнее только, пожалуй, «Тройной», который, к слову, всегда доставлялся Сталину — лишь этот одеколон, говорят, не вызывал у вождя аллергической реакции. Потом уже самым модным мужским ароматом стал «Шипр» (цена в СССР — 1 рубль 20 копеек). К тому же одеколон этот производился Свердловским парфюмерным комбинатом — родной для ЕБН запах.

Так вот, вхожу я и наблюдаю такую картину: кабины без дверей, унитазов нет, в полу — дырки, как в армейской казарме. Хотя все чистенько. Из крайней кабины торчит голова охраняемого лица — ладно, спасибо, что живой. Захожу еще через пять минут. Ельцин стоит у зеркала, щедро наливает в ладонь «Шипр» и шлепает себя по щекам, мурлыча любимую «Калинку», что свидетельствовало о полном удовлетворении жизнью. Одеколон атмосферу в помещении, так сказать, улучшил, но, как ни странно, не очень сильно...

Говорю докладчику № 1: всё, время, давайте поторопимся, люди ждут. ЕБН, кстати, очень не любил опаздывать, в отличие от более поздних традиций руководства страны. Он согласно кивнул головой и бодрой походкой направился к залу. По коридору за ним моментально распространился шлейф далеко не одеколонного аромата. Впрочем, не побоюсь этого слова, невыносимой вони. Нафары, все так же стоящие вдоль стен, начали переглядываться, принохиваться. Я оглянулся и, мягко говоря, обалдел: ЕБН этого не замечал, но на ковровую дорожку за ним после каждого шага шлепалось нечто, оставляя следы, какие обычно оставляет бредущий с пастбища теленок, плотно обьевавшийся лугового клевера...

Я был в шоке — за мою карьеру подобное происходило впервые. Нафары церемониально кланялись, я старался загородить ЕБН от их взглядов, да куда там...

В комнате для президиума нас встретил старший адъютант Кузнецов. Я прошептал ему на ухо: «Толя, катастрофа, ЕБН... в штаны!» За то, что Анатолий потом сделал, ему надо было бы дать орден за заслуги перед страной. Других подвигов я за ним не замечал, но тот перекрывал все его предыдущие недоработки. В комнате стоял стол человек на пятнадцать, накрытый для президиума: выпить-закусить в ходе работы над резолюцией. Толя моментально сгреб со стола все накрахмаленные салфетки,

несколько бутылок с нарзаном, отвел ЕБН в сторону и... ну, короче, осуществил все необходимые манипуляции по приведению оплота демократии в относительный порядок.

Ребята из выездной охраны бегом принесли из машины свежий костюм, сорочку, галстук. Местная обслуга свернула в коридоре пострадавшую ковровую дорожку. В комнату несколько раз пытался заглянуть глава республики, тоже с подозрением принимающийся — адъютанты держали дверь, не пуская его. Ошалевшего от всего этого и, кажется, так ничего и не понявшего ЕБН под гром оваций толкнули в зал. Он что-то долго говорил с трибуны про реформы и воспитание человека будущего, но получилось, на мой взгляд, не очень убедительно для присутствующих. Особенно для первых рядов. Их отвлекал от слов про мощь и непобедимый дух исходящий откуда-то душок, какой бывает в вокзальном туалете, если его долго не мыть. Слушатели вертели головами, пытаясь по лицу соседей понять, чувствуют ли они то же самое. Они стали подозревать, что источник ароматов стоит на трибуне, но опасались себе в этом признаться — на Кавказе любой гость в почете, и он по определению так вонять не может...

Конечно, любой человек — будь то частное лицо или глава государства — имеет право на приватную жизнь, на какие-то житейские слабости, пусть даже пороки (хотя бы и пить водку с утра во время официальных визитов) и вправе требовать, чтобы в его интимно-личную сферу не вторгались. Но если тебя все любят и не критикуют, то ты — икона, а не руководитель. Европейский суд по правам человека давно поставил в этом вопросе точку. Если ты — публичное лицо, имеешь политические, властные полномочия, то порог критики в отношении тебя снижен. Будь готов к тому, что общество тебя просветит насквозь. Журналисты имеют право следить за каждым твоим шагом и выносить на всеобщий суд твое поведение, а за все свои слабости и стыдные поступки придется держать ответ. Потому что ты не просто «физлицо», а от тебя напрямую зависит благополучие десятков и сотен миллионов людей, за которых ты добровольно взял на себя ответственность.

И если ты ударно «позавтракал» и в туалет не в состоянии нормально сходить, с похмелья воняя (не важно, чем именно) на всё здание правительства в регионе, или на потеху всему миру кривляешься с дирижерской палочкой в европейской стране так, что твои земляки отворачиваются со стыда от экранов телевизоров — это не только твой позор. Это — репутационный ущерб для государства, страны, а значит, и всех ее граждан. Таким руководитель быть не должен.

Как-то ко мне в Госдуму пришла бывший заместитель руководителя Администрации Президента РФ Виктория Митина:

— Александр Васильевич, спасите, нужны связи в МВД...

Какие-то очередные проблемы с правоохранительными органами у нее возникли. Отвечаю: связей нет, а депутатские полномочия — есть, пиши заявление, и, если сочту для себя возможным, обращусь с запросом в инстанции. И почему, мол, ты пришла ко мне, если везде хвасталась близостью к Ельцину? Она рассказывает:

— Да была я уже у него. Сидит на даче в Горках. Встретил любезно, чаю предложил, рюмку налил. А когда стала говорить о своей проблеме, Ельцин рукой только махнул: дескать, что ты от меня хочешь, я — птица в золотой клетке, будто и нет меня. Говорю ему: не верю, Борис Николаевич, вы же этим людям власть отдали на блюдечке! А он пододвинул прямой телефон с надписью «Путин», снял трубку — только гудок, не берет никто. «Так шта никому я не нужен, ноль внимания на меня...»

Эта госдача в Горках-10 — самая большая по размеру, 77 гектаров, здесь когда-то жил Рыжков, а до него клонилась к закату жизнь Хрущева. Вот и Борис Николаевич там заканчивал после того, как «я устал, я ухожу». И обижаться он должен был только на себя за то, что стал пустым местом. Хотя понимаю, как ему это было тяжело, ведь находиться в центре внимания — это для Ельцина в какой-то момент стало главным в жизни. Он уверовал в свою исключительность. И любил хвалиться тем, какой он уникальный.

Например, не раз говорил мне (забывал, что уже рассказывал):

— Я — единственный из первых секретарей Свердловского обкома, который посетил все двести птицефабрик!..

А зачем? Ответа нет. Сам не знает, для чего такие затраты были — вертолеты, машины, топливо, сопровождение, сорванные на «мероприятие» с рабочих мест труженики. Полно отнятого времени и своего, и сотен людей, задействованных в этом. Ведь чтобы разобраться в трудностях отрасли, достаточно было бы навестить несколько птицеферм, а дальше — решать их проблемы. Но его это не волновало и в годы партийной работы, и во времена президентства.

— А человеческий фактор?! — возражал Ельцин. — Ведь людям приятно видеть меня. К той же птичнице подошел, поздоровался, орден на грудь повесил. Или часы с себя снял и подарил...

Лукавил ЕБН. Собственные часы он никогда никому не дарил. Мы всегда брали с собой в поездки запас дешевых часов с

президентской символикой. Это повторялось на встречах с народом довольно часто, люди знали уже и между собой говорили: «Сейчас часы раздавать будет». И выстраивались, как за колбасой, в очередь. Хотя лучше бы пару машин угля для отопления раздал или несколько инвалидных колясок.

Но он-то был уверен, что осчастливил «подданных», явив им свой лик. Как был уверен и в том, что в доме правительства той кавказской республики никто не чувствует запаха федерального центра...

Танцуют все!.

В январе 2017 года мир наблюдал за инаугурацией нового президента США. А российские аналитики хором рассуждали: будет ли теперь, при Трампе, Америка уважать Россию? Убежден: это не от нового хозяина Овального кабинета зависит, а от нас. От того, будет ли расти наша экономика. Возрастет ли благосостояние людей, отодвинемся ли мы от черты, за которой — массовая нищета и социальные протесты.

В Америке доходы граждан в разы больше и более разумная политическая система, в которой президент — не царь. Он не сможет творить, что его левая нога с утра захотела — там независимая судебная власть, независимый конгресс удерживают исполнительную власть в рамках закона и здравого смысла. В парламенте не включается «бешеный принтер», и никакая «Единая Америка» не сможет безумствовать, холуйски заглядывая в рот президенту и занимаясь удовлетворением интересов не граждан, а Белого дома.

Избиратели там — реальная сила. А президент, другие политики — исполнители их воли. В этом я убедился воочию, когда сопровождал Ельцина во время визита в США в 1994 году. И снова убедился в том, что репутация страны очень сильно зависит от облика ее руководителя. Я столкнулся с тем, что первый президент России, увы, чаще всего ассоциируется и за границей, и здесь не с достижениями в экономике и социальной сфере (а они были): большинство моих собеседников, когда речь заходила о Ельцине, вспоминали его позор Шеннона и Берлина. А значит, и наш общий позор...

...В тот сентябрьский день 1994-го между президентами России и США состоялись обычные, в рамках официального визита, переговоры. Ельцин и Клинтон с удовольствием позировали перед фотокамерами.

Завтрак накрыли в столовой. Во время завтрака произошел обмен хоккейными свитерами. На одном было написано «Клинтон-96», а на другом — «Ельцин-96»: оба президента готовились к выборам.

Во мне росло раздражение — я всегда чувствовал, когда хорошее настроение Ельцина перерастает в неуправляемое вульгарное веселье. Крепких напитков за завтраком не подавали, зато сухого вина было вдоволь. ЕБН съел крохотный кусочек мяса и опустошил несколько бокалов. Клинтон сообразил, что происходит с гостем, но делал вид, будто все о'кей.

Из-за стола Ельцин вышел, слегка пошатываясь. Вино

ударило в голову, и он начал отчаянно шутить — остроты, правда, были тупыми. Переводчик с трудом подыскивал слова, стремясь корректно перевести на английский русские сальности. Клинтон поддерживал веселье, но уже не так раскованно, как вначале — почувствовал, видимо, что если завтрак закончится некрасивой выходкой, то он тоже станет ее невольным участником.

Облегченно я вздохнул только в самолете. В Россию мы возвращались через Ирландию.

В аэропорту Шеннон нашему самолету предстояло пробыть около часа — у президента Ельцина была запланирована сорокаминутная встреча с премьер-министром Ирландии. Но встреча не состоялась. Вместо первого лица России к изумленному Альберту Рейнольдсу по трапу спустился первый вице-премьер правительства РФ Олег Сосковец.

Пресса на следующий день как с цепи сорвалась. Российские и зарубежные журналисты излагали десятки версий, одна неправдоподобнее другой, почему все-таки Борис Николаевич не вышел из самолета. Официальному сообщению президентской пресс-службы — Ельцин сильно утомился и проспал встречу в Шенноне — никто не поверил.

Летали мы на «Ил-62», который достался Ельцину от Горбачева. После первого дальнего перелета поняли: салон плохо приспособлен для продолжительных путешествий. Странно, что Михаил Сергеевич, обожавший роскошь и комфорт, не мог сносить оборудовать свой самолет. Поэтому в 1993 году Ельцин принял решение подготовить самолет президента России на базе нового «Ил-96». Управление делами выделило полмиллиона долларов, и вскоре руководитель Государственной транспортной компании «Россия» продемонстрировал обновленный на эти деньги салон.

Сколько при этом украли — не знаю, но внутреннее пространство пассажирского отсека было разделено хлипкими пластиковыми перегородками на комнаты, которые мне напомнили кабинки для примерки одежды в магазине. Недостаток дизайна, видимо, должны были компенсировать развешанные повсюду кокетливые занавески. Но особенно впечатлила широкая двуспальная кровать — смотрелась она на фоне убогого интерьера, как рояль в огороде.

— А где президентский санузел? — поинтересовался управделами Павел Бородин.

— Во втором салоне.

— Это что же, Борис Николаевич должен через весь самолет бегать в общественный туалет? — зарычал Бородин. Хотя логичнее было бы, если б он выполнял свои прямые обязанности

— контролировал, как идет оборудование борта № 1, а не кулаками после драки махал.

Руководитель компании оказался находчивым человеком и с ходу предложил вариант — рядом с кроватью президента поставить для него персональный биотуалет. «За занавесочкой», — добавил про себя я.

К слову, чуть позже мы побывали на заводе в Швейцарии, где делают салоны самолетов для президентов, шейхов, королей и просто состоятельных клиентов. Продемонстрированные образцы салонов понравились, и мы пригнали туда пустой «Ил-96». По эскизам сына художника Ильи Сергеевича Глазунова — Ивана — швейцарцы сделали изумительный интерьер. В новом самолете можно было работать и жить не менее комфортно, чем в Кремле. Появились душевые кабины для президента и персонала, две спальни, зал для совещаний на 12 человек, просторные кресла для сопровождающих. Врачи обрадовались — наконец-то есть место для громоздкого медицинского оборудования, без которого, как и без целой бригады докторов, Ельцин был уже не «летун».

А тогда, возвращаясь в Россию из Америки на брежневско-горбачевском «Ил-62», самые важные члены делегации расселись в салоне первого класса на восемь персон.

Президентские апартаменты на «Иле» тоже выглядели скромно: тесная раздевалка, умывальник, унитаз, комната отдыха с двумя узкими, как в поезде, кроватями и откидным столиком. Был и общий салон, в котором вдоль стен опять же стояли узкие диваны.

У меня с Виктором Илюшиным места были постоянными — мы сидели напротив друг друга. Перед глазами маячила кнопка вызова: если президент хотел с кем-нибудь из нас переговорить, загорался сигнал.

Кормили всех одинаково, сытно и вкусно. Стюардессы предлагали спиртное. У Ельцина, как и полагалось по инструкции, даже в самолете еда была особой — ее готовили личные повара из «президентских», тщательно проверенных продуктов.

Спустя некоторое время после взлета Борис Николаевич вызвал меня и спрашивает:

— Кто там у нас в салоне? Кого позовем сюда, ко мне?..

По канонам безопасности в одном самолете или вертолете не должны летать вместе президент страны и премьер. Поэтому Виктора Черномырдина в нашей самолетной компании никогда не было. А постоянный круг включал Илюшина, Сосковца, Грачева, Бородину, Барсукова и шефа протокола Шевченко. Порой места всем не хватало за одним столом, и мы накрывали второй

приставной. С нами всегда сидела и Наина. Поначалу Ельцин ее старался не брать в поездки, но потом, когда начались проблемы со здоровьем, она находилась рядом и в ходе визитов по стране, и за рубежом.

В Америке ничего катастрофического не случилось — вовремя «слиняли», поэтому на посиделках в президентском отсеке самолета все поздравляли ЕБН с очередной дипломатической победой. От комплиментов он млел.

Мы долго не засиделись. Все устали, хотелось спать. Когда Ельцин лег в своей комнатке, к нам подошла Наина и предложила перейти в общий салон, где обедали. Со столов уже убрали, и можно было прилечь, вытянув ноги на узких диванах. С моим ростом и комплекцией почти невозможно отдохнуть в кресле. Я улегся на диване и заснул моментально.

Вдруг сквозь сон слышу панический шепот Наины:

— Александр Васильевич, Александр Васильевич!..

Я вскочил.

— Что случилось?

— Он встал, наверное, хотел в туалет, но упал и лежит!..

Все переполошились: через несколько часов посадка в Шенноне, а Ельцин — никакой. Хотя я и не врач, но подумалось: не похоже на инфаркт...

— А что он мокрый-то? — спросил я у Наины, когда затаскивал обмякшее президентское тело на кровать.

— Да обоссался, пьянь чертова!..

Сто десять килограммов веса бездыханного Ельцина показались мне тонной — обхватил под мышки, подлез снизу и вместе с телом заполз на кровать. Когда пришли врачи, президент лежал на кровати. Они начали работать — капельницы, уколы, искусственное дыхание. Наина металась по салону:

— У него инфаркт, что делать?!.

Доктора тем временем поставили диагноз: либо сердечный приступ, либо микроинсульт. Была ночь, а когда рассвело, ЕБН очнулся, увидел меня и говорит:

— Оденьте меня, я сам пойду...

Врачи боятся к нему подступиться, а он права качает:

— Сделайте меня нормальным! А не можете — идите к черту!..

Меня всегда восхищало терпение кремлевских докторов: такие клиенты кого угодно с ума сведут.

Приземлились. Глянули в иллюминатор — почетный караул стоит, ирландский премьер тут же. Заметно, что нервничает.

Ельцин обреченно спрашивает:

— А кто тогда пойдет?

— Сосковец.

— Нет, я приказываю остаться! Я сам...

Кричит так, что, наверное, на летном поле слышно — дверь салона уже открыли. А Ельцин встал и снова упал. Понял, наконец, что не судьба ему с премьером поручаться, сел на пуфик в трусах и рубашке и заплакал. И — ко мне претензии:

— Вы меня на весь мир опозорили...

— Это вы чуть не опозорили всю Россию и себя заодно...

А Сосковец и Рейнольдс неплохо время провели, даже по кружке темного ирландского пива выпили.

В тот раз, можно сказать, пронесло. Впрочем, одним скандалом больше, одним меньше — большой роли уже не играло. Тем более в свете роли, которую Ельцин сыграл незадолго до того в Германии. Он прибыл туда с визитом в конце августа того же 1994 года на торжественную церемонию вывода уже не советских, а российских войск с территории бывшей ГДР.

Перед сном мы в меру посидели, а потом началось в колхозе утро...

Ко мне прибежал доктор:

— Александр Васильевич, надо что-то делать! Время раннее, а он уже «устал». К тому же просит еще расслабиться перед церемонией!..

Ельцин нервничал. Его угнетали разговоры про русских, которые разгромили Германию в Великой Отечественной войне, а теперь едва ли не с позором покидают немецкую территорию, и еще неизвестно, кто в результате победил. Ну а всякую нервозность ЕБН заливал известно чем.

Наина сообщила, словно оправдываясь:

— Александр Васильевич, я только пиво ему давала!..

Ага, свежо предание... Я быстро выяснил, что пивом он «отлакировал» много других напитков. Вряд ли Наина это видела — муж к тому времени стал опытным «подпольщиком» и мог напиться до изумления, а никто не понимал, когда и чем.

По моей просьбе врачи дали ему подышать нашатырем. Пригласили парикмахершу Лидию Федоровну — она вымыла президентскую голову, сделала массаж лица, красиво уложила волосы. От этих процедур фигурант вроде протрезвел, но ненадолго...

Быстро оделись и сели в машину. До места встречи нужно было проехать минут пятнадцать, но этого хватило, чтобы президента снова развезло.

Гельмут Коль встретил Бориса Николаевича доброжелательно. Мне казалось, что немецкий канцлер относится к нашему президенту как к младшему брату. Сколько бы раз мы

ни встречались, я ни разу не видел Коля нетрезвым. Если Борис Николаевич настаивал, он выпивал водки, но не больше трех небольших рюмок. Потом, невзирая на настырные просьбы, «шел в отказ». Правда, случались исключения. В честь празднования 50-летия Победы Ельцин устроил прием в Государственном Кремлевском дворце съездов и предложил Колю испытание — выпить полный фужер водки. Наверное, граммов 200. Канцлер его спокойно, не моргнув глазом, осушил. Я потом наблюдал за ним: опьянеет или нет? Не опьянел.

Однажды Ельцин и Коль отправились с двухдневной поездкой на Байкал. Там местное начальство организовало баню. Парил гостей профессиональный банщик-сибиряк. Канцлера отмутузили вениками, ополоснули травяными настоями. Ельцин выскочил из парилки и плюхнулся в ледяную воду. Коль с бесстрастным лицом последовал за ним, будто совершал такие водные процедуры в Германии ежедневно. Вот тогда я понял: этот мужик никогда и ни в чем не уступит президенту России.

Как-то в Германии канцлер пригласил Ельцина к себе домой. Честно говоря, я ожидал увидеть более дорогую обстановку. Но роскоши, без какой в Москве чиновники не могут обходиться, в доме у канцлера не оказалось и в помине. Зато все было обустроено с поразительным вкусом.

...Все ждали начала церемонии. Коль сразу уловил известное состояние Ельцина и по-дружески обнял его. И понимающе посмотрел на меня. Выразительным взглядом я молил его помочь, хотя бы поддержать Ельцина в прямом смысле этого слова. Коль все понял: слегка обхватив ЕБН за талию, повел его на торжество. Но не на того напал: Борис Николаевич возможности «оторваться» не упустил...

Самый страшный момент наступил, когда началось восхождение руководителей двух стран к памятнику воину-освободителю в Трептов-парке. По длинной лестнице они медленно двинулись вверх. Члены российской делегации застыли в напряженном ожидании: дойдет ли наш? На шаг позади Ельцина поднимался старший адъютант Анатолий Кузнецов. Его я подробно проинструктировал и предупредил, что, если президент начнет на виду у публики и прессы «слабеть», его надо поймать.

К полудню солнце пекло, как в пустыне. К памятнику они с канцлером поднялись. Возложили венки, поклонились. Однако предстояло новое испытание — спуск. По обоим краям лестницы выстроились шеренги военных в почетном карауле. Неожиданно одному молоденькому солдату стало дурно. Как раз в тот самый момент, когда Ельцин и Коль поравнялись с ним. Немец закрыл глаза, пошатнулся, но упасть не успел — Кузнецов мгновенно его

подхватил. Анатолий пребывал, видимо, в диком напряжении и автоматически уловил чье-то недомогание. Это выглядело символично: русский офицер поддерживает теряющего сознание немецкого солдата... Но телекамеры трогательный эпизод не зафиксировали.

Потом был парад. Настроение Ельцина стало замечательным. Во время обеда он выпил много красного вина — немецкий официант не успевал подливать. Президент резвился: гоготал, раскованно жестикулировал и нес ахинею. Я сидел напротив, было очень стыдно.

После обеда предстояло возложить цветы к памятнику погибшим советским солдатам. И мы отправились туда вместе с Колем на специальном автобусе, в котором была оборудована кухонька с дорожным баром. Борису Николаевичу тут же захотелось испытать на себе комфорт «Мерседеса» с баром. Он заказал кофе, но на повороте вылил содержимое чашки на свою сорочку. Оперативно переодели.

Пока Ельцин возлагал цветы, мне сообщили, что напротив памятника, через дорогу, собрались представители фашистской партии с плакатами. Они возбуждены, кричат, но подходить к ним не следует. А президент уже настроился пообщаться с «благодарным» немецким народом.

— Борис Николаевич, к этим людям категорически подходить нельзя, — предупредил я. — Это неофашисты. Вас сфотографируют вместе с ними, и выйдет очередной скандал...

— Что?! Все равно пойду...

Ельцин демонстративно зашагал к людям с плакатами. Пришлось преградить дорогу. Он рассвирепел, ухватил меня за галстук и рванул. До сих пор не понимаю, как журналисты проглядели такой сенсационный кадр. Разодранный галстук я снял и вернулся в автобус. «Пошел этот козел куда подальше, больше не выйду», — сказал я себе. Но долг все же пересилил, и я выбрался из «Мерседеса» — как раз в тот знаменитый момент, когда президент России начал музицировать около мэрии вместе с оркестром полиции Берлина. Эти кадры запомнили десятки и сотни миллионов людей за рубежом и в России.

Никакого дирижерского навыка у ЕБН не было отродясь, но это не помешало ему выхватить у обалдевшего дирижера палочку и обосноваться за пультом. Ельцин размахивал руками эмоционально и убедительно, зрители сильно развеселились: ничего подобного они нигде и никогда не наблюдали, да и вряд ли еще увидят. А президент России принял улюлюканье и вопли за восторженное признание его музыкального таланта. Намахавшись палочкой, Ельцин решил пропеть несколько

куплетов из «Калинки». Всех слов он не знал, зато отдельные фразы тянул с чувством и громко.

Исполнив музыкальный долг, президент не без помощи Кузнецова снова оказался в автобусе. Мы поехали в российское представительство в Берлине. Там был накрыт праздничный стол для узкого круга гостей. Через официантов я пытался регулировать количество потребляемых охраняемым лицом напитков, и они ограничивали выпивку, как могли. Вдруг к Ельцину едва ли не ползком подкрался какой-то человек с бутылкой водки. Он был согнут от подбострастия в три погибели. Тут уж я сорвался и заорал:

— Кто такой?! Вон отсюда!..

За столом воцарилась напряженная тишина.

Выяснилось, что холуй, на которого я спустил полкана, оказался нашим высокопоставленным дипломатом в ГДР.

...Впоследствии я поймал себя на том, что, встречаясь по службе с главами самых разных государств, пытаюсь примерить на них ту роль Ельцина и представить: а как бы тот или иной президент или монарх выглядел, если б нажрался на официальном мероприятии и размахивал дирижерской палочкой на виду у всего мира? Ни с одним эта фантастическая картина не сочеталась. Даже с африканскими вождями, которые, как известно, не прочь поплясать и помуницировать...

«Не виноватый я, она сама пришла!»

Анекдот времен моей комсомольской юности.

Невеста — жениху:

— А после свадьбы я разрешу тебе поцеловать там, где меня еще никто не целовал.

— И где же это?

— В Сочи...

Как давно уже подмечено, от мемуаров политиков публика всегда ждет, во-первых, каких-то разоблачений закулисных деяний власть имущих, а во-вторых, «клубнички», какую НТВ каждый субботний вечер нам показывает. Что касается интриг во власти, заговоров, чиновничьих афер и прочей «борьбы под ковром», то любопытство по этому поводу закономерно — вся российская политика сегодня делается за кулисами, и людям не хватает информации. Да и просто они не любят лапшу, которую им вешает на уши официальная пропаганда. Ведь все понимают, что высокое начальство врет народу всегда и во всем, даже в мелочах.

По поводу тайн личной жизни политиков я уже говорил здесь: да, есть у них право на огороженную флажками свою территорию, но она по площади гораздо меньше, чем у простого смертного. Потому что политик добровольно взвалил на себя груз ответственности перед обществом. А значит, общество имеет право знать о тебе больше, чем ты сам считаешь. Если строго по-мужски говорить, то имеются, конечно, темы, которые нормальные мужики только в банях обсуждают после третьей рюмки. Но порой те, кто у власти, сами провоцируют публичное обсуждение того, о чем вслух не говорят.

Даже в известной вольными нравами Франции в 2014 году поднялся шум, когда журнал опубликовал фотографии, на которых видно, как президента Олланда подвозят на мотороллере к дому его любовницы-актрисы, которой он купил квартиру недалеко от Елисейского дворца. Хотя общественное мнение было, скорее, на стороне президента, попавшегося на интрижке: ну, любовница, и что? Не любовник же. Комментарии были больше иронические, беззлобные. Чего не скажешь, например, об истории 1999 года с «человеком, похожим на генпрокурора России» Ю. Скуратова. На некачественной записи, показанной по центральному телеканалу, было видно, как некий мужчина в постели кувыркается с двумя девицами. Тем не менее ролик обнародовали. И понеслось...

На руководителя надзорного органа набросилась тогда целая свора холуев. Назову только троих.

«Профессор политологии» (а на самом деле совсем других наук профессор), управделами президента Бородин.

Управделами Генпрокуратуры Хапсировов по кличке «Хапсик» — тот самый, кому Березовский привез на Большую Дмитровку охапку роз в день, когда с Абрамыча сняли обвинение по делу «Аэрофлота». Хотя дело не закрыто: на начало 2017 года по «аэрофлотовскому» делу было назначено разбирательство в Высоком суде Лондона.

Трижды депутат Госдумы от ЛДПР Егиазарян, купивший себе мандат. Я ни разу не видел его на работе в Думе, хотя двухкомнатный роскошный кабинет за свой счет он на Охотном Ряду обустроил. И в итоге лишился депутатской неприкосновенности — в его деяниях обнаружились признаки мошенничества в особо крупном размере, что было связано с аферами с торговым центром на Рублевском шоссе и легендарной реконструкцией гостиницы «Москва» с кирпичами по сто долларов за штуку.

И вот эта братия, «моральная» до такой степени, что пробы ставить негде, бросилась публично обвинять генпрокурора в «аморалке». Довели человека до такого состояния, что Скуратов в феврале 1999 года обратился с просьбой к Совету Федерации об освобождении от должности, объяснив это состоянием здоровья. Совфед отказался утвердить отставку Скуратова, и тот вышел на работу, не согласовав это с Кремлем. Что расценили как бунт на корабле.

Думается, собака порылась совсем не там, где указывали «моралисты». Как сообщили тогда «Московские новости», федеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понто предупредила председателя Госдумы и главу российского МВД: идея отставки Скуратова — плохая. Федеральный прокурор лично возглавляла расследование «сомнительных финансовых операций между Москвой и Лугано». А поводом стало поручение из Москвы, подписанное генпрокурором Скуратовым: он хотел разобраться с деятельностью компании «Mabetex», из которой в полный рост торчали не только уши, но и лапы Бородина. Кстати, о собаках. Мой бывший заместитель генерал Г. Рогозин, прекрасно разбиравшийся в восточных гороскопах, сказал как-то, что в день и час рождения Бородина звезды были расположены так, что в тот момент родилась «грязная и подлая Собака».

Эта фирма не только выполняла заказы по ремонту Кремля, «Белого дома», зданий Государственной думы, Совета Федерации, Конституционного и Верховного судов, Центризбиркома, но и

посредничала при приобретении для российского президента двух яхт за государственный счет. А сопresident «Mabetex» В. Столповских, как писала в 1998 году газета «Совершенно секретно», под Москвой на Николиной горе строил дворец для Тани Дьяченко.

Так что это только скандал вокруг Олланда мог быть «из любви к искусству» адюльтера. Вся наша «клубничка», которая вырывается в публичное пространство, имеет обычно четкую политическую цель — опорочить людей, в данном случае тех, кто покушается на привилегии и спокойствие высокопоставленных воров и жуликов.

Сам Скуратов всегда говорил, что пленка была поддельной. Я протоколов экспертиз не видел, но могу засвидетельствовать: качество записи такое, что невозможно понять, кто там изображает «Камасутру» с проститутками, Скуратов или какой-нибудь депутат. Или сотрудник администрации президента. Или продавец шаурмы из ближайшего ларька. Тем не менее Владимир Путин, который занимался разбирательством, говорил, что запись признана «предварительно подлинной». По утверждению погибшего в 2016 году в Киеве журналиста П. Шеремета, «Путин, как говорят люди из ближнего окружения Ельцина, отвечал за то, чтобы Скуратов тихо ушел из Генпрокуратуры и не стал «мутить воду».

Я достаточно хорошо разбираюсь в механизмах таких «утечек» и получения компрометирующих материалов. Поверьте, в середине 90-х годов спецслужбы располагали технологиями, позволившими бы и родинку на попе проститутки разглядеть, не то что черты лица партнера. Если бы стояла задача записать похождения генпрокурора, на видео было бы четко видно, брился он в тот день или нет.

В появлении пленки Скуратов обвинил Кремль и спецслужбы: «Они в панике думали, что бы такого сделать, чтобы я ушел со своего поста, и выбрали этот способ».

Больше всего меня возмутил комментарий Ельцина, когда он обсуждал кино «Трое в постели» с Е. Примаковым. Борьбa с преступностью, дескать, могут только безупречные люди, а «нечистоплотность и политиканство несовместимы с высокой должностью генерального прокурора». Однако 142 сенатора из 151 отказались снять Скуратова с поста генерального прокурора, и Ельцину пришлось отстранять его своим указом.

Как у нас в народе говорят, «чья бы «мычалка» мычала» про нечистоплотность. Я не стал тогда эту тему затрагивать, хотя мог многое рассказать о Ельцине, который подавался публике верным мужем и образцом для подражания. В тот день, когда он вылез со

своими комментариями по ситуации со Скуратовым, у меня было интервью одному из телеканалов. И я журналистов попросил: ребята, у вас есть выходы на Кремль, меня туда не пускают, так вот передайте там — если президент еще раз рот раскроет, если будет очернять честных людей, то и я заговорю.

Но сразу подчеркну: я его на мотороллере к любовницам не возил. Зачем мотороллер, если есть тонированная «Волга» с финским бархатным салоном...

...Когда Борис и Наина Ельцины приехали в Москву из Свердловска, для широкого употребления всячески поддерживалась легенда о том, что он — настоящий коммунист, то есть практически идеальный мужчина и муж, раньше думающий о Родине, и только потом — о себе. В это же время сам Борис Николаевич с широкой улыбкой бывшего наставника двух женских волейбольных команд рассказывал мне, какой он опытный бабник, и давай, мол, Александр Васильевич, организовывать уже бордельеро.

От первого забега в ширину у меня осталась недобрая память, потому что я тогда сильно простудился. 1989 год, поздняя осень, первый снег, ночь, дом в Подмосковье под Зеленоградом с накрытым столом и горящим камином. А я на морозе на протяжении нескольких часов обеспечиваю безопасность в ботинках на тонкой подошве, невольно наблюдая «забег» в окна, на которых не было штор...

Следующая часть марлезонского балета могла закончиться уже не моим насморком, а репутационным ущербом для высшего должностного лица России. 1991 год. Два президента в одной берлоге: Ельцин (РСФСР) и Горбачев (СССР), в Москве — двоевластие. Осенью стали подбирать ЕБН госдачу. У него до той поры была в Архангельском, но для президента России та дачка — прямо скажем, никакая, с одной горничной на пять домиков. Дача была в ведении Верховного Совета РСФСР и не подлежала госохране с контролируемым периметром, комендантами в погонах, садовниками-прапорщиками и дворниками-сержантами. В то же время по всему Подмосковью имелось полно дач по линии 9-го Управления КГБ СССР, с площадью участков в 10–20 гектаров и соответствующим первому российскому президенту «царским» комфортом. К слову, позже, после путча Горбачев решил поделить с Ельциным имущество, в том числе и дачи. Но ему не дали этого сделать: было создано Главное управление охраны (ГУО), и его начальник, генерал-майор Владимир Степанович Редкобородый, сам все распределил, на что Борис Николаевич потом долго обижался: считал, что его обделили.

Подбирая госдачу Ельцину, осмотрели около пяти различных

вариантов, в том числе и в Сосновке. Кстати, одну из тамошних дач хотели выделить Солженицыну — не самую лучшую, но все равно очень приличную, с участком в несколько гектаров. Но Барсукову (не Кумарину) тогда не понравилась жена писателя, которая повела себя очень капризно — заявила, что, если не будет прямо вот сейчас второго особняка под архив, они не станут въезжать. Такое ощущение было, что командовала всем в семье она, а не прозаик.

Наконец подходящий вариант госдачи для Ельцина нашли. Встал вопрос набора для нее обслуживающего персонала — сестры-хозяйки, поваров, горничных, официантов. ЕБН сразу заявил: «Меня чтоб обслуживали только девушки, не нужны мужики ваши, от них аппетит портится». Привлекли двух официанток, одна из них — назовем ее Машей — свои функции выполняла особенно изящно и профессионально, засмотришься. Ну и плюс к тому — красавица, очень молодо выглядевшая, так, что и не скажешь, что у нее двое детей и муж-милиционер. Жили они в милицейском общежитии, очень скромно, если не сказать, в нужде. С мужем к тому моменту Маша развелась, но вынуждена была терпеть его присутствие по месту жительства. А куда деваться — не москвичка, приезжая.

На «смотринах» за обедом Маша всем понравилась: хорошее платье, располагающее лицо, аккуратная прическа — она вела себя достойно, кандидатуру даже Наина одобрила.

К тому же сразу было заметно, что Маша — строгих правил, держала дистанцию, и с ней никто не вел себя фамильярно. Облапать, как Трамп, схватив за... — это ни-ни, у мужиков на даче не возникало на ее счет никаких мыслей, выходящих за рамки работы. Есть такие женщины, глядя на которых сразу отмечаешь: красивая, но — не более того. Недоступная.

Так и носила она кофе-чай Ельцину, суп в тарелку наливала и котлеты подкладывала. Пока однажды не грянула буря...

В тот вечер Ельцин сказал, что останется на даче ночевать, предупредил по телефону об этом Наину, попросил принести в кабинет ужин и в его ожидании разминался коньячком. Я спускался по центральной лестнице, собираясь выезжать в Москву, и с кем-то говорил по спутниковому на ходу. И вдруг мне навстречу из примыкающего коридора буквально вылетает Маша. Я даже аппарат выронил от неожиданности. Всегда безукоризненно выглаженное платье порвано, шея и открытые плечи — в засосах, предплечья исцарапаны. В голове промелькнуло: так выглядела в каком-то старом кинофильме служанка-рабыня на американском Юге, которую хотел изнасиловать хозяин-плантатор, а она смогла сбежать,

изловчившись дать пинка по мужскому достоинству.

Маша, рыдая в голос, пыталась обрывками платья прикрыть голое тело, а я, моментально сообразив, что именно там случилось, бормотал банальности, потому что за годы моей службы такая ситуация приключилась впервые:

— Машенька, успокойся, это недоразумение, я прошу тебя, тише — охрана услышит, все сделаем для тебя, только не поднимай шума...

— Александр Васильевич, я вас очень уважаю, но я так это не оставляю... Я журналистов соберу... Мне такая работа не нужна, я не крепостная, чтоб так со мной! Я никакого повода ему не давала!..

— Машенька, ну по пьяни же! Помутнение нашло, мозги от спиртного переключило, успокойся...

— Да мне что — легче оттого, что он по пьяни? Завтра же заявление напишу, ни дня тут не останусь! И все прессе расскажу!..

— Ну, подожди, Маша! Что для тебя сделать, чтобы это между нами осталось? Ты только скажи...

Сам «насильник» уже храпел на весь коридор, а я, сдав пострадавшую на попечение сестры-хозяйки, стал перебирать в голове возможные варианты развития событий. На первый взгляд они ничего хорошего не сулили. Конечно, за его закидоны я не ответчик, я за безопасность отвечаю, но все равно мучило чувство, что где-то недоглядел, и надо выходить из положения.

Как юрист, я понимал, что процессуально являюсь свидетелем уголовного преступления. Причем из разряда тяжких. С Машей нужно было искать консенсус. И тут меня осенило.

Буквально накануне того дня руководитель администрации президента Ю. Петров своим решением выделил генералу В. Редкобородому квартиру в Москве на Лесной улице, в новостройке еще ЦК КПСС. А Владимир Степанович на тот момент занимал квартиру — подарок Б. Бугаева, министра гражданской авиации СССР и личного пилота Брежнева. Они еще до Афганистана подружились, в ту пору, когда Редкобородый по линии 9-го Управления КГБ работал в «Аэрофлоте». И Бугаев выделил семье Редкобородых двухкомнатную квартиру в районе метро Войковская, которую тот теперь освобождал. Отличная по тем временам квартира — кирпичный дом, большая площадь, высокие потолки, близко от центра столицы. Квартира только вчера освободилась и еще не перешла на учет в жилищный фонд ГУО. Я мгновенно позвонил начальнику жилищной комиссии ГУО Всеволоду Колбасову и попросил: «Будь добр, придержи квартиру на Войковской, не показывай пока комиссии».

Утром приехал и пригласил Машу для разговора к себе в машину, чтобы глаза на даче не мозолить. Она вышла: бледное лицо, глухое платье без выреза с пуговицами под самое горло. Села в машину, смотрит перед собой.

— Маша, я тебе предложить хочу кое-что. Я знаю, у тебя тяжелое положение с жильем. Ну что тебе с бывшим мужем в общаге угол делить. Так вот, ты получаешь «двушку» в центре, но с одним условием: не будешь афишировать вчерашнее происшествие. Никаких журналистов, и вообще постарайся забыть все, как страшный сон...

На следующий день, видимо, обсудив предложение со своим другом (появился у нее к тому времени близкий человек, коллега-официант из нашей системы), Маша сказала мне:

— Александр Васильевич, я согласна на квартиру. Я не буду выносить сор из вашей избы, но и сама в ней не останусь. Я увольняюсь...

Все-таки за решение жилищного вопроса в столице люди (а тем более иногородняя женщина с детьми) на многое способны закрыть глаза. И это их право, их выбор. Мы Маше помогли с оформлением документов и переездом, ремонт сделали в квартире. Она вышла замуж за того официанта, он усыновил детей, которые его обожали. Они оба уволились тогда. Но затем произошла какая-то мутная история с кавказцами, я подробностей не знаю. Ее подсадили на наркотики, муж боролся за нее до конца. Очень трудная сложилась судьба у женщины, которая однажды принесла Президенту России тот злополучный ужин...

Я пришел к протрезвевшему Ельцину в кабинет, закрыл дверь и высказал все по полной программе, по-мужски, не стесняясь:

— Борис Николаевич, так нельзя, это же Уголовный кодекс! И мы не на Сицилии, чтоб бабу — в бочку с цементом, и в воду. Разве можно так на ровном месте подставляться?..

Видно, что ему было стыдно, меня он еще воспринимал, другой бы выгнал подчиненного, и дело с концом. Сидит, сопит, глаза опустил... Он меня однажды после такого же примерно разговора спросил: «За что вы меня так ненавидите?» Я ответил: да просто говорю то, что думаю, кто вам еще это все выскажет?

Ну, думаю, будет теперь наука мужику. Один сексуально-криминальный скандал удалось потушить ценой квартиры, должен теперь даже спать о последствиях помнить.

Кроме Маши, в команде была еще одна официантка, назовем ее Дашей. Она, в отличие от уволившейся Маши, не могла себе позволить хлопнуть дверью: носила погоны, служила в 9-м Управлении, прапорщик, выслуга лет — никуда не денешься,

иначе без пенсии останешься. Остальные повара и официанты — мужики. С ними легче приходилось еще и потому, что дачная жизнь была не постоянной. Командировок много, переездов, перелетов. А пища — серьезнейший вопрос, логистика должна быть безупречной. Чтобы охраняемое лицо ничего не съело от «доброжелателей», все отлажено и рассчитано до минуты: доставка продуктов, исследование проб пищи в спецлаборатории, процедура передачи с пломбами, печатями при транспортировке от одного звена цепочки к другому — делалось все, чтобы гарантировать невмешательство посторонних. Сотрудники — дисциплинированные и тренированные, все процессы при подготовке прогонялись множество раз. Однако Даша лишней в этой группе не была и выполняла много ответственной работы.

После ухода Маши я прикрепил ее к Ельцину. Она не такая симпатичная была — довольно заурядная внешность, не «серая мышка», но далеко и не «мисс Россия». Да и постарше Маши. Я понадеялся, что уж эту-то Ельцину не придет в голову прижучить в темном углу.

Свежо предание...

Проходит полгода, и я испытываю ощущение дежавю: точно такая же картина — вечер, коридор и женщина в порванном платье с засосами на шее... С той только разницей, что рыданий не было — не на ту напал. Я прапорщицу успокаиваю, но особо и не требовалось. Опытная и психологически устойчивая, она восприняла покушение пьяного президента как боец стройбата — рабочий момент, когда бадья с раствором случайно на голову вылилась. Скандал закатывать — пустое дело, служба.

Но, тем не менее, я распорядился:

— Даша, больше ты его не обслуживаешь!

— Как скажете, товарищ генерал...

Кажется, она не сильно от этого расстроилась. Но все равно, чтобы подсластить пилюлю, назначаю ее чем-то средним между сестрой-хозяйкой и кладовщицей: выдавать полотенца, закупать салфетки и освежители воздуха и пр. Функционал — куча бытовых мелочей, которые в командировках всех утомляют, потому что об этих мелочах даже жены забывают, собирая своего в поездку. Ни в одном пособии для служб безопасности этого нет, только личный опыт сотрудников, который приходит с практикой.

Впрочем, Ельцину все же удалось вывести Дашу из себя. Она однажды не выдержала и мне пожаловалась:

— Товарищ генерал, что мне делать: Борис Николаевич в туалете упорно подтирается не бумагой, а полотенцами для лица с гербом России, вышитым золотом. Их стирают в общей машине, негигиенично. Да и дорогие они, а я — материально

ответственная...

Тут даже я, несмотря на свой богатый опыт, не нашелся, что ответить. Надругательство над государственным символом ведь осуществляет президент — сам практически символ государства и высшее должностное лицо. Ну, путает он это свое лицо с другими местами — не вышивать же на полотенцах буквы «Л» и «Ж»...

После попытки «полюбить» Дашу я Ельцину сказал:

— Все, Борис Николаевич, вас теперь будут обслуживать за столом только мужики...

Он в ответ обиженно рыкнул:

— Хватит меня воспитывать, не буду больше!..

Ну, поскольку в русских сказках все случается трижды, была и третья серия этой эпопеи.

Начиная с избирательной кампании по выборам депутатов Верховного Совета РСФСР в 1990 году на Ельцина работала группа спичрайтеров. Она начала формироваться в Свердловске из преподавателей вузов. Тогда и возникли из небытия Бурбулис и прочие, вошедшие в штаб и прижившиеся затем возле ЕБН. Появилась и женщина, проработавшая потом с Ельциным многие годы. Ну, назовем ее просто — Спичрайтерша.

Писать выступления у нее не очень хорошо получалось, это делали, в основном, Саша Ильин и Гена Харин. Второй потом умер от рака, возникшего, я считаю, на почве переживаний по поводу того, что вляпались с кандидатурой Руцкого в 1991 году. Пришли они тогда в штаб по выборам Президента России и сказали: Руцкой будет отличным вице-президентом, весь из себя такой геройский и народный. Это было буквально за день до окончания заявочного периода для кандидатов. И Руцкой пошел в паре с Ельциным. Ну, а что потом получилось — то и получилось. Я об этой истории подробно рассказывал в предыдущей своей книге. Ничего хорошего из Руцкого не вышло: один длинный паровозный гудок и матрас под мышкой для Лефортово.

Когда ЕБН стал председателем Верховного Совета РСФСР, он забрал Спичрайтершу в Москву, в Кремль. Что-то пописывала, что-то организовывала...

Однажды звонит мне из приемной В. Мамакин — работал в предбаннике у Ельцина такой персонаж. Его я буквально к жизни вернул в свое время, а он меня предал потом.

Мамакин:

— Васильич, он пригласил Спичрайтершу, очень долго сидят. А у него дела еще, и меня он не предупреждал — беспокоить его или нет с напоминаниями. Я уже им и коньяк носил, и закуску. Что делать-то?..

— Я не знаю, я к нему тоже не пойду...

Мы в тот момент поссорились с Ельциным из-за чего-то. Ни он не извинялся долго, ни я. Когда он хотел помириться, обычно звал в бильярд играть. Я его легко обыгрывал, бывало, что и 8:0, хотя, справедливости ради, ведь это Борис Николаевич научил меня играть. Он кий ломал от злости и минимум неделю не разговаривал со мной. Именно в такой момент, когда ЕБН отходил от проигрыша, и раздался звонок из приемной.

Поднимаюсь в приемную. Сидим с Мамакиным, решаем, что делать. И вдруг дверь распахивается, и из кабинета появляется Спичрайтерша: глаза на конус, кофточка до пупка расстегнута, бюстгальтер непонятно на чем держится — одна сиська голая болтается, помада по лицу размазана. Тот же сценарий случился: «А не выпить ли нам по рюмашке, ну иди ко мне, я — президент...» До дела у него вряд ли доходило, не тот случай. Но засосы повсюду — фирменный стиль. Как говорится, не съем, так понадкусываю.

И вот идет Спичрайтерша мимо нас, тщательно переставляя ноги. Вышагивает гордо, задрав подбородок, не соображая при этом, что полуголая. Мы с Мамакиным аж во фронт вытянулись от такой картины. Побрела в сторону своего кабинета, а там еще несколько офицеров охраны по пути...

Мамакин потом докладывал, что «подготовка выступлений» происходила чуть ли не каждую неделю. Как бы то ни было, пару хлебных должностей, будучи почти 10 лет при теле Ельцина, эта женщина заработала. Руководила впоследствии Центром общественных связей федерального ведомства — генеральская должность, работала вице-президентом одного из банков. Мы с ней как-то встретились на торжественном мероприятии в Госдуме в 2008 году. Она меня заметила, но как-то незаметно испарилась.

Вообще, «женский вопрос» у нас не то чтобы часто стоит в политике, но иногда «выстреливает». В 2016 году наше «сливное» телевидение показало очередную скандальную запись — как «человек, похожий на М. Касьянова», обсуждает текущий политический момент в постели с товарищем по партии женского пола.

Если это на самом деле был он, то Михал Михалыч классически подставился. При его-то опыте государственного деятеля водить женщин в московские гостиницы — поступать очень неосмотрительно. Он-то должен знать, что многие номера в них были оборудованы аппаратурой еще в то время, когда самого Касьянова в проекте не было. Особенно в тех гостиницах, где предпочитали жить иностранцы. Камера не обязательно может быть, как в шпионском кино — вместо глаза статуэтки, например. Современные технологии далеко шагнули. Само

видеозаписывающее устройство могут расположить за стеной, а объектив — в отверстии в стене диаметром в миллиметр. Объект его заметить не в состоянии. Кстати, в этих изделиях для изменения угла съемки микрокамерой впервые применили оптоволокно.

Касаемо первого президента России — были и другие части «балетов», на которые я на «Волге» тайно возил ЕБН. Причем подходил к этому вполне профессионально, так, что даже личная охрана пребывала в уверенности, что «сам» в это время в кремлевском кабинете работает с документами. Но этот архив — «аморальный кодекс строителя России» — лежит у меня в заглавнике. Я опубликую его, если меня вынудят это сделать. Например, если «семейка» опять что-то начнет говорить насчет вмешательства в личную жизнь и публично лицемерить. Все «примы-балерины» живы-здоровы, будем считать, что пока они — «законсервированные спецагенты».

И вновь подчеркну: ничто человеческое и политикам не чуждо, но если ты облечен полномочиями, знай место и время, где расслабляться. А главное, не лги в таком случае, что ты — пример нравственности в мире разврата и пошлости.

Перефразируя героя Папанова в фильме «Берегись автомобиля», это можно сформулировать так: тебя запишут, а ты не блуди.

Вопрос — ответ

*Целые народы пришли бы в ужас,
если б узнали, какие мелкие люди
властвуют над ними.*

Талейран

Невозможно, конечно, в рамках одной книги рассказать обо всем, о чем хотелось бы. С возрастом память извлекает из прошлого одну за другой темы, которые когда-то были просто пищей для размышлений, а с течением времени начинают проситься на бумагу. Да и вспоминаются вопросы, когда-то задававшиеся в ходе встреч с избирателями, с читателями. Поэтому завершающую главу я оформил незатейливо в виде в меру коротких ответов на вопросы. Они никак не связаны между собой, но все были мне заданы читательской аудиторией предыдущих книг, однако не вошли в те издания.

«Как вы думаете, читали ли ваши книги о ельцинской эпохе сегодняшние руководители страны? Такой взгляд на власть изнутри вряд ли ей понравится, даже если у руля уже другие люди».

Это известный парадокс. Люди во власти, с одной стороны, — публичные персоны, испытывающие кайф от всеобщего внимания, а с другой — хотели бы оставаться в тени. Ленточку торжественно перерезать, ребенка по головке погладить перед телекамерами — это всегда пожалуйста. А вопрос, откуда личное состояние, описываемое цифрой размером с телефонный номер, — это табу.

Чем дольше эти люди находятся на Олимпе, тем больше начинают верить в свою непогрешимость, в то, что они никогда не ошибались и не ошибаются. Как верно заметила германский канцлер, властная элита в нашей стране живет в иной реальности.

Семь моих внуков и внучек родились при одном президенте страны и никого, кроме Путина, не знают. Когда-то руководитель КГБ СССР Крючков напутствовал меня словами: «Берегите Ельцина». В свою очередь, Ельцин с точно такими же интонациями отправлял в большую политику Путина: «Берегите Россию». Какое тут чтение может быть, когда о судьбах мира мысли уже... Так что вряд ли они читали мои книги.

В 1997 году я издал свою вторую книгу (первая была, если кто не знает, «Записки президента», 1994 год, под псевдонимом «Борис Ельцин»). Экземпляр № 1 своей книги под названием «Борис Ельцин. От рассвета до заката» я подарил Борису Николаевичу, подписав так: «Президенту всех россиян с приветом от автора». Он ее не читал, конечно. Но иллюстрации рассматривал точно, как мне докладывывал старший адъютант А. Кузнецов. Там было много уникальных фотографий.

В дни, когда книга вышла, в Грановитой палате Кремля президент давал прием для руководителей СНГ. Первым поднял тост Ельцин. Вторым взял слово «дуаиен» Назарбаев: «Я хочу выпить за то, чтобы вас, Борис Николаевич, в жизни окружали только друзья и чтобы впредь никакой Коржаков не писал про вас похабных книг». Мне было приятно, что на таком высоком уровне меня вспомнили и прорекламировали новую книгу. Пиар для нее был классный, конечно. Одну я с дарственной надписью подарил Нурсултану Назарбаеву.

А что касается Ельцина... Мне рассказывали, что еще долго он, выходя из машины, спрашивал, оглядываясь по сторонам: «А где Коржаков?» Ему растолковывали: Борис Николаевич, нет больше Коржакова, другие времена наступили, теперь у вас дочь Таня вместо него, она с вами выпивает и обедает...

Добавлю про свою книгу 2004 года. Хочу заверить, что мертвого льва я не топтал: 1997 год, ЕБН — действующий Президент РФ; 2004 год — бывший, но живой экс-президент с еще могущественной «семейкой» при очень неуверенном в себе его сменщике.

«Говорят, что кремлевские обитатели после того, как вас уволили, устроили попойку — отмечали избавление от неудобного начальника Службы безопасности президента, который не только за Ельциным приглядывал, но и мешал жить высокопоставленным коррупционерам. Это так?»

Не знаю, какие там попойки были по случаю моего ухода, но вот 25 человек из СБП выгнали после того, как они отметили в Кремле мое избрание в Туле депутатом Государственной думы в 1997 году.

А жуликам и ворами во власти мы на самом деле крови немало испортили. Они же, дай им волю, тут выжженную землю после себя оставят. Такая философия у них: после нас хоть потоп, главное — успеть урвать. И это безудержное казнокрадство поощряют те, кто на самом верху.

Вот возьмите Сингапур: страна с высочайшим уровнем жизни и нулевой коррупцией. В его истории сыграла большую роль

личность. Отцом сингапурского экономического чуда называли Ли Куан Ю. Приводятся его слова о том, что у него было два пути — воровать и вывести близких в список «Форбс» или служить народу и вывести страну в десятку лучших в мире. И он выбрал второе. Ли Куан Ю, кстати, признался, что самым трудным оказалось сажать друзей в тюрьму. Увы, Ельцин и его «экономисты» выбрали иное. Те, кто от его имени правил в 90-е, сколотили огромные состояния и распахали их по иностранным счетам, вложили в недвижимость за границей.

И до сих пор это продолжается. По данным 2016 года, только в одном третьем квартале из России было выведено в Швейцарию 837 миллионов долларов, а за 9 месяцев — 3,7 миллиарда долларов, что в 1,4 раза больше аналогичного периода 2015 года. В Латвию в июле — сентябре 2016-го из России утекло 519 миллионов долларов, с начала года — 1,5 миллиарда. Да полно в мире «тихих гаваней» для денег, украденных из российского бюджета.

После Березовского в Лондоне поняли, что из России потоком идут грязные деньги. То же самое можно про Австрию сказать. Есть информация о том, что в этой стране Таня Дьяченко и Валя Юмашев вложились в недвижимость. Вообще, очень может быть. Там же, в Австрии, бывший владелец «СБС-Агро» Смоленский обосновался — создатель «семибанкирщины» и член «семьи». Австрийские журналисты называли и место жительства Юмашева — местечко Винден-ам-Зее в 60 км к юго-востоку от Вены. Там зарегистрировались и Таня с дочерью Марией. Чета могла получить гражданство еще в 2009 году по статье «за особые заслуги»: за вклад в развитие австрийского автопрома в лице концерна «Magna Steyer».

Легкие русские деньги в Европе легко и тратятся. СМИ на Западе пишут, что Борис Ельцин-младший, к 30 годам не получивший высшего образования и подолгу нигде не работающий, легко оставляет в клубах по 20 тысяч долларов.

Так что «поураганили» в 90-е не столько те, кого потом обзывали «либерастами», сколько «Таня + Валя» и им подобные персонажи, припавшие к бюджетному корыту.

«В народе укрепилось мнение: Ельцин — пьяница. Вы долго были рядом с ним и, наверное, точно знаете, так это или нет».

Не то что знаю — это мой организм на себе сполна испытал!

Когда ЕБН отовсюду повыгоняли, мы стали друзьями, а чем многие друзья занимаются, когда работы лишились? Правильно, выпивкой. Это происходило каждый день. Я с Ельциным тогда

чуть всего здоровья не лишился. Борис Николаевич был «всеядный»: самогон — да наливай! Вонючий китайский технический спирт — за милую душу. Такой водители заливали в бачок стеклоомывателя, хотя редко — в салоне запах жуткий стоял. А ЕБН пил с удовольствием и разбавлять не давал.

У меня алкоголь всегда был — дарили регулярно. И до Ельцина, и после. Так, губернатор Тульской области Н. Севрюгин каждую неделю привозил по паре ящиков водки «Левша» и 40-градусной настойки «Тульский сувенир». Вплоть до самого моего увольнения. Но алкоголь у меня мог стоять месяцами «без движения». У Ельцина — нет.

Мы с ним литрами пили. Начинали в 11 утра и заканчивали около 9–10 вечера, когда я отвозил его домой. А потом еще ехал в свою службу, встречался с подчиненными, ставил задачи на следующий день — работу ведь никто не отменял. Или в Президентский клуб приезжал, если компания меня ждала. И только потом — домой, в 3 часа ложился спать, а в 6 утра уже подъем, и — на спортивные занятия. График был бешеный, но я, слава богу, выжил. И, вынужденно употребляя литрами, я не позволял себе пьянеть. Если бы хоть кто-то меня увидел пьяным, об этом сразу раструбили бы.

Ельцин «отрывался», а от Наины за его пьянку доставалось почему-то мне — постоянно выговаривала. В 1996 году, когда у него был уже шестой инфаркт, она мне заявила: мол, это вы его таким сделали, вы его споили. Но это вопрос спорный — кто кого спаивал. Когда мы с ним встретились в 1985 году, я вообще редко употреблял алкоголь, был спортсменом, неоднократным чемпионом 9-го Управления, аппарата КГБ СССР по нескольким видам спорта. А как стал работать с Елбоном, так и начались мои испытания.

Сценарий всегда был одним и тем же. Вызывает к себе в кабинет. Журнальный столик, бутылка армянского трехзвездочного коньяка за 8 рублей 12 копеек со спецбазы, то есть не «левый»; боржоми и фруктовая вода — грушевая или «Тархун», бутылочки по 330 граммов. Фужерная тара разная: 250 граммов для боржоми, 125 — для вина, 50 — для водки или коньяка. Он возбужденным голосом: «Ну, давайте!» Открываю. Показывает на 125-граммовый бокал: наливай. Лью коньяк и смотрю: показывает — еще, еще, до полного. «Себе. Ну, поехали!» Отставать я не имел права. «Между первой и второй перерывчик небольшой». И так каждый день почти.

В Молоково у меня Борис Николаевич не раз напивался так, что местный деревенский народ, который случайно видел эту картину, бывал в изумлении.

В президентском доме на Осенней улице Наина одно время грешила на нечистую силу. Заезжают они днем по делам каким-то, вроде постоянно при ней муж, из дома не выходит, а не успеешь оглянуться — пьяный. Секрет был несложным. Когда Ельцин с Наиной входили в квартиру, он набирал мой номер телефона и сбрасывал. Это был сигнал. А я, пока они поднимались в лифте, проводил подготовку к спецмероприятию. Наина начинала хлопотать по хозяйству, Борис Николаевич заходил в туалет, открывал окно, а на соседней лоджии — верный Санчо, у которого с собой было. Набулькать «Гжелки» в стакан — дело нескольких секунд, выпить — еще меньше, закусь — пара огурчиков. Я быстро отходил на заранее приготовленные позиции. Наина заглядывает в туалет, а там Борис Николаевич, уже удовлетворенный, любитесь в окно окрестностями: «Эх, красота-то какая!

Лепота!»

Трудно ему, конечно, пришлось, когда врачи без всякой дипломатии сказали: будете так же дружить с водкой, Борис Николаевич, вы — не жилец. «Соскакивать» с крепких напитков ЕБН решил при помощи шампанского, против него медики ничего не имели. Но они-то рассматривали разумные количества, а не коробку (12 бутылок) за один присест! Особенно жалко мне стало однажды Александра Лукашенко. Белорусский президент приехал в гости к российскому как раз в момент «лечения шампанским». Час они сидят вдвоем, два, три... Дверь распаивается, вываливается Григорыч с круглыми глазами и с придыханием шепчет мне на ухо: «Саша, где туалет? Сейчас днище вырвет! Не могу шампуня столько пить, я ж бэlorус. Сделай что-нибудь!»

А что я мог с Ельциным сделать? Тут уж мужик или сам с собой что-то сделает, чтобы жизнь свою изменить, или никто не делает...

«Правда ли, что у нынешнего президента Путина — несколько двойников на разные случаи жизни?»

Я с Владимиром Владимировичем не работал, поэтому про его двойников ничего не знаю. У Ельцина не было, хотя эта тема не раз возникала. Как же — якобы имелись «копии» у Брежнева, Сталина. Вместо них в президиумах сидели, в командировки ездили, на Мавзолее, когда холодно, на демонстрациях стояли. И ко мне многие подходили: дескать, ради безопасности стоит завести пару дублеров Бориса Николаевича.

Я был категорически против, потому что хорошо изучил этого человека и твердо знал: никто никогда Ельцина в жизни не смог бы скопировать достоверно. Пародировать — легко, шаржи

хорошо получались, вспомните «Куклы». А копия, чтобы отличить нельзя было, невозможна в принципе. Слишком он фактурный был.

Для органов КГБ — ФСБ специально всегда таких кандидатов в сотрудники подбирали, чтобы как серая мышь, не выделялся из толпы. А здесь — полная противоположность. Нельзя скопировать манеру, жесты, непредсказуемые действия. Он же не сидел, как другие, уставившись в бумажку и изредка поднимая голову, чтобы изобразить «живую речь». Вот премьер-министру Медведеву с его «свобода лучше, чем несвобода, воля лучше, чем тюрьма» можно двойника подобрать, чтобы банальности изрекал. Он предсказуем. А Ельцин был человек экспромта. Невозможно предугадать, что ему в голову придет в следующий момент. Такие копированию не поддаются. Он был просто чудак, хоть иногда и на букву «м». «Не так сели», «38 снайперов», «Шта-а-а??» — этому двойника не научишь, понимаешь...

«Не было ли у вас планов участия в политике в каком-нибудь другом качестве, кроме депутатства?»

Конечно, если человек в политике, то он должен как-то меняться, расти, переходить на другие уровни. Застой в этой деятельности особенно вреден.

Взять того же Ельцина: к концу своего первого президентского срока он становился не то чтобы тупее — просто мозг его все больше ленился. Когда был первым секретарем Свердловского обкома, членом Верховного Совета, начинающим президентом, он свою голову эксплуатировал по полной программе. Терпеть не мог, когда ему кто-то что-то навязывал. Прокачивал все через себя, много размышлял. Сидим за обедом, он жует, я ему докладываю что-то — часто никакой реакции, он делает вид, что не слышит. Но проходит неделя, и он возвращается к той теме, говорит мне то же самое, что я ему раньше, но уже — со своей колокольни, со своим авторством. И спрашивает о моем отношении к вопросу. Как в известном фильме: Штирлиц раскусил, что Шелленбергу можно намекнуть о чем-то, а через какое-то время тот сам озвучит эту же мысль, но уже как свою собственную. И я исподволь довел до Ельцина немало мыслей, которые потом воплотились в президентские решения. Пусть он их потом за свои выдавал, главное — результат был, польза для страны.

Например, именно по моему ненавязчивому совету Ельцин инициировал внесение в Конституцию положения о том, что губернаторы после своего избрания автоматически становятся сенаторами. Я тогда часто размышлял об особенностях механизма

наделения властью в России. Кстати, текст и прежней, и ныне действующей Конституции почти наизусть знал. Если губернатор всенародно избран, то почему он не может быть членом Совета Федерации? Людей, составляющих верхнюю палату парламента в путинскую эпоху, сенаторами всерьез считать нельзя — их никто не выбирал. В США — да, они проходят жесткую процедуру выборов, проводят агитационные кампании, борются с оппонентами. А у нас к середине 2000-х годов верхняя палата Федерального Собрания стала клубом блатных небедных людей, куда попадают по таксе за определенную сумму в валюте. Это — не настоящая власть, имитация.

Я потому и предложил Ельцину вариант назначения губернаторов сенаторами: будет кому его, сумасброда, сдерживать. Когда они в кучу собираются, себя армией ощущают и роль противовеса чрезмерно сильной президентской власти вполне могут сыграть. ЕБН тоже впоследствии это почувствовал, когда в марте и октябре 1994 года Совет Федерации дважды не утверждал внесенную президентом и рекомендованную тогдашним главой АП С. Филатовым кандидатуру А. Ильюшенко на должность генерального прокурора. Административный ресурс был подключен весь, какой имелся — безрезультатно. Так и не попал Ильюшенко в генпрокуратуру, уволился в 1995-м из прокуратуры, а затем и вовсе в Лефортово загремел по уголовному делу о получении взятки и злоупотреблении полномочиями.

Потом президентской администрации пришлось буквально продавливать через Совет Федерации постановление об освобождении Ю. Скуратова от должности генпрокурора. После чего верхнюю палату, по сути, разогнали. А понятие «сенатор» стало неуместным — слово «члены» больше подходит этим людям, которые засели в здании на Большой Дмитровке. 10 процентов членов лично назначает президент. Совфед, на мой взгляд, стал отстойником для тех, кому нельзя больше воровать даже по кремлевским понятиям — хватит уже.

К слову, из той же оперы и Совет безопасности РФ — «собес» для бывших. Экс-министр внутренних дел Р. Нургалиев что может насоветовать? Был там еще и Б. Грызлов — тоже «советчик» знатный. Торжественно начал кампанию по выявлению «оборотней в погонах», которых выявили, но никак не наказали, и тема «оборотней» приказала долго жить. В 2011 году снова баллотировался в Госдуму, на сей раз от Тульской области — поехал там по глухоти, цветов повозлагал, попиарился за бюджетный счет, наобещал людям с три короба, да и сдал мандат сразу после выборов.

В 2004 году, когда я еще даже не объявил официально о намерении участвовать в выборах губернатора Тульской области — только поделился об этом в некоторых СМИ, и пошли разговоры — ко мне друг за другом с интервалом в неделю подкатили три человека, которые попросили назначить их членами Совета Федерации от региона после того, как я выборы выиграю. Конечно, не за бутылку коньяка. «Размер благодарности» мне был озвучен в вилке от миллиона до двух в валюте.

Все были уверены, что в Тульской области Стародубцев очередные выборы проиграет, и мои шансы оценивались как предпочтительные: я до того момента трижды побеждал в Туле на выборах в Госдуму, как говорится, за явным преимуществом. Василий Александрович много чего натворил в главном областном кресле, и я с ним тоже 8 лет потерял. Когда был депутатом Госдумы, мог гораздо больше для Тулы сделать, но «красный губернатор» клал под сукно все мои инициативы. Я в то время целый жилой район мог построить, инвесторов привлечь. Но Стародубцеву, видимо, капиталистическое слово «инвестиции» было неумоготу слышать.

Жгли деньги ляжку тем троим, что ко мне подкатывали. Очень им хотелось позаседать, ничего не решая, на Большой Дмитровке, но «пролетели» они мимо кресла сенатора. Как, впрочем, и я не стал тульским губернатором — президент в тот год выборы глав регионов отменил, воспользовавшись, как предлогом, трагедией в Беслане.

А вообще, когда теперь, по прошествии времени, я размышляю о моем несостоявшемся губернаторстве, меня терзают смутные сомнения... Подозрения вряд ли беспочвенны, хотя на сто процентов достоверной информацией я не располагаю. Думаю, что у «семейки» глава государства в тот момент еще находился «под подпиской», она с ним «поработала», и он к ней прислушался, что, в числе прочего, могло сыграть свою роль в отмене выборности глав регионов. Юмашев, Таня, Волошин, Чубайс и иже с ними в страшном сне не могли представить последствий моей победы на губернаторских выборах. Помимо всего прочего, у меня появлялась бы реальная возможность, спустя три года, участвовать в выборах Президента России.

В Америке губернаторы часто борются на равных за кресло президента и регулярно его занимают. Да и у нас тот же Константин Титов, руководивший Самарской областью, участвовал в президентской кампании 2000 года и показал неплохой результат. И это при том, что у него практически не было узнаваемости на востоке России. А меня знала вся страна.

Тысячные залы во многих регионах собирались на презентации моей книги, слегка раскрывающей глаза на власть. В одном только Нижневартовске трижды был с представлением книги по приглашению горожан!

Авторитет среди многих социальных групп, репутация человека, знающего подноготную высшей власти и, следовательно, не способного ходить по нашим российским граблям, вполне могли сыграть свою положительную роль. И компания «теневых руководителей страны» понимала: при таком раскладе, если Коржаков въезжает в Кремль, им — конец. Так что, глядя в корень, эта «семейка» меня и раскрутила как политика. У нас ведь как в народе считают: если богатое начальство кого-то «мочит», значит, он — хороший человек.

В 2011 году первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной думе 5-го созыва Николай Булаев уговаривал меня, чтобы я пошел в Думу 6-го созыва депутатом по списку «Единой России» от Тулы, потому что там у меня был самый высокий рейтинг из действующих политиков. Что характерно, «услуга» предлагалась бесплатно — я ничего платить не должен был за депутатский мандат, что по нынешним временам удивительно. Выпили мы с Булаевым у меня в Молоково бутылку виски, и я ответил отказом: уже побывал думским «едром» — хватит.

В трех созывах был независимым депутатом, голосовал в Госдуме, как хотел, вернее, как было полезно для избирателей, а потом, в последнем моем созыве, попал на четыре года под каток «Единой России», где меня, по законам фракционной дисциплины, заставляли голосовать за ряд антинародных законов. Это будет мучить до конца дней: стыдно перед внуками, стыдно перед народом. Николай, кстати, это мое решение так прокомментировал: «Васильич, я даже не ожидал. Я тебя еще больше зауважал за то, что «кнопкодавом» не хочешь быть. Не буду больше тебя уговаривать».

Потом, кстати, у Булаева все удачно сложилось: ушел из Думы в члены Совфеда, а в 2016 году стал заместителем председателя Центризбиркома Э. Памфиловой — у них всех госдачи, машины с мигалками и 150 000 рублей пенсия.

«Александр Васильевич, если можно, оцените ваше материальное положение по пятибалльной шкале».

На троечку. Но все относительно: если сравнивать с рядовыми пенсионерами, то я — обеспеченный человек. У меня нет и никогда не было секретов по этой части. Все, что имею, заработано и заслужено. Ничего не украдено.

Хотя в свое время стараниями «благожелателей» я прослыл чуть ли не распорядителем нефтяных и газовых потоков страны. По этой теории, я сейчас должен бы жить в Швейцарии, сидеть в шале у камина и дегустировать «Бордо» 2000 года, а не думать над тем, как оплачивать растущие как на дрожжах счета за содержание дома в Орехово-Зуевском районе Подмоскovie.

В декабре 1994 года в «Известиях» вышла статья под заголовком «Кто управляет страной: Ельцин, Черномырдин или генерал Коржаков?» Да, я в том году подписал письмо в адрес премьер-министра (академия ФСБ помогала аналитическому центру СБП составить текст) о том, что зампред правительства Шохин своими распоряжениями раздает квоты на экспорт нефти за миллионы при их цене в миллиарды. Из чего журналистка Т. Замятина, близкая к тогдашнему «младшему спичрайтеру» президента Сатарову, сделала вывод: «Коржаков ТЭК из-под Черномырдина вытаскивает». А я всего-то написал, что считаю необходимым предложить президенту «создание комиссии для проведения экспертной оценки всех вышеприведенных распоряжений с точки зрения соответствия национальной стратегии в области нефтяной политики и укрепления экономики страны».

Так что ответ на вопрос в заголовке той статьи прост: воры управляли страной, кто же еще. А вовсе не Коржаков.

После истечения последнего срока депутатских полномочий я остался на «голой» пенсии. Приехал как-то в Тулу к знакомому мастеру на автосервис машину починить, и тут раздается звонок от помощника тогдашнего губернатора Тульской области Груздева: «Владимир Сергеевич хочет с вами встретиться». Соединили. Говорю ему: «Володя, я на сервисе, вид у меня не для визитов». «Да не важно, приезжайте». В местном «белом доме» охрана, секретари и прочие клерки рты при виде меня разинули — не каждый день генерала Коржакова в цитадели власти в дачных шортах и в плетенках на босую ногу увидишь.

Груздев, учитывая, что мой рейтинг в Туле так и оставался непревзойденным, предложил быть у него советником с неплохой зарплатой. Плюс военная пенсия — выходило почти столько же, сколько получал депутат Госдумы в то время. Но все когда-нибудь кончается, и по завершении работы советником тульского губернатора мои доходы вновь сократились до уровня пенсии. Но зато совесть чиста.

Если бы позволяло здоровье, больше внимания уделял бы личному подсобному хозяйству — это неплохое подспорье, испокон века птица, скотина и огород россиян выручали. В Молоково я животных сейчас не держу, есть только три десятка

гусей на двоих с другом детства — это традиционная птица для той местности. Хотя в свое время были на подворье три свиньи — Раиса, Наина и Татьяна. Кормил я их по науке, уход организовал надлежащий, и хрюшки были хороши. У них ведь задача одна: морду отъесть, никаких других забот.

К слову, о Наине и Татьяне на двух ногах — они в Молоково тоже бывали. После того, как Ельцины перебрались в Москву, уже во время горбачевской опалы главы семейства, привез я их в свою деревню. Понравилось им там очень: живописные места, речка, леса вокруг — почти как на их Урале. И загорелось им в огороде покопаться, припасть, так сказать, к земле и народной доле. Отвел я им несколько соток на своем участке. И вот по весне приехали они картошку сажать: куртки, сапоги, ведра, лопаты, сто граммов водки после работы под бутерброд с колбаской — все, как положено по дачному уставу. Усталые и чрезвычайно довольные собой, Ельцины сказали перед отъездом: «Ну, теперь ждем урожая».

Однако, судя по всему, в их представлении картошка растет, как кактус в Мексике — не требует ни окучивания, ни прополки, ни навоза, не говоря уж о поливе. До осени они больше так и не появились, грядки заросли сорняком, и урожая — мелкой картошки удалось собрать совсем чуть-чуть, столько же, сколько и посадили. Но зато это позволило президентской семье многие годы всем встречным и поперечным рассказывать: «Мы — как все россияне, восемь мешков картошки сажаем, восемь выкапываем».

Молоково Ельцину приглянулось, и, как быстро увлекающийся (и быстро остывающий) человек, он отправил меня в командировку в Костромскую область.

— Езжайте, Александр Васильевич, это моя личная просьба. Закажите там два сруба, небольшие, метров десять на десять. У вас в Молоково и поставлю. Будем соседями — банька, шашлычок, грибы-ягоды. Хочется пожить в доме, где свежим деревом пахнет. Я же строитель. И в душе деревенский человек...

Ельцин отслонявил мне из заначки тысячу рублей. Увидев мою приподнявшуюся бровь, добавил еще пару сторублевков.

— В тех краях бревно, небось, по рублю за штуку, — пробурчал начинающий дачник.

Прибыв на место в город Шарью, я провел рекогносцировку, выпил с лесниками несколько бутылок водки и быстро выяснил: даже там, в лесной глухомани, где Сусанин поляков утопил, два домика из бревна ручной рубки обойдутся тысяч в двадцать. И это — по самому скромному варианту, без наборных фронтонов, резных наличников и флюгеров-петухов. Президент бушевал, когда я ему рассказал о костромских ценах:

— Да там одни леса кругом! Они что — офонарели?!

На этом и завершилась эпопея с желанием ЕБН выйти утром босиком в огород и съесть огурец с грядки. Реальная экономика сильно отличалась от представлений Ельцина о ней.

«Вы хорошо знаете систему охраны Московского Кремля и прилегающей территории. Когда расследовали убийство Немцова, вдруг обнаружилось, что видеозаписей происходившего на мосту почти нет. Такое возможно?»

Я не знаю, возможно ли такое сейчас. Во времена, когда я руководил Службой безопасности президента, — вряд ли. Там каждый метр пространства просматривается. В том числе и на Большом Москворецком мосту, думаю, нет места, которое не записывается с трех точек камерами с хорошим разрешением.

Для обеспечения безопасности кремлевских обитателей мобилизованы лучшие силы охраны. Хотя и у них проколы порой случаются. Вспомним хотя бы известное покушение на Брежнева в 1969 году, когда в генсека стрелял младший лейтенант Ильин из Питера. Все известные мне официальные версии и телефильмы об этом происшествии — из рубрики «В гостях у сказки». На самом деле этого Ильина спецслужбы ждали, он не свалился как снег на голову. О том, что он будет в милицмейской форме, узнали в последний момент, но не успели всем сотрудникам эту информацию передать.

Встречали космонавтов 22 января того года чуть ли не от МКАДа — по нашей доброй традиции, конторских работников и студентов автобусами свозили отовсюду тысячами. Это была первая встреча космонавтов Брежневым — генеральным секретарем. Угрозы его убить Ильин не раз высказывал и попал в разработку. Но, украв два пистолета Макарова в Ленинграде, он появился в Москве раньше, чем предполагалось. Среди публики у Кремля в тот день каждый третий был сотрудником КГБ. Но никто не мог подумать, что Ильин войдет в Кремль.

Он всех перехитрил, попав на территорию Кремля с народом через Боровицкие ворота в районе Оружейной палаты, когда в 10 часов открыли вход. Его высматривали снаружи, а он был уже внутри. В Оружейную палату всегда очередь, в любую погоду — толкучка, он этим и воспользовался.

Ильин стал изображать регулировщика потоков людей. И никто не обратил внимания — тогда часто милиционеры из Александровского сада приходили в Кремль помогать при большом скоплении народа. Не обратили внимания и на слишком длинные рукава шинели, которую он украл у высокорослого родственника для выполнения задуманного. Ильин прятал руки с

пистолетами в этих рукавах, размахивал ими, как чучело огородное, но внимания не привлек — потом при разборе полетов сотрудникам в вину это поставили.

Появились машины с космонавтами и руководителями, Ильин открыл огонь с двух рук. Игра слов: одна из пуль зацепила Василия Зацепилова — мотоциклиста. Он в Кремлевском полку на сверхсрочной службе был. Увидел Вася кровь у себя на рукаве и — грохнулся в обморок. Но орден Красной Звезды, тем не менее, получил.

Вообще, когда молодежь стремится устроиться в охрану VIP-персон, наверное, представляют картинку из кино: идет какой-нибудь важный чин, а вокруг сотрудники охраны — в классных костюмах и белых сорочках с галстуками, в темных очках и с наушником в ухе. Красивая, на первый взгляд, служба, не пыльная.

Но основная работа в охране — это не дефиле перед девушками в костюме и темных очках, а стояние на посту. Для многих, и для меня тоже, это была адская мука. Стоишь часами без движения, что только не передумашь... 9 из 10 мечтают, чтобы что-нибудь случилось и появилась возможность спасти кого-то или обезвредить, подвиг совершить, и карьера пойдет сразу в гору. А то ведь обидно: четверть века отстоишь, и ни разу ничего не произойдет. Так вот, когда Ильин изображал регулировщика, он около часа болтался на виду двух сотрудников на посту. Они бдительности не проявили. Но их не наказали, а наградили, потому что они все же скрутили стрелявшего — уже под пулями. И движение по службе было: один до полковника дослужился, другой — до подполковника.

Ильин был уверен, что первое лицо едет в первой машине. Но очередность проезда машин часто меняется именно в целях безопасности, а не потому, что кто-то опоздал, как потом в байках об этом ЧП рассказывалось. Первыми ехали космонавты, Брежнев — в следующей машине. Все пули — Ильин выпустил 15 из 16 — достались первой «Чайке» с космонавтами и чуть не задел тех двух офицеров на посту (в будке пробоины потом нашли).

Терешкова ничего не делала, как и положено женщине. Леонов потом рассказывал, что это он всех спас. Береговой убеждал, что он тоже всех спас, потому что воевал и среагировал на поведение Ильина: когда тот встал перед кортежем и уже готов был открыть огонь, всех пригнул и положил на пол в машине — места в лимузинах для этого достаточно.

Одна пуля, деформированная из-за толстого стекла правительственной «Чайки», попала в водителя машины космонавтов Жаркова — полголовы снесло. Первую помощь

оказали, как смогли. Довезли до нашего госпиталя КГБ на улице Пехотной, хотя надо бы в «Склиф», конечно. Но вряд ли что-то помогло бы: ранение головы, несовместимое с жизнью. Прожил немного только потому, что сердце тренированное.

Кстати, была сделана видеозапись того инцидента: у кого-то оказалась включенной кинокамера. Качество — примерно такое же, как и записи убийства Немцова спустя полвека.

«Москва «лихих 90-х» и Москва середины 2010-х — есть ли разница, на ваш взгляд? И в какой мере это зависит от мэра?»

Из автоматов и снайперских винтовок меньше стреляют, а в общем и целом мало что меняется в одном городе, если в стране изменений не происходит.

Сергей Собянин — третий столичный мэр. В 2010 году, когда он занял это кресло, Лужков москвичей уже начал раздражать: снос или распродажа купеческих особняков, «черкизоны» повсюду, нашествие мигрантов и так далее. Хотя начинать Лужкову пришлось в суровых условиях. Летом 1987 года положение с продовольствием в Москве стало аховым. Те же овощные базы оказались на грани краха — грязь, разруха, запустение. Ельцин обратился к Лужкову — тот прежде был одним из двух заместителей председателя исполкома Моссовета, которые занимались повседневными делами города. И Лужков навел порядок со снабжением города овощами и фруктами. За что получил юморное прозвище «Главарбуз». Хотя — не только за это. Сам лично он взяток не брал, осторожничал. Даже арбузы с морковкой ему в машину загружали, а он сверху из окна за этим наблюдал. И только после этого спускался и садился в автомобиль. Вот и «Главарбуз» получился.

Ельцин его тоже так иногда звал. Гавриил Попов мэром был слабым, жаловался постоянно: «Я — не практик». Ельцину это надоело, и он, как мне рассказывали, однажды заявил: «Да вот Главарбуз есть, он — практик».

И вот после практичного Лужкова в кресле мэра возникает никому не известный в Москве тюменский чиновник, слегка пообтершийся на Старой площади.

Поначалу Собянин сказал, что возьмется за автомобильные пробки. Взятся — пробки стали еще более лютыми. Много можно назвать и других сомнительных деяний мэрии. Набивший оскомину пример: у всех на глазах в Москве происходит многолетняя эпопея с заменой асфальтобетонного покрытия тротуаров на плитку. Хотя и более актуальных проблем в столице выше крыши. Компания из Тюмени шустро освоила на московской плитке миллиарды. Злые языки говорят, что за этой

фирмой стоит жена мэра Ирина Собянина, или «Ира-бордюр», как ее прозвали за любовь к тротуарам.

Ладно бы, плитка была просто практичной, так нет — она в Москве используется только дорогостоящая. Идет в ход и гранит. Это — фантастические деньги. При этом москвичи, и особенно — москвички на каблуках, скажут, что по асфальту ходить было удобнее. Наши работающие гости с южных рубежей кладут эту плитку так безобразно, что щели и неровности образуются почти сразу, плитка встает на дыбы, как после землетрясения.

То же самое, кстати, я наблюдал, когда Таня Дьяченко к семье подтягивала госдачу Барвиха-4, чтобы свить там гнездо с новым мужем Юмашевым. Решила молодая семья первым делом дачу капитально отремонтировать (поскольку она государственная, то, естественно, ремонт не из своего кармана — бюджет все стерпит). Строители со слезами рассказывали, что мрамор итальянский, который при Горбачеве там клали, пришлось им отбойными молотками отколупывать — Тане другой мрамор понравился. Так же и Собянин плитку хорошую на более хорошую меняет. Я бы в своем деревенском доме тоже что-нибудь поменял с удовольствием. Но как возьмешь калькулятор, так сразу это желание пропадает. А вот у нынешних мэрских чиновников калькулятор, наверное, эрекцию вызывает.

Надо подчеркнуть, что, наверное, больше половины проектов Собянина начинались еще при Лужкове, они в Генплане есть. Хотя, конечно, сам Юрий Михайлович святым не был, сделал миллиардерами жену и Ресина. Теперь вот сельским хозяйством занялся. Медынь Калужской области, Калининград — там у него имеется старинный замок, хотя выглядит он как советская автобаза. Бедновато живет. На склоне лет решил о вечном подумать. Как в анекдоте: «Вам, уважаемый, пора бы уже о душе подумать». — «Да, вы правы: душ триста мне бы хватило».

В Москве как шла, так и идет точечная застройка. При этом у москвичей под строительство торгово-офисных центров и жилых комплексов бесцеремонно отбирают скверы, детские площадки. Парки вырубают. Как в Кусково: дубы в три обхвата Наполеона пережили, а Собянина — нет, победил он их. Массовое строительство храмов развернулось. Храм — это, конечно, душеполезно, но при этом должно быть согласие в людях.

Исстари на Руси собирались всем миром и ставили храм там, где общество решило. Иначе как церкви стоять на таком месте, где склока шла и люди под бульдозер ложились? Я в своей деревне Молоково храм построил на том месте, где он и в старину стоял. Так вот это место было всегда издали заметно — на прямоугольнике соток в семь, посреди сорняков, буйно росли

цветы, которые там никто не сажал. А на этих площадках в Москве, из-за которых войны чиновников с народом идут, чертополох только уродится. Испорчена аура этой земли гневом, агрессией.

Еще один большой раздражитель — восстановившие против Собянина всю Москву платные автомобильные парковки. В начале 2017 года зона парковки за деньги расширилась более чем на 200 улиц, большинство из которых — в спальных районах, где в платной парковке нет никакой необходимости. Мэрия врет о том, что это москвичи сами просят о парковках. А они на самом деле объединяются в соцсетях в протестные группы. Власти сами провоцируют возмущение населения, бесцеремонно залезая в карман к людям.

В 90-х так откровенно не нагнали — вот и вся разница.

И, несмотря на «лихость» того времени, отношение сотрудников мэрии к нуждам людей было иным. Так, Лужков любого депутата Госдумы принимал без звука просто по телефонному звонку. Я у него четырежды был, решая вопросы москвичей. А сейчас выросла Берлинская стена. К московскому градоначальнику на разговор попасть сложнее, чем к мэру Нью-Йорка. Я, будучи депутатом, неоднократно пытался с Собяниным встретиться, чтобы решить проблему одной большой общественной организации. Хотя бы просто выслушал из уважения к погонам — так нет. Обижали, наверное, командиры его, когда он срочную служил.

Хотя, думаю, не он решает, кого принимать, кого — нет, а Анастасия Ракова (так и хочется похулиганить: перед ее фамилией «полбублика» нарисовать). Все это понимают. Привез ее из Сибири в столицу, всем ясно, что человек этот ему близок. Когда у нее родился ребенок, создали все условия в мэрии, чтобы у матери не было нужды часто отлучаться с рабочего места. Но это — их личные дела. А есть потребности города и горожан, и вот здесь к стилю руководства возникает немало справедливых вопросов.

«Каким было, на ваш взгляд, самое неправильное решение президента Ельцина?»

Это, конечно, события в Чечне. Погибли десятки тысяч, наверное, не самых плохих ребят. И мирное население. А за их гибель так никто и не ответил. Были люди, и нет их.

Я генерала Лебеда в чеченском вопросе всегда защищал, но теперь признаюсь: Хасавюртовский мир — это была его инициатива, хотя считается, что он только выполнял распоряжение Ельцина. Тот к тому времени уже совсем мозги

пропил и рукой махнул: делайте что-нибудь с Чечней этой, а меня не напрягайте. Конечно, те, кто в первую чеченскую воевал, Лебеда благодарят: вылезли из окопов, домой поехали. Но потом была вторая война. И снова жертвы. Уступки народам Северного Кавказа боком выходят всегда, что вся история России подтверждает. Это не уступки европейцам, там другая ментальность, и любой компромисс для них — это признак слабости.

Развязывание войны в Чечне происходило на моих глазах, и у нас с Ельциным по поводу чеченских проблем была ожесточенная перепалка: он — за военную операцию, а я пытался его переубедить. Ельцин же сам никогда пороха не нюхал, в армии не служил и, естественно, не представлял себе, что такое настоящая война и какая это всегда трагедия. Он думал: трубку снимет, прикажет, документ подпишет, и все — победили. А то, что боевая техника сметает все живое на своем пути, гибнут ни в чем не повинные люди — он об этом не знал и знать не хотел.

Я неоднократно предлагал ему встретиться с главой Ичкерии, чтобы они поговорили по-человечески, попробовали найти общий язык в неформальной обстановке. К тому же Дудаев в течение нескольких месяцев регулярно делал попытки связаться по телефону с Ельциным. Но его соединяли то с Филатовым, то с какими-то другими клерками. При этом о звонках Дудаева президенту не сообщали.

Тогда я доложил Ельцину о попытках чеченского руководителя дозвониться. Президент сказал: «Да пошел он! Не буду я с ним разговаривать. Вон Грачев говорит... Как махнем эту Чечню!» Его уговаривали — не подействовало. Других советчиков послушал. И мы имеем то, что имеем — живущую по своим законам республику в составе Федерации. Чечне выплачиваются огромные дотации, о которых другие регионы не могут и мечтать. Один фонтан в Грозном в миллиард обошелся. Главное, чтобы они там сидели мирно и тихо. Дотации на 2017 год пытались сократить, так на Кавказе сразу ропот: вы что, мол, себе позволяете, мы не мордва какая-нибудь.

Конечно, в Мордовской Республике нет столько героев, как в Чечне. Следите за мыслью: один чеченец, Герой России, убивает другого чеченца, Героя России, а за него мстит третий чеченец, Герой России. Это — настоящая девальвация высокого звания. А сами герои все больше чувствуют себя политиками федерального масштаба, которым закон не писан.

Москвичи видят, во что превратился за десяток лет «Президент-отель» — бородатым постояльцам осталось до полноты картины только перепопаяться пулеметными лентами,

как в Панкисском ущелье. Я там, кстати, побывал, сопровождая президента, когда он впервые поехал на встречу с Гамсахурдиа в 1990 году. Гамсахурдиа был кандидатом в президенты Грузии. В ущелье я подхватил серьезную пневмонию, которая до сих пор аукается.

Это было настоящее логово. А из охраны у президента — только я и Юра Одинец. Мы были поражены: будто на базу террористов попали — все, кого в этом ущелье увидели, вооружены были до зубов. А потом я свалился. Хорошо, был там с нами доктор-реаниматолог, еще с брежневских времен в кремлевском медицинском пуле остался, он меня спас. «Воспаление легких у тебя, опасное», — сказал он, вколол лошадиную дозу антибиотиков. Я лег спать, а когда проснулся, увидел настоящий гудеж — безудержная пьянка, шашлыки, сумасшедшее веселье, и на фоне этого Ельцин выделяется... Плюнул я и снова спать завалился.

А потом была операция Службы безопасности президента под условным названием «Пейте-ешьте, гости дорогие». Пригласили все руководство Чечни в Москву, на госдаче в закрытой зоне — пир горой, а мы в 7 утра, не афишируя, улетаем в Чечню объявлять о конце войны. И — ни одного чеченского начальника в Чечне, все на госдаче в Москве гуляют. Они звонят: как так, вы — там, а мы — здесь! Отдыхайте, говорим им — кино, вино и домино... Даже 1-й помощник президента Илюшин о том, что мы улетели в Чечню, утром в машине по радио услышал. Меры предосторожности предпринимались для того, чтобы не было утечек информации. Батурин, Илюшин, Филатов, Сатаров — это дырявое решето, в котором никакие секреты не могли храниться. Более того, некоторые из них за деньги сливали информацию «моджахедам», на дотации у них сидели.

А вообще народ на Кавказе серьезный, ощущающий до сих пор себя на войне и юмора не понимающий — такое у меня сложилось впечатление. Когда я четвертый срок работал в Госдуме, в зале заседаний мы располагались за столами по четыре человека. За одним из столов сидели мы, четыре генерала. И вот одного из нас отправляют в партию пенсионеров, чтобы оживить там работу. Освобождается место, на которое приходит тоже военный — красивый, здоровенный, с Кавказа.

И вот усаживается он к нам четвертым на лавку и сидит, как сфинкс, с каменным лицом, словно мы там — пустое место. Все молчат, и я, чтобы разрядить обстановку, говорю: «Уважаемый, ты представься, мы же коллеги. С тобой не воевали. И вообще ты в генеральскую элиту попал, так что с тебя простав в обед». Обычная мужская шутка для завязывания разговора. Но то, что

нам кажется абсолютно нормальным и человеческим, этими людьми воспринимается, наверное, как покушение на честь. В ответ он глянул зло и медленно, как Терминатор, свалившийся из другого времени, и отвернулся. Ни слова в ответ. После этого как-то само собой мы перестали здороваться.

Как-то подъезжаю к стоянке возле Госдумы, и вдруг из здания выбегает сотрудник комендатуры и всех останавливает поодаль. Подлетает один огромный джип, за ним — другой. Из второго выскакивают бородачи с автоматами, занимают позиции вокруг, осматривают подходы. Я заинтригован: думаю, что за охраняемое лицо подвезли, почему не знаю? Распахивается дверь первого джипа, и из него вылезает наш чеченский коллега. Рядовой, замечу, депутат. Хотя у них там свои понятия об иерархии. Может, у него пистолет золотой, а к нему, безусловно, автоматчики с джипом полагаются. Восток — дело тонкое, как говорил товарищ Сухов...

«Как вы прокомментируете проблему Крыма?»

А никак. Сами себе обеспечили головную боль. Напомню только о беловежском соглашении трех «гигантов мысли» Ельцина, Шушкевича и Кравчука. Несколько лет назад откровенно высказался Кравчук. Он в Крыму получал награду за то, что в беловежской дележке сумел отстоять полуостров за Украиной. Кравчук сказал, что не надо, мол, преувеличивать его заслуги. Крым сохранить за Украиной было легко. Ельцин ненавидел Горбачева до такой степени, что для того, чтобы от него избавиться, готов был хоть мать родную, хоть пол-России отдать, а не то что Крым. Так что корни крымской проблемы — в Беловежской Пуще. Если бы Ельцин отстаивал тогда интересы страны, Крым был бы наш без нарушения каких-либо договоров.

«До сих пор в народе живет легенда, что впервые глава нашего государства, Ельцин, ездил в общественном транспорте, ходил в больницу и в магазины, чтобы лично увидеть, как живут простые люди. Это правда?»

Правильное слово употреблено: легенда. Это когда то или иное реальное событие в народном сознании украшается, приобретает фантастические черты, становится похожим на красивую сказку. Изложу вам, как свидетель и непосредственный участник, как оно было на самом деле. Один раз Ельцин, еще будучи народным депутатом СССР, проехался остановку на автобусе, один раз — на троллейбусе, один раз — в метро. Один раз посетил обычную районную поликлинику — не на прием ходил, конечно, он же не враг своему здоровью, а просто зашел,

постоял десять минут в очереди, записался, ответив на вопросы ошалевшей сотрудницы регистратуры, и вышел.

Еще раньше, будучи первым секретарем Московского горкома КПСС, он неоднократно заходил в магазины как бы с инспекцией. Торговые точки не вдруг возникали, как в народе рассказывали: мол, едет секретарь горкома по городу, видит вывеску «Универсам», приказывает остановиться, заходит и начинает чехвостить торгашей за скудный ассортимент, товары под прилавком, обман и недовес. В какой именно магазин он зайдет с целью «пиара» — я решал, подбирая торговые точки по ряду параметров, в том числе и с точки зрения безопасности.

Учитывались и пожелания телеоператоров: редкий «спонтанный» визит без видеокамер и фотографов обходился, иначе зачем по магазинам отираться, не цены же изучать, на самом деле. Толку в этом не было: Ельцин не знал, что сколько стоит, дорого это для рядового москвича или нет. Все делалось ради телевизионной картинки.

А став президентом, о посещении магазинов и поликлиник он забыл навсегда.

Это традиция такая у нас, начиная с Ленина на броневике и Сталина с девочкой на плече. Десятилетия прошли, а все то же самое: президент с покупателями, рабочими, зоологами, молящимися в храме... Действует закон постоянной накрутки рейтинга: чуть притормозил — народ же голову включит.

Кстати, попутное замечание: некоторым из политиков надо бы быть осторожнее. У того же Шойгу реальный рейтинг очень высок, хоть он специально и не светится с рыбаками и учеными, не изображает из себя лидера нации. Но, тем не менее, все равно на телеэкране появляется. На его месте я бы поостерегся. Если, конечно, на пенсию собрался, то выступай на публике, а если хочешь еще служить — прячься от телекамер. Чья-то еще популярность — это для других популярных как серпом по некоторым частям мужского тела.

«В начале 2017 года А. Кох описал историю попадания во власть С. Кириенко. Это происходило именно так?»

Альфред Кох — деятель любопытный, хотя не без греха (а кто без него?). Для начала вспомним, что именно Альфред Рейнгольдович входил в число инициаторов приватизации и шоковой «рыночной терапии» начала 90-х. Хамские залоговые аукционы, благодаря которым собственность всего народа

оказалась в руках кучки алчных проходимцев (они до сих пор ею владеют) — это, в числе прочих, заслуга и Коха тоже.

Но — не он первый, не он последний... От должности вице-премьера Правительства России в 1997 году его отстранили, обвинив в получении «передним числом» гонорара за будущую книгу о реформах Гайдара. Нетрудовой доход, мол. Смешно даже — кто бы об этом говорил... Кох знал, что сидит в банке с пауками, поэтому особо и не дергался, собрал манатки и ушел без пресс-конференций и рванья рубахи на груди. Сейчас он — гражданин Германии, бизнесом занимается. Все у него, надо думать, там хорошо — лучше, чем то, что с ним здесь было бы, если б права качать стал. Сидит себе в немецких барах, пьет пиво и в Интернет пописывает. Вот что он в «Фейсбуке» написал в феврале 2017-го (привожу с небольшими сокращениями).

«Кириенко дал команду уничтожить народный мемориал Немцова на месте его убийства. Это очень круто. Мне даже не верится, что это не плохая мелодрама, а реальность. Все дело в том, что Кириенко всей (!) своей карьерой обязан Немцову.

Этот комсомольский вожак горьковчан (первый секретарь Горьковского обкома комсомола на излете совка) болтался, как говно в проруби, пока не обнаружил себя (барабанная дробь!) банкиром!

И как так получилось-то, что он банкрот? А просто. Губернатор Немцов (дело прошлое) пожалел бедолагу и помог ему: разместил счета области (бюджет) в его банке. Так заработал первые деньги наш доблестный коммунист (разумеется — бывший) Сережа Кириенко.

Дальше — больше. Он (Боря) два дня (!) уговаривал меня назначить Кириенко директором НОРСИ (нефтеперерабатывающий завод в Нижегородской области). Я наотрез отказывался: нет опыта, нет базового образования и т. д. Немцов кричал, просил, грозился пойти к Ельцину. Я (был грех) — сдался.

Не проработал Кириенко и года в должности директора, как Немцов (тогда — первый вице-премьер) потащил его к Черномырдину: назначать первым заместителем, а потом — и министром топлива и энергетики. Как не назначить: он же директор профильного предприятия.

Так появился на московской арене этот пострел. Теперь он уничтожает память о своем благодетеле. Прав был Боря или не прав — не мне судить. Но если бы не он — то никакого «Киндер-сюрприза» близко бы не было в Москве. Таких, как Сережа (бывшей комсы) — пруд пруди по всей Руси Великой...

Ох, говорил я Немцову — змею ты пригрел, Боря... Нет, говорит, назначай директором, и делу конец. И тут Серенький

бочком, бочком в мой кабинет проскальзывает. Улыбается во весь рот. Бодренский такой, думает, что обаятельный...

Грех на мне, братцы. Назначил я его. Уговорил меня Борис».

Я внутри той ситуации не находился, но в курсе и могу подтвердить: так оно и было. Коху-то зачем теперь врать. В свое время с ним случилось то, что регулярно происходило и происходит с заметными персонажами в этих кругах, где добра, преданности и заслуг никто не помнит. Сегодня ты — в телевизоре, а завтра — в немецкой пивнушке.

В Кремле, наверное, тогда, двадцать лет назад, поглядели на Коха и вспомнили замечательного Папанова в фильме «Берегись автомобиля»: «Нет, все-таки надо тебе дать под зад коленом, надо!»

«Вы в 1991 году, когда фотографировались на танке у Белого дома, не думали, что этот снимок станет символом победы демократии над реакцией в России?»

— Да какое там — над символами еще думать. Выбрались из Белого дома. Кто-то подбросил идею: мол, пойдемте с людьми поговорим. «Давайте!» — загорелся Ельцин, он любил красивые героические позы принимать. И «пошел в народ». Танки стоят невдалеке. Подошли, а дальше-то что? У ЕБН возникла мысль забраться на броню, как Ленин на броневик. А с какой стороны к машине подойти — неизвестно. Ельцин не служил и вообще никогда рядом с этой техникой не стоял. Я тоже не танкист ни разу. Но как-то залезли.

Рядом тут же фотографы, операторы замельтешили. Вообще, мы с ним вдвоем на танк поначалу забрались. Но у нас же немало любителей в кадр влезть, чтобы по телевизору показали рядом с «самим» или фото в газете напечатали. Смотришь телеинтервью какой-нибудь важной персоны — сзади обязательно строим «свиньи» торчат головы соратников — любителей присоседиться к славе начальства. И я даже не понял, откуда на танке возникла еще одна «антенна» — нынешний ростовардеец «фельдмаршал» Золотов. Так и получился тот снимок. Меня часто обрезают на этом фото, а Золотова оставляют.

Кстати, у меня в кабинете дома висит большая фотография «без цензуры», обошедшая весь мир, с автографами всех, кто являлся тогда главными действующими лицами. Ельцин читает воззвание, я рядом демонстрирую готовность Ельцина и демократию защитить, и Золотов тут же изображает историческую фигуру.

Люди, которые были вдали от событий, называют тот путч опереточным. Но откуда им знать? Ведь этих питерских ни в

девяносто первом рядом не было, ни в девяносто третьем — они выжидали. Как историки говорят: в то время, когда пролетариат проливал свою кровь на баррикадах, буржуазия медленно карабкалась к власти. А сейчас они главные демократы — ордена за заслуги друг другу вешают...

«В СМИ в начале 2017 года попал фоторепортаж, где запечатлен ушедший из политики экс-президент США Обама — счастливый человек с широкой улыбкой на отдыхе на острове в Карибском море, катается на катере и вполне счастлив. Почему, на ваш взгляд, в нашей стране к «бывшим» такое отношение, что им не до радости?»

Да потому, что у нас к человеку — к любому — относятся не как к человеку, а как к ресурсу: отработал — и на помойку. Традиции такие. Так всегда было. Те, кто не на лафете из власти уехал, плохо жизнь заканчивали. Или как Хрущев, вроде как отдыхающий на даче, а на самом деле сидящий под домашним арестом (дача по периметру круглосуточно охранялась — ни войти, ни выйти). Или как Ельцин, моментально позабытый теми, кому он вручил власть.

И такое отношение — как к самим носителям высших должностей, так и к их близким. У меня в архиве сохранилось письмо дочери Ю. В. Андропова. Ее выгоняли из поликлиники ЦКБ, где она лечилась, не хотели больше обслуживать. Причем отказывали даже в праве платно получать медицинскую помощь (бесплатно лечились те, кто дорогие подарки людям в белых халатах носил). Тогда главное медицинское управление при президенте возглавил С. Миронов, который решил, что это гуманно: отказать в медпомощи старикам — членам семей руководителей. В том числе и дочери бывшего генерального секретаря. Можно подумать, это именно они мешали работе учреждения. Это не реформа ЦКБ была, а видимость кипучей работы.

Хотя я уже был депутатом Госдумы и к Кремлю отношения не имел, тем не менее позвонил Миронову, высказал ему все, что о нем думаю, и добавил: «Я вот не хожу к вам в ЦКБ — если надо, у военных лечусь или вообще в Орехово-Зуево. Но дочь Юрия Владимировича оставь на обслуживании — ради памяти об отце». И ей позволили «в виде исключения» лечиться в поликлинике ЦКБ.

Так что преемники на предшественников у нас всегда «кладут» невнимание и забвение. Был нужен — почет и уважение, свою роль выполнил — отработанный материал. Зато «подельников» никто не бросает, потому что «не по понятиям».

Главного железнодорожника Якунина, постоянно требовавшего бюджетные деньги на свою империю, никто не бросил — колоссальный дворец с шубохранилищем на месте, сам подъезжает в каких-то фондах, дети — на Западе, на груди — орден Андрея Первозванного, высшая награда России, между прочим.

«Был ли Ельцин таким самостоятельным политиком, как о нем привыкли думать, или все же он зависел от кого-то?»

Когда он был в здравом уме, при памяти и отдавал отчет своим действиям, давить на него никто не мог — получался обратный эффект. ЕБН из принципа делал наоборот, чтобы доказать, кто в доме хозяин. Ну а когда его голова от алкоголя и перегрузок перестала нормально работать, президент перешел под «внешнее управление», и там уже им рулили, как хотели: и семья, и маячившие за нею «серые кардиналы» Чубайс с Березовским и Юмашевым.

Ну, вот один только факт. 3 июля 1996 года. Только что завершились выборы президента. Ельцин лежит дома с инфарктом, семья в полном составе хлопочет вокруг. И — вдруг они бросают «папу», одеваются в «парадку» и мчатся в ночь к кому-то, кто их позвал...

В выездной охране членов семьи было два сотрудника по фамилии Кузнецов — Юрий и Александр. Юра давно работал с Ельциными, еще с тех времен, когда они в начале 90-х соблюдали традиции уральской технической интеллигенции и периодически выбирались в походы по рекам и тайге. Но уже барские замашки проступали, и они не хотели, как рядовые «лохи» — туристы, носить свои рюкзаки, палатки и прочее. И бедный Юра, как шерп, таскал за ними весь этот скарб. Вот он мне и передал рассказ другого Кузнецова, Александра.

В ту ночь после президентских выборов Саша, вконец измотанный, решил поехать домой. И тут звонок: срочно собираемся на выезд. К тому времени уже стало известно, что Ельцин одолел Зюганова (по крайней мере, в протоколах избиркома). По ночной Москве кортеж с Ельциными полетел к дому приемов «ЛогоВАЗа» — потому что позвонил Борис Абрамович и позвал отметить победу. Они и подхватились.

То есть семья новоиспеченного главы государства не в церковь пошла, не домой гостей пригласила, чтобы отметить важнейшее в стране событие, а к Борису Абрамовичу по его свистку полетела. И сидели там до утра — Наина, Таня, Лена,

зятья и внуки. Вот и делайте выводы сами о том, оказывал ли кто-то влияние на «коллективного президента» — семью Ельциных.

Чем это кончилось — все помнят. «Березовский, как компьютер, все просчитывал в уме, а на проверку оказался банальным самонадеянным идиотом», — написал Альфред Кох, которого я уже недавно вспоминал. Вот тут я с ним согласен полностью: мало быть ученым — надо еще и голову на плечах иметь. Потому что на всякую хитрую математику найдется физкультура.

«Московские водители уже до предела разозлены постоянными проездами кортежей «членовозов» — люди вынуждены часами стоять и ждать, когда «член» проедет. Водители задаются вопросом: почему руководители не могут ездить, как люди, и доставляют столько мучений и неудобств горожанам?»

Не могут ездить, потому что у них важные дела, а «чернь» должна знать свое место. Это, увы, тоже многолетняя традиция. Хотя из-за проезда экипажей царского выезда до революции Питер не перекрывали — было только сопровождение конной охраны. Вот и кидали террористы бомбы в них. А ведь тоже могли заставить городских все перекрывать, разгонять народ по переулкам. Но не делали этого, несмотря на реальную угрозу для жизни со стороны бомбистов.

Сегодня, конечно, жизнь другая. И потенциальные угрозы иные. И средства поражения при покушении тоже. Но все же в Европе, да и в США, умеют находить баланс между интересом жителей и безопасностью первых лиц так, что никто не звереет, выстаивая часы в пробках. Там канцлеру Германии или королю Испании, например, не зазорно и в общем потоке ехать. Со специальными мерами предосторожности и охраной, конечно. А у нас же собственная гордость...

Когда мы с Борисом Николаевичем выезжали кортежем на столичные магистрали, дороги тоже перекрывались — там, где без этого было не обойтись. Но в последние несколько лет этим злоупотребляют. Москвичи часами стоят в пробках, ожидая, когда в бронированном лимузине проедет президент или глава правительства, да и вообще неизвестно кто. Вот где русофобия-то: разве можно как огня бояться своих же граждан?

Сотрудники ГАИ жалуются, что нынешние пробки разрулить стоит огромных сил и времени, потому что поток возрос в разы по сравнению с 90-ми. Прямо пропорционально возросло и хамство тех, кто хочет летать по Москве на скорости 140 км/ч — не ради безопасности, чтобы снайпер не смог прицелиться, а ради своего

удобства, наплевав на людей. Опытные водители в Москве за новостями утром следят: если нет визитов глав государств, съездов и прочих признаков того, что президент из Огарево выедет — значит, в городе более-менее нормальное движение ожидается.

А вообще у нас «езда поперек» издавна практикуется, еще со времен гаража особого назначения (ГОН). В его составе было две колонны специальных машин: они стояли в Кремле и под мостами. И транспорта всем хватало, не то что сейчас, когда всякий «мелкий прыщ» норовит проехаться по-взрослому, имея под собой спецмашину. Брежнев сначала ездил на «Чайке» — тогда все высокопоставленные чиновники на них передвигались. Но у Брежнева была особая, боевая — с лобовой антенной, она означала, что машина принадлежит 9-му Управлению КГБ и едет охраняемое лицо. Водитель был с пистолетом, прикрепленные рядом с охраняемым лицом — тоже, сотрудники сзади на машинах — с автоматами. Но мне тогда больше нравился «Паккард»: более продуманный и комфортабельный автомобиль. И отечественный «ЗиЛ-110» тоже был хорош: Хрущев на таком ездил, а Брежнев не стал копировать предшественника.

Тогда не было в кортеже ни машины связи, ни машины медицины, как у нынешних хозяев страны, которых целый караван сопровождает. Когда появился ядерный чемоданчик, в кортеже стала ездить еще одна машина с двумя офицерами-ракетчиками, вся в антеннах спутниковой связи.

Когда Ельцин только пришел во власть, Горбачев ему отдал машины похуже, а себе оставил хорошие: это была одна из самых сильных обид для ЕБН. И забрав бразды правления, он сразу распорядился о смене автопарка. Взял себе бронированный горбачевский «ЗиЛ» — в мире на тот момент это была самая безопасная для седоков машина. Пассажиры в этом «ЗиЛе» сидели в капсуле из брони, как сейчас экипаж в танке «Армата». Если авария или взрыв, автомобиль может весь развалиться на фрагменты — не страшно, капсула остается целой. Машина не могла перевернуться из-за низкого центра тяжести и веса — многие водители ГОНа на льду на Ходынке пытались это сделать ради эксперимента — бесполезно.

Банкиры и олигархи тогда покупали себе за границей бронированные «Мерседесы», но они защищали только от автоматной пули, а у «ЗиЛа» был совсем другой уровень защиты. Это как танк сравнивать и броневилок какой-нибудь: тоже вроде бы броня, но попадание снаряда танк выдерживает, а от броневика останется груда железа.

Одно слабое место было у того «ЗиЛа»: когда ездил в жарких

странах, двигатель у него закипал и глох, потому что автомобиль тяжелый. Так с нами во время визита в Грецию было: заглохли и остановились на дороге, пришлось пересаживаться в резервную машину: с виду она такая же была, но меньше защищена. После того случая было принято решение заказывать для Ельцина машины за рубежом. Лучшим считался удлиненный «Мерседес» — в нем президенту можно было ноги вытянуть. И если пьяный, то спать удобно при его росте в 186 см.

Но расписаны в Германии эти бронированные «мерсы» были на два года вперед — эмиры, султаны в очереди стояли. И Гельмут Коль тогда отдал другу Борису свой автомобиль: очередь как раз подошла у него — канцлер тоже в ней стоял, как это ни дико для нас звучит. Полмиллиона долларов стоил аппарат, по тем временам это большие деньги были.

Еще один раздражитель сегодняшнего дня — мигалки. При Ельцине Бурбулис стал первым машину с ней просить. Какие были у него функции, для выполнения которых нужно было нестись, разгоняя всех спецсигналами к обочинам, — никто не знал, даже в Кремле. Сам себе придумал должность госсекретаря. Как ни приду к нему: «Саша, давай чайку попьем, посидим, поговорим». Чем он еще занимался, я не знаю.

В аварии начальство тоже попадает, не без этого. Когда Ельцин стал председателем Верховного Совета РСФСР, ездил на работу из дома на Тверской. В том доме за магазином «Пионер» немало номенклатуры обитало. ЕБН жил тогда на 4-м этаже, а Зюганов — на 3-м в том же подъезде. Я много раз тогда встречал его во дворе, когда тот машину ждал. Тогда Зюганов был простым клерком в ЦК, и никто не мог подумать, что он станет главным коммунистом, «неубиваемым», как японский автомобиль.

Так вот, в тот день мы выехали утром, по всем правилам следовали сначала, но Ельцин, как стал начальником, «приборзел» уже и потребовал нарушить ПДД и пересечь сразу восемь полос, чтобы более коротким маршрутом проехать. Ни проблесковых маячков не было на нашей «Волге», ни крикалки. Тогда скромнее народ ездил, и семь рядов остановились, чтобы нас пропустить. А по восьмому ехал классический пенсионер — «на классике» и в очках. Он и засадил нам свое транспортное средство в правую стойку между дверьми. Возле ресторана «Якорь», который тогда ремонтировался, мы сносим деревянное ограждение и останавливаемся.

У Ельцина — шишка на голове, он сходит с ума, орет что-то. Я выскакиваю ловить «террориста», попутно выломав с корнем заклинившую дверь, чтобы ЕБН выбраться смог. Народ набежал, его увидел и зашумел: «Ельцина убили!» А мне больше всего

пенсионера было жалко — чуть инфаркт его не хватил, когда увидел, в кого въехал. Всю биографию несчастного подняли — чем болел в детстве, в каком полку служил, не было ли там рассадника врагов демократии и где сейчас его партбилет.

А сами «випы» с техникой, в том числе и автомобильной, не дружили совсем. Своими руками у них вообще все плохо получается делать, особенно если подшофе. Как-то мы в компании с Ельциным и моим напарником Юрием Одинцом приехали ко мне в Молоково на двух машинах — моей «Ниве» и ельцинском «Москвиче». Вечером, естественно, была баня и все сопутствующее. Спозаранку Ельцин поднялся, сходил в туалет, а затем не проспавшемуся ЕБН захотелось покататься на «тачке». Зная, что я его за руль не пушу, так как он уже разбивал мою машину, Ельцин поднял только Одиноца, завел своего «Москвича» и... Какой же русский не любит быстрой езды...

В деревне поднимаются рано. Метрах в пятистах за Молоково на дороге стояли «Жигули» и мотоцикл с двумя седоками. Водитель машины через открытую дверь разговаривал с мотоциклистом. Чем они помешали «чайнику» Ельцину на достаточно широкой дороге, так никто потом и не понял. Может, он снова перепутал педали.

От удара у «Жигулей» оторвало дверь, а мотоцикл смело с дороги. Ситуация дикая: за рулем — нетрезвый оплот демократии, рядом — разбитая техника и покалеченный пассажир мотоцикла. Это — легкое уголовное дело даже для студента юрфака. Горбачев, который в то время мечтал найти хоть какой-нибудь повод задвинуть Ельцина, озолотил бы любого, кто ему рассказал о случившемся.

Ситуацию пришлось «разруливать». Разбитые «Жигули» в тот же день отогнали на сервис, где из побитой машины сделали просто новый автомобиль. Его хозяин не стал писать никакого заявления, поэтому разбирательства не последовало. С пострадавшим оказалось сложнее. Травмы были серьезные (поврежденный позвоночник, надорванные почки и т. д.), после чего человек долго и тяжело болел. Конечно, несчастному при нашем участии покупали лекарства, меняли врачей, больницы, но через полгода он все-таки умер. Хоронили его тоже мы, так как близких родственников покойный не имел. А Ельцин за это время даже ни разу не спросил о судьбе, по сути, убитого им человека.

Позже его «летописец» Юмашев также сбил двух человек. Тоже с плохим концом — жертвы скончались. Правда, в отличие от деревенской езды Ельцина, Валя был трезвым — просто ездить не умел.

Он тогда работал над книжкой Ельцина на улице Варги, на

объекте АБЦ, где в свое время Крючков с командой составляли планы ГКЧП. В то время это был один из самых современных специальных объектов госбезопасности. Например, там Ельцин принимал директора Федеральной резервной системы США, которому я тогда подарил едва ли не первую серийную винтовку «Тигр» тульского производства — его тогда только-только в серию пустили, и я сразу купил. Даже на учет в милицию поставить не успел. Ну а поскольку все американцы к оружию равнодушны, я и преподнес американцу.

Это здание многие москвичи знают, но мало кто внутри был. Юмашев — был, там у него имелся кабинет, где он и творил очередную книжку. И как-то вечером, отправившись домой с Варги на Осеннюю улицу, он на своей иномарке насмерть сбивает двух мигрантов — рабочих, трудившихся на строительстве медцентра. Там всегда было полно гастарбайтеров.

Валя ворвался в Президентский клуб на Ленинских горах весь трясущийся, белый, даже прыщи побледнели — спасите, дескать, от гаишников, я людей сбил. То, что он в момент ДТП не был пьяным, я просто знаю. Хотя водителю даже не было проведено медосвидетельствование, потому что вступился директор ФСБ Барсуков, начальник СБП Коржаков также вынужден был подключиться. Оценивая ту ситуацию с позиций сегодняшнего дня, я считаю, что нужно было поступить иначе. Но таковы правила игры установились: мы часто не вольны были в своих поступках. А фарш обратно в мясорубку, увы, не засунешь...

<i>«Чем закончилось ваше судебное разбирательство с президентом Ельциным?»</i>
--

Да ничем. Я никаких иллюзий не питал по поводу торжества справедливости, а подал тогда иск просто потому, что себя уважаю и не смог промолчать. Иск генерала Коржакова к Верховному главнокомандующему Ельцину и его Администрации о защите чести и достоинства был «убит» не где-нибудь, а на самом юридическом Олимпе — в Верховном суде Российской Федерации. По-другому вряд ли могло быть: штатные лизоблюды из окружения семьи ЕБН постарались.

В справедливый суд у нас в стране простые граждане уже давно почти не верят. И уж если генералу и депутату парламента России Коржакову в его обоснованном с юридических и человеческих позиций иске к главе государства отказали, то что тогда может ожидать от судебных инстанций рядовой труженик из глубинки, осмелившийся, например, доказать местному главе

администрации, что имеет равные с ним по Конституции права... «Телефонное право» пока что сильнее. Россией испокон веку правят не законы, а конкретные люди.

...Указом Президента РФ № 963 от 20 июня 1996 г. меня отстранили от должности начальника Службы безопасности президента. По всем правилам и инструкциям и по воинскому Уставу, в течение десяти дней я был обязан передать дела и документы своему преемнику. Необходимая в таких случаях рутина, естественно, требовала моего присутствия на рабочем месте. Конечно, недоброжелатели, которых тут же стало гораздо больше, чем было, контролировали каждый мой шаг в Кремле и докладывали об этом «кому положено». Донесли и Ельцину. Тот удивился:

— А что, Коржаков здесь?

— Так точно, каждый день приезжает на службу... — начал было докладывать адъютант.

— Немедленно опечатать кабинет, отобрать у него удостоверение, машину, отключить связь! — зарычал гарант Конституции.

Ослушаться Ельцина не решились. Пропуск в Кремль, правда, у меня никто изъять не осмелился, и он до сих пор лежит дома, как напоминание о том, что любой вход в большую власть в России имеет когда-то и выход оттуда.

Жизнь продолжалась. Я общался с журналистами, отвечал на их вопросы. Безусловно, всех интересовало истинное состояние здоровья Ельцина. Регулярные сообщения кремлевского пресс-секретаря Ястржембского о «крепком рукопожатии» звучали комично — ведь о том, что Ельцин серьезно болен, знали все. На рельсы он так и не лег, а вот в ЦКБ лежал регулярно.

Ко мне обратились журналисты немецкого журнала «Шпигель» и английской газеты «Гардиан» с рядом вопросов, и я не нашел причин, чтобы отказать им в интервью. Это стало детонатором, вызвавшим очередной приступ негодования на тему «Семья» против Коржакова».

Президент издал распоряжение о предоставлении материалов о моем увольнении с военной службы. Документ истеричный (что-то там о «дискредитации» и «грубых нарушениях») и юридически ничтожный, потому что не был подписан самим президентом. Что касается «грубых нарушений», которые я якобы допустил, то можно, конечно, посчитать таковым мой запрет сотрудникам опохмелять главу государства. В чистом виде нарушение принципов гуманизма.

Изучив эту ахинею, я подал иск к президенту о защите чести и достоинства в Кунцевский межмуниципальный народный суд г.

Москвы. Просил опровергнуть конкретные бредовые пассажи, содержащиеся в распоряжении президента (пусть и не подписанном), в отношении меня.

Конечно, я прекрасно понимал, что создаю сложный юридический прецедент: судиться в России с действующим президентом — все равно что справлять нужду против ветра. Но не соглашаться же с глупостью о том, что, дескать, я разгласил тайну о его болезни. Любой россиянин, имеющий телевизор, это видел своими глазами. К тому же народ, избравший себе президента, имеет полное право знать, в каком состоянии находится его избранник. Хотя бы ради того, чтобы понимать, чего можно и чего нельзя от него ожидать и к каким последствиям правления своего кумира стоит готовиться.

Интересы главы государства в суде по моему иску защищал Генри Резник. Для меня это уже было неожиданностью, так как Ельцин из всей когорты российских адвокатов более всего почему-то невзлюбил именно Генри Марковича.

— Губошлеп, понимаеш... — Это обычная ельцинская характеристика Резника, которую мне лично не раз доводилось слышать.

— Что делать, Александр Васильевич, — философски заметил Резник, — я вынужден этим заниматься...

Суд удалился на совещание, и решение было готово уже через 15 минут, хотя наверняка оно уже там лежало готовое. В иске к президенту Ельцину и его администрации мне было отказано.

В Верховном суде председательствует Вячеслав Михайлович Лебедев, работавший еще председателем Верховного суда РСФСР. Я его прекрасно знаю, более того, отчасти благодаря мне он и занимает свой пост, но просить его о помощи в деле я тогда не стал, чтобы не подводить человека и не ставить его в неловкое положение невыполнимой просьбой. Он ничего не смог бы сделать. Понятно же, что решение о том, отказать мне в иске или удовлетворить его, принималось совсем не в судебных кабинетах, и вообще Закон там ни при чем был — все решала «семья».

А история с В. М. Лебедевым в 1995 году была простой, как семь копеек. Глава президентской администрации С. Филатов тогда решил во что бы то ни стало не допустить переназначения Лебедева председателем Верховного суда. Филатов хотел кого-то своего (знаю, что женского пола) в главное судебное кресло страны посадить. И Ельцину на стол легла бумага о том, что когда-то в Свердловске некий судья Лебедев что-то натворил непристойное. Это был просто бред: Вячеслав Михайлович предъявил доказательства того, что в Свердловске он физически никогда не был, а отметился там в неприглядной истории совсем

другой юрист по фамилии Лебедев.

Я вступился за порядочного человека, обратил внимание президента на чушь, которую нес жулик Филатов, желая опорочить Лебедева. И Вячеслав Михайлович продолжил занимать главное кресло в здании на Биржевой площади.

Надо отдать Лебедеву должное — доброго отношения к себе он, как многие другие, не забыл. Просто штрих: спустя несколько лет иду в сторону Торгово-промышленной палаты, которая находится напротив здания главного суда России. Вдруг останавливается мимо летевший «Мерседес» с мигалками, из него выбирается председатель Верховного суда, подходит, трясет мне руку и говорит, что рад видеть. Простой человеческий жест, а приятно.

Еще раз судьба меня свела с председателем Верховного суда в 2014 году, когда на Ассоциацию ветеранов и сотрудников Служб безопасности президента, в которой я состою и до сих пор ее возглавляю, «наехало» министерство юстиции. Оно вообще всегда неровно дышит по отношению к общественным организациям: они ведь безответные, их легко «запрессовать», чтобы галочку поставить в графе «работа» — это же не кропотливая возня с анализом и совершенствованием действующего законодательства. В деятельности нашей Ассоциации Минюсту не понравилось слово «президент» в названии — это же священная корова, нечего, дескать, лапы протягивать к образу хрустальной чистоты. На наш логичный вопрос: «А если мы там действительно работали, нам что теперь — многоточие в названии ставить?» Минюст ничего вменяемого не ответил. Ну и еще ряд формальных придириков такого же рода министерство нам выкатило и обратилось с иском к Ассоциации в суд.

Я позвонил Вячеславу Михайловичу и рассказал об ахинее «made in Минюст». Но не для того, чтобы тот обеспечил какой-то режим благоприятствования — просто попросил, чтобы на процесс назначили нормального, не ангажированного судью. Лебедев выполнил просьбу. И случилось невероятное: наверное, единственный раз в истории Министерство юстиции РФ проиграло суд общественной организации, вернее, была ничья, а потом мировое соглашение. Но для нас это была победа.

А вообще Вячеслав Михайлович Лебедев, да простит он меня за такой образ, производит впечатление белой вороны в нашем бюрократическом зоопарке. Прежде всего тем, что не утратил скромности. Вспоминаю, как-то пригласил меня к себе в председательский кабинет. Ну, как водится, зашли в комнату отдыха на рюмку чая. Хозяин — обладатель главной судейской мантии страны — достал бутылку заурядной водки,

собственноручно нарезал крупными ломтями батон и простецкую колбасу из аппаратного буфета, а к чаю выставил вазочки с сушками и обычными дешевыми леденцами «слеза пенсионерки».

А в кабинет иного высокопоставленного московского чиновника попадешь — таких «понтов» насмотришься... Словно главная задача хозяина не оказать внимание гостям, а продемонстрировать им, что круче только яйца.

«Как вы относитесь к высказываниям Н. С. Михалкова по поводу Ельцин Центра в Екатеринбурге?»

Ничего не могу сказать об экспозиции музея — я там не был, меня никто не приглашал. Хотя трудно найти другого такого человека, который больше, чем я, времени провел рядом с первым президентом страны в конце 80-х — первой половине 90-х годов.

Не только Никита Сергеевич критиковал этот музей. Еще, например, телеведущий Владимир Соловьев. В принципе, он сказал то, о чем я и так догадывался: Ельцин Центр — это еще одна тщетная попытка этой команды жуликов назвать черное белым и доказать, что никакого казнокрадства не было, а было сплошное строительство светлого будущего. Используя имя Ельцина, «семейка» потратила огромные, в том числе и бюджетные, средства, чтобы сделать музей себя самой. И показать, что именно они — строители новой России, а все остальные — плевки под ногами.

Вот стенограмма той передачи с участием Соловьева (с небольшими сокращениями).

Программа «Полный контакт» на радио «Вести FM», эфир от 22.11.2016 г.

«Давайте я вам скажу сразу мое отношение? У меня были контакты с разными людьми, имеющими прямое отношение к этому Ельцин Центру. Они спросили меня, понравилось мне или нет. Я сказал: «Музей — да, экспозиция — нет». На что мне было сказано, что музей и экспозиция — одно и то же. Я сказал: «Нет, это не одно и то же». Извините, я, как человек, выросший в музее-панораме «Бородинская битва», должен вам сказать, что музей и экспозиция — это не одно и то же.

Давайте по порядку. Нужен ли музей? Обязательно. Никакого сомнения. В нашей стране последние периоды (в царской, конечно, было чуть по-другому) не хватало формального

уважения к уходящему правителю, то есть к институту президентской власти. Это новое для нашей страны, поэтому тем более необходимо выстраивать уважение. Поэтому, бесспорно, понятно, зачем прививается уважение к институту президентской власти. Синонимично ли это тому, что должно идти обожествление, идеализация, искажение истории? Нет, совсем не очевидно. Уважение к статусу, уважение к институту, к президентской власти как таковой — не вопрос. Вопрос состоит в другом: а что внутри Ельцин Центра?

Здание очень красиво — я не рассматриваю его коммерческую часть, я не смотрю, сколько денег было потрачено. Здание очень талантливо архитектурно выполнено, насыщено большим количеством новинок музейного дела. Очень хорошо обученный, вежливый, доброжелательный персонал. Высока насыщенность кафе, магазинчиками — что в них продают, это другое дело. Большое количество экспонатов.

Большая доска, на которой указаны люди помогавшие, дарители. Я хорошо понимаю, когда среди них находится руководитель государства, что очевидно, потому что показывает саму суть преемственности власти. Я понимаю, когда там находятся крупные предприниматели, которые оказали помощь лично, и выдающиеся деятели искусств — тоже люди небедные. Я не понимаю, почему там находится ряд чиновников средней руки — они не являются ни членами семьи, ни еще кем-нибудь. Видно, в этом есть какой-то тайный смысл.

В этом музее Ельцина нет. Ну, где-то маленькие вкрапления. Это не музей первого Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина, к сожалению. И когда я спросил об этом, было сказано: «Ой, вы знаете, мы делаем сейчас частную коллекцию, частный музей, где будут друзья Ельцина и прочее». Но вот в самом музее Ельцина нет. Это не Ельцин Центр», а либерал-центр. В Советском Союзе был такой музей Ленина. Вот в музее Ленина его было больше, чем Ельцина в Ельцин Центре. В худшие годы советской пропаганды столь откровенно одностороннего взгляда на историю, как в Ельцин Центре, не было.

То есть создатели экспозиции, среди которых есть очень талантливые люди, сломали через колено историческую правду. Проведена идеологема (это — музей идеологем), которой подчинено всё. Ради подтверждения которой можно выбрать отдельные мнения маргинальных историков, маргинальных политиков.

Можно выбрать из всей истории России отдельные моменты и дать им оценку: «Немногие знают... Есть историки, которые...» И все это по отдельности будет правдой. Другой вопрос, что эти

историки могут быть абсолютными маргиналами, не уважаемыми в среде. А «немногие знают» — может оказаться неправдой. Можно утаить гигантские пласты русской истории, можно дать им вольную трактовку, но подвести к мысли, что все сводится к вечной борьбе за свободу по западному пути.

Я не хочу материться и говорить гадкие слова, но я вышел из этого Ельцин Центра, и мне нужно было сдерживать дикое чувство ненависти, потому что у меня органическое неприятие лжи. И когда я видел ту ложь о нашей истории, меня с каждым шагом начинало потрясывать все больше и больше. Талантливо ли сделано? Очень! Но контент убивает. Выборочность контента.

Например, посмотрев 90-е годы, ты никогда не поймешь падение производства, падение населения. Об экономических реформах сидят и рассуждают Чубайс, Авен и Нечаев! Это кто — реформаторы или выгодоприобретатели? И так сделано всё. Например, гигантский стенд, на котором — «Отечество», Примаков, Лужков, правительство Маслюкова, и написано: «Антипрезидентские силы».

Стоит бронированная «Чайка», на которой ездил Ельцин, и подарки — от Назарбаева и прочих. И очень трогательный подарок от Бориса Ефимовича Немцова за № 19 от 2005 года: оранжевый свитер с запиской: «Дорогой Борис Николаевич, примите мои самые теплые поздравления с днем Вашего рождения. Решил подарить Вам свитер, чтобы Вам было в нем тепло и уютно. А его оранжевый цвет — намек на то, чего не хватает сейчас в России. С каждым днем, Борис Николаевич, я люблю и ценю Вас все больше. Ваш Борис Немцов».

Возникает вопрос: случайно, просто так? Но — всё на этом построено, всё — на вызове. Но это не только Ельцин Центр, но и откровенно «анти-Горбачев центр». Уровень возмущения людей, особенно исторического сообщества, будет такой, что можно сойти с ума. Это не музей Бориса Николаевича. Это не музей даже идей Бориса Николаевича. Его там нет. Там есть абсолютно идеологизированные, придуманные сахарные фигуры.

Конечно, там нет никакого Березовского, «семибанкищины», ограбления залоговыми аукционами, страшного обнищания народа. Там всё в виде хохмы: а вот пустые прилавки, а вот ваучеры и МММ. Там нет ни слова о том, что падение ВВП было в два с лишним раза больше, чем во время Великой Отечественной войны. Там ничего этого нет.

Ходим, я спрашиваю: «А Чеченская война где?» Мне говорят: «А вот здесь» — закуток маленький. И ясно, что Ельцин вообще не виноват в том, что Чеченская война была. И не пытайтесь там найти, сколько погибло. Нет терактов. Нет всего этого позора. Нет

Хасавюрта. Нет и второй Чеченской.

Путина вообще нет.

Как ты будешь относиться после этого к своей стране? «Слава богу, что был такой Ельцин», — это первое, что я должен вынести. А второе: «Какой ужас, где я живу!» Азиатчина, страна вечной тирании, страна, где хотели как лучше, а получилось как всегда — там маечки такие продаются. Никита Сергеевич [Михалков] делал передачу об этом, но он был, конечно, очень мягок.

Используя имя Ельцина, выстроили музей чему? Вот мне хочется, чтобы был музей Ельцина — честный, правдивый, сложный, рассказывающий о том, как человек вырос, занял самую высокую должность в стране, проявил волю и мужество и стал президентом, взял на себя ответственность. Как он не смог побороть соблазны, как он тасовал эти команды, как он вечно мучился, выбирая одних или других, как он сдавал, по большому счету, налево и направо ближние свои команды...»

«В Госдуме многое изменилось с момента вашего ухода из депутатов. Эти изменения — в лучшую сторону?»

На мой взгляд, в худшую. При мне высший орган законодательной власти только становился придатком к президентской администрации, а теперь окончательно им стал. Думать депутатам стало незачем — за них уже все продумали «большие ребята», задача парламента — эти решения проштамповать.

Со спикерами, я считаю, Думе тоже не везет хронически. Один в свое время хотел на двух стульях усидеть, вернее, и рыбку съесть, и к Березовскому на коленки пристроиться. Другой родил незабываемое «парламент — не место для дискуссий». Его сменил «свадебный певец», переквалифицировавшийся в разведчики, а того — «майонезный король».

Госслужащих обязали предоставлять сведения о доходах и имуществе. Подавали их и мы, депутаты Государственной думы. В 2000 году, по этим декларациям, годовой доход у 75 % народных избранников был одинаков: 1 миллион 200 тысяч рублей. У большинства — одна зарплата, никаких акций. И вдруг спустя пару лет благосостояние депутата Володина начинает расти как на дрожжах, да так, что коллеги подозревают нехорошее. Вскоре он становится вице-спикером Госдумы.

В 2006 году «Ведомости» пишут: «Депутаты хотят узнать реальные источники доходов вице-спикера и просят прокуроров сверить декларации о доходах Володина с данными о реальной стоимости пакета принадлежащих ему акций. Подсчитать доходы Володина депутаты решили после публикации в февральском номере журнала «Финанс», где состояние Володина было оценено

в 2,7 млрд руб., а сам вице-спикер занял 351-е место в списке богатейших россиян. «В Госдуму приходят миллионеры и миллиардеры, к ним нет вопросов. Но Володин стал депутатом в 1999 г., его средняя зарплата составляет 70 000 руб., — объясняет саратовский член КПРФ, депутат Валерий Рашкин. — Еще три года назад он декларировал доходы в размере 1–2 млн руб. в год, а тут такая сумма. Нам интересно, как за это время он смог заработать такие деньги».

Наивный коллега Рашкин — знать-то ему интересно, да кто ж расскажет, КАК такие деньги зарабатываются у нас в стране. Вернее, все догадываются, но вслух говорить об этом желающих мало находится: единороссы — народ мстительный.

«Почему вы ушли с должности советника тульского губернатора?»

Попросили написать заявление. Пост советника-наставника губернатора Тульской области я занимал с 2011 года, цитируя СМИ, потому, что губернатор Груздев принял во внимание мой высокий профессионализм и популярность среди туляков.

Это произошло в сентябре 2014 года. Тогда шла предвыборная кампания в Орехово-Зуевском районе Подмосковья. Это родина моей матери, а значит, моя вторая родина, и я не мог остаться в стороне, когда там начался полнейший беспредел, устроенный подмосковным губернатором Воробьевым. Он совсем берега потерял, считая население муниципальных образований бессловесной дворней, которая все проглотит.

Как, кстати, проглотили его дальневосточные знакомые — сахалинские рыбаки, у которых он в свое время «купил» для своей компании «Русское море» 500 тонн красной икры. А на вопрос рыбаков — «ну когда уже вы, Андрей Юрьевич, за икру расплатитесь?» — последовал ответ: «А нет денег, ушли на нужды МЧС». Об этом мне рассказал человек, следы которого, к сожалению, пока затерялись — я не смог его найти, когда писал эту книгу. Но не только он источник этой информации: когда я был на Сахалине, рыбаки поинтересовались у меня, не знаю ли я такого Воробьева, который у них эшелон деликатеса забрал и не расплатился. А что я отвечаю: знаю, конечно, бывший коллега по Госдуме...

Но вернемся к Орехово-Зуево. Мэр Олег Апарин, который смог выправить ситуацию в городе, выдвигался тогда в качестве самовыдвиженца, но к нему применили излюбленный «единороссовский» предвыборный прием: придрались к несуществующим нарушениям в подписных листах. Избирком отказал ему в регистрации. Губернатор Воробьев начал вставлять Апарину в колеса и другие палки. Ему нужно было протащить в

мэры своего человека — председателя горсовета Панина, команда которого перед выборами передала заместителю губернатора М. Кузнецову «пустячок», всего-то 70 миллионов рублей — не много. Но в Московской области — десятки таких орехово-зубовых... Поглядел я на все это безобразие и написал открытое письмо президенту Владимиру Путину, чтобы обратить внимание гаранта Конституции на ее хамское поправление.

Ну а в Туле мне попытались инкриминировать «нарушение корпоративной этики»: дескать, некорректно в письме президенту (да и само письмо, сказали, не имел права посылать) высказался в адрес губернатора Московской области. «Коммерсантъ» тогда, кстати, написал, что Воробьев после моего открытого письма Путину позвонил тульскому губернатору Груздеву и попросил его «повлиять» на меня. Тот и повлиял, куда ему деваться, он тоже в этой системе человек подневольный. И, к слову, сам был вот так же впоследствии освобожден от должности губернатора и отправлен выполнять отцовский долг по воспитанию четвертого ребенка. Вот только не знаю, материнский капитал из какого бюджета ему причитался — из тульского или московского.

А меня вызвала, возвратив с полдороги в Москву, тогдашняя замгубернатора Ю. Марьясова и начала лекцию о «прыжках через голову», корпоративной этике (только непонятно, о какой корпорации речь) и желательности моего ухода. Я поинтересовался, почему сам губернатор мне об этом не сказал. Она набрала его номер и дала мне трубку. Груздеву, чувствовалось, тот разговор тяжело давался. Да не вопрос, говорю, Владимир Сергеевич, вот уже беру бумагу и пишу заявление. Буду в Молоково гусей выращивать.

Я не очень переживал, хотя и жаль было с Тулой расставаться — все-таки 18 лет отдано городу и горожанам. Но успокаивало понимание того, что об этих унылых чиновниках и их «корпорации» с извращенной «этикой» сразу забудут, когда они уйдут. А песню «Тула — земля моя», автором слов которой является Коржаков и которая стала гимном Тулы, поет весь город оружейников, когда на массовые мероприятия народ собирается. Это для меня — дороже.